

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 11. № 2/2025

DISCOURSE

Volume 11. No. 2/2025

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2025

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetsckaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Филиппов С. И. Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России.....	5
Муртазин С. Р. «Принцип недоверия помыслам» и проблема соотношения эпистемической и моральной ответственности (на примере статей А. С. Мишуры и С. М. Левина)	21
Полубояринов А. Р., Сурова Е. Д. Идеология как знаковая система: семиологический анализ.....	34
Чжан Ю., Цаплин С. Н., Яковлева И. В. Вопросы разработки социально-философских основ образовательного пространства.....	43

СОЦИОЛОГИЯ

Игнатьев В. И., Душина У. С. Социальные роли в коммуникации «человек – машина»: концептуализация предметной области	55
Корнилова М. В. Fashion-досуг в старшем возрасте: новые возможности для активного долголетия.....	73
Колянов А. Ю., Матвеев М. С., Черкасов Д. Г. Социальные медиа в политических коммуникациях правых шведских партий.....	86
Дерюгин П. П., Куражев С. Д., Павлов А. В., Лебединцев Д. А. Социальное восприятие технологий управленческого общения студентами инженерных специальностей: итоги пилотажного исследования (часть 1)	98

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сигаева М. С., Степанова Н. В. Интернет-мем: происхождение, дефиниции и подходы к исследованию	114
Shugaylo I. V. Characteristics of Discourses of Helping Professions	132
Родин В. А. Определение содержательного ядра синонимического ряда англоязычных терминов в области строительной техники	142
Нильсен Е. А., Машко И. К. Типы атрибутивных конструкций в среднеанглийской поэзии	157
Liu P. Citespace-Based Bibliometric Analysis of Englishes: Insights and Trends	170

Правила представления рукописей авторами	182
---	-----

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Filippov S. I. Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia	5
Murtazin S. R. The Principle of Distrust to Thoughts and the Problem of the Correlation of Epistemic and Moral Responsibility (on the Example of Articles by A.S. Mishura and S.M. Levin)	21
Poluboyarinov A. R., Surova E. D. Ideology as a Sign System: Semiological Analysis	34
Zhang Yu., Tsaplin S. N., Yakovleva I. V. Issues of Developing the Socio-Philosophical Foundations of the Educational Space.....	43

SOCIOLOGY

Ignatyev V. I., Dushina U. S. Social Roles in Human-Machine Communication: Conceptualization of the Subject Area.....	55
Kornilova M. V. Fashion-Leisure Time for Elderly: New Opportunities for Active Longevity.....	73
Kolianov A. Yu., Matveev M. S., Cherkasov D. G. Social Media in Political Communication of Swedish Right-Wing Parties	86
Deriugin P. P., Kurazhev S. D., Pavlov A. V., Lebedintsev D. A. Social Perception of Managerial Communication Technologies by Engineering Students: Results of a Pilot Study (Part 1).....	98

LINGUISTICS

Sigaeva M. S., Stepanova N. V. Internet Meme: Origin, Definition and Research Approaches.....	115
Shugaylo I. V. Characteristics of Discourses of Helping Professions.....	132
Rodin A. V. Definition of the Content Core of Synonymic Series of English-Language Terms in the Field of Construction Equipment	142
Nilsen E. A., Mashko I. K. Types of Attributive Constructions in Middle English Poetry.....	157
Liu P. Citespace-Based Bibliometric Analysis of Englishes: Insights and Trends	170

Оригинальная статья
УДК 17; 141.155; 316.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20>

Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России

Сергей Иванович Филиппов

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>*

Введение. В статье исследуются условия относительно высокой/низкой лояльности «подчинённых» (субъектов лояльности) к «начальству» (объектам лояльности) в различных институциональных контекстах. Лояльность рассматривается как переменная, включающая различные уровни поддержки или оспаривания подчиненными власти начальства. На основе неовеберовского подхода выдвинута гипотеза о факторах, укрепляющих лояльность: чем сильнее властная инстанция обеспечивает базовые социальные заботы подчиненных – безопасность, социальный статус и доход – тем выше их лояльность.

Методология и источники. Условия лояльности исследуются сопоставлением контрастных случаев высокой (остзейское рыцарство, сибирское и позднее донское казачество, белорусская позднесоветская элита) и низкой лояльности (яицкое и раннее донское казачество, ранняя грузинская аристократия, литовская позднесоветская элита).

Результаты и обсуждение. Базовые социальные заботы обеспечиваются структурами трех типов: а) иерархические военно- и гражданско-бюрократические институты; б) патрон-клиентские сети; в) самоуправляющиеся эгалитарные сообщества. Социализация в военно-бюрократических институтах государственной службы обеспечивает относительно высокий уровень лояльности по отношению к государственной власти и является наиболее предпочтительной для элит. Предпочтение представителями элит патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ вызвано издержками военно-бюрократических институтов, в частности, дефицитом престижных позиций. Распространение престижного потребления как демонстрации высокого статуса, сохранение приемлемого для элит уровня благополучия, престижа и безопасности после выхода в отставку помимо служебного жалования снижают эти издержки.

Заключение. Уровень лояльности субъектов по отношению к объектам лояльности тем выше, чем меньше срок пребывания на престижных позициях, выше культурная, социальная, лингвистическая дистанция между субъектами лояльности и социальным окружением, а уровень влияния, власти, богатства отдельных субъектов лояльности существенно ниже, чем у объекта лояльности.

Ключевые слова: лояльность, элиты, социальные заботы, обеспечивающие структуры, государственная служба, патрон-клиентские сети, эгалитарные сообщества

Для цитирования: Филиппов С. И. Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.

© Филиппов С. И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia

Sergey I. Filippov

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>*

Introduction. The article examines the conditions of relatively high/low loyalty of 'subordinates' (subjects of loyalty) to 'superiors' (objects of loyalty) in various institutional contexts. Loyalty is considered as a variable that includes different levels of support or challenge by subordinates to the authority of their superiors. Based on the Neoveberian approach, there has been put forward a hypothesis about the factors that strengthen loyalty: the stronger the authority ensures the basic social needs of subordinates – security, social status and income – the higher their loyalty.

Methodology and sources. The conditions of loyalty are studied by comparing contrasting cases of high (Ostsee knighthood (Baltic knighthoods), Siberian and later Don Cossacks, Belarusian late Soviet elite) and low loyalty (Yaik and early Don Cossacks, early Georgian aristocracy, Lithuanian late Soviet elite).

Results and discussion. Basic social needs are satisfied by three structures: a) hierarchical military and civil-bureaucratic institutions; b) patron-client networks; c) self-governing egalitarian communities. Socialization in the military-bureaucratic institutions of the civil service provides a relatively high level of loyalty to state power and is most preferred by the elites. Elite representatives' preference for patron-client networks and egalitarian communities is caused by the costs of military-bureaucratic institutions, in particular, a shortage of prestigious positions. The prestigious consumption as a demonstration of high status, maintaining an acceptable level of well-being, prestige and security acceptable after retirement/in addition to salary reduce these costs.

Conclusion. The higher the level of subjects' loyalty to the objects of loyalty, the shorter the period of stay in prestigious positions, the higher the cultural, social, and linguistic distance between the subjects of loyalty and the social environment, and the level of influence, power, and wealth of individual subjects of loyalty is significantly lower than that of the object of loyalty.

Keywords: loyalty, elites, social needs, support structures, state service, patron-client networks, egalitarian communities

For citation: Filippov, S.I. (2025), "Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20 (Russia).

Введение. Судьба персонажа повести-вставки в поэму «Мертвые души» – капитана Копейкина, героя войны 1812 г., превратившегося из верного слуги царю и отечеству в атамана банды разбойников – вовсе не гротеск, или поэтическое преувеличение. Подобные переходы – причем в обе стороны – в истории России не были редкостью. Лояльность элит государству (правителю или правительству) в России имела фундаментальное значение для самого ее существования, ведь наша страна на протяжении многих столетий существовала и продолжает существовать сегодня в форме полиэтнического и многоконфессионального государства, в котором одной из важнейших стратегий управления является взаимодействие центра с местными и центральными элитами, а обеспечение высокого уровня лояльности со стороны элит – предметом заботы центральной власти.

Актуальность исследования условий и механизмов лояльности высока в эпохи социальных и геополитических изменений, культурного многообразия и складывающейся многополярности современного мира.

Тем не менее лояльность рассматривается, скорее, не как самостоятельный многоуровневый феномен, а в качестве одного из аспектов различных процессов, явлений и отношений в сфере политики, психологии, экономики, морали¹. В социально-гуманитарных науках и психологии лояльность наиболее интенсивно исследуется в рамках социологии организации как принятие сотрудниками ценностей и норм собственного предприятия (в широком понимании этого термина) и идентификации с ним (Г. Беккер, Л. Джуэлл, В. Доминьяк, М. И. Магур, М. Б. Курбатов и др.), а также как один из аспектов потребительского поведения – приверженность покупателей тем или иным товарам, производителям и товарным маркам (Д. Джакоби, Д. Акер, Ф. Рейжельд, Г. И. Просветов и др.). В социальной и политической философии лояльность рассматривается как аспект солидарности (Э. Дюркгейм, Г. Мид, Р. Коллинз), легитимного господства (М. Вебер), принуждения (марксизм, М. Фуко) и др. Различные аспекты лояльности российских элит и населения по отношению к государственной власти исследуются в работах О. В. Гаман-Голутвиной, Г. М. Дерлугьяна, А. И. Миллера, С. В. Нефедова, Л. Ф. Писарьковой, В. А. Тишкова, С. В. Чешко, М. Гарселона, А. Каппелера, Т. Мартина, Д. Пономарева, Г. Симона, Г. Сунни и др. Тем не менее условия лояльности или нелояльности индивидов групп по отношению к сообществам разного типа вообще (этническим, конфессиональным, сословным, территориальным и др.) и государственным и властным институтам в частности, а также взаимосвязь между данными условиями и механизмы динамики лояльности остаются не до конца исследованными.

Понятие лояльности и исходная гипотеза. Понятие «лояльность» строится как переменная, включающая в себя различные уровни поддержки или оспаривания *субъектами лояльности* (условными «подчиненными» – индивидами, организациями, сообществами или социальными слоями со сходными установками и политическим поведением – *габитусом*) власти над ними *объектов лояльности* (условного «начальства» – вождя, монарха, правящей группы, центрального правительства и т. д.). Лояльность, таким образом, выступает как отношение, включающее в себя внутренние установки и внешнее поведение подчиненных акторов (субъектов). *Поведение* каждого актора (высказывания, публичные речи, объявленные решения, социальные и материальные действия), с одной стороны, управляется ранее обретенными *установками* [2]. С другой стороны, вовлеченность актора в политическое взаимодействие, особенно связанного с конфликтами, насилием или угрозами насилия, нередко существенно меняет его *установки*, а значит, и последующее *поведение*.

Для исследования условий лояльности используется весьма распространенная в мировой философии и социологии концепция базовых социальных потребностей или забот как мотивов деятельности индивидов и сообществ. Под социальной заботой понимается устойчивый комплекс переменных, значимых для индивидов или их сообществ [3, с. 35]. На основании универсалий неовеберианской политической социологии выделим базовые социальные заботы [4, с. 17–35]: приемлемый социальный статус и символический престиж

¹ Морально-философскому анализу лояльности как самостоятельному феномену посвящена, пожалуй, одна работа – «Философия морали» Д. Ройса (1908) [1].

(честь, достоинство, причастность к сакральным символам того или иного сообщества); безопасность; материальное или экономическое благополучие; участие в принятии решений (причастность к власти). Функциональная модель А. Стинчкомба описывает механизм удовлетворения базовых социальных забот. Это происходит благодаря активности *обеспечивающих структур* – установок сознания и поведения, социальных практик, институтов с правилами взаимодействия (далее *обеспечивающие сообщества*). Но активность обеспечивающей структуры может сопровождаться издержками, которые растут по мере увеличения ее интенсивности [5, р. 80–99; 3, с. 33].

Исходное предположение состоит в том, что лояльность подчиненных (субъектов лояльности) по отношению к начальству/авторитетным инстанциям (объектам лояльности) тем выше, чем более первые видят в лице вторых инстанцию, или обеспечивающее сообщество, которое удовлетворяет их базовые социальные потребности или заботы – надежно предоставляет им социальный статус с соответствующими гарантиями безопасности, символическим престижем и достойным благосостоянием, доступом к экономическим ресурсам.

Целью исследования является проверка общей гипотезы, уточнение условий лояльности подчиненных (субъектов лояльности – элит – по отношению к начальству – объектам лояльности), а также исследование специфики реализации инвариантных причинных факторов лояльности в различных институциональных контекстах.

Методология и источники. Проверка общей гипотезы и уточнение причин динамики лояльности осуществлялась сопоставлением контрастных случаев с относительно высоким и низким уровнями лояльности элит в разные периоды российской истории. Объединенные в пары случаи сходны друг с другом по существенным признакам: исторический период и/или регион проживания, доля элит в общем населении, и др. При этом они резко отличаются друг от друга по уровню лояльности в отношении центральной власти (таблица).

Пары контрастных случаев
Pairs of contrasting cases

Случаи с относительно низким уровнем лояльности	Случаи с относительно высоким уровнем лояльности
Польская шляхта (XIX – начало XX вв.)	Остзейское рыцарство (XVIII – начало XX вв.)
Донское казачество (XVII в.)	Донское казачество (XIX – начало XX вв.). Сибирское казачество (XVII – начало XX вв.)
Яицкое казачество (XVI – первая половина XVIII вв.)	«Держава» Строгановых (XVI – XVII вв.)
Сербские граничары Краины (империя Габсбургов, XVII – первая половина XIX вв.)	Граничары Новой Сербии (Российская империя, середина XVIII в.)
Грузинская элита (первая треть XIX в. (до наместничества М. С. Воронцова на Кавказе)	Грузинская элита (середина XIX – начало XX в.)
Горская знать до середины XIX в.	Горская знать после присоединения Кавказа к Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.)
Литовская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)	Белорусская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)

Кроме того, проанализированы некоторые случаи с различным уровнем лояльности по отношению к государственной власти: дворяне и разночинцы – участники революционного движения (60–70 гг. XIX в. – относительно низкий уровень лояльности), офицеры импера-

торской гвардии начала XX в. (относительно высокий уровень лояльности). Результаты анализа представлены в ряде публикаций [6–8; 9, с. 303–308; 10; 11].

В процессе обобщения объяснений относительно высокого и относительно низкого уровней лояльности элит государственной власти были выявлены сообщества, обеспечивающие базовые заботы элит, а также условия предпочтения обеспечивающих сообществ того или иного типа.

Результаты и обсуждение. *Обеспечивающие сообщества и лояльность элит государственной власти.* Сообщества, обеспечивающие базовые социальные потребности (заботы) представителей элит относятся к трем типам – иерархические военно-бюрократические институты государственной службы, патрон-клиентские сети, основанные на личной преданности клиентелы патрону и эгалитарные сообщества [12].

Социализация в рамках обеспечивающего сообщества того или иного типа предполагает формирование особенного габитуса – комплекса установок сознания и поведения, ассоциируемого с принадлежностью к той или иной социальной группе. Для успешной карьеры в военно-бюрократических институтах государственной службы востребованы такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, исполнительность, контроль над эмоциями, сдерживание агрессии. В патрон-клиентских сетях ценятся отношения безусловной преданности, верности главе клана или клиентеле, ради чего не только допустимо, но и необходимо явно пренебрегать формальными нормами и ритуалами. Поведенческие нормы и морально-ценностные качества членов эгалитарных сообществ – обостренное чувство собственного достоинства, подчеркнутая агрессивность как средство демонстрации и защиты статуса, вольнолюбие – также мало совместимые с чиновничьими добродетелями послушания и почитания начальства.

Относительно высокий уровень лояльности элит по отношению к государственной власти (правителю или правительству) обеспечивается их социализацией в рамках военно-бюрократических институтов – ведь габитус образцового государственного служащего не предусматривает никакого бунтарства. Яркий пример лояльных элит, ориентированных на государственную службу, представляет немецко-балтийское рыцарство. В условиях слабости государственных институтов как структур, обеспечивающих благосостояние и приемлемый уровень потребления, альтернативой для прибалтийского дворянства стало поступление на государственную службу за пределами своего региона. На русской службе остзейцы нередко занимали высокие посты и пользовались доверием со стороны верховной власти. Такой карьерный успех был возможен благодаря документально подтвержденному статусу, зафиксированному в матрикулах (списках рыцарских родов), а также особому остзейскому габитусу: дисциплинированности, аккуратности, исполнительности и, конечно, лояльности [6].

Если представители элит или претенденты в элиту предпочитают (вынужденно или добровольно) социализацию в эгалитарных сообществах или участие в патрон-клиентских сетях, то их уровень лояльности по отношению к государственной власти, официальным ценностям, символам и нормам поведения относительно низок. Таким образом, исследование условий предпочтения представителями элит (претендентов в элиту) обеспечивающего сообщества того или иного типа позволит выявить условия их лояльности по отношению к условному начальству и, в частности, условия лояльности (относительно высокого и низкого его уровня) элит государственной власти.

Почему элиты предпочитают военно-бюрократические институты. Военно-бюрократические институты являются для элит наиболее предпочтительными структурами, обеспечивающими их базовые социальные заботы. Это объясняется спецификой статусов, присваиваемых государственным служащим в организациях такого рода. Бюрократические статусы относительно устойчивы, т. е., будучи однажды приобретены (присвоены), как правило, не предполагают постоянного подтверждения. Они универсальны, т. е. пользуются признанием на территории, подконтрольной государственной юрисдикции, часто – шире. Кроме того, бюрократические статусы имеют формальный (символический) характер [13, с. 256–263], что опять-таки, освобождает их обладателей от необходимости подтверждать собственный престиж, достоинство и право на уважение со стороны окружающих реальными действиями, которые с большой долей вероятности сопряжены с насилием, агрессией и несут существенные риски как для собственной жизни, так и для жизни других людей, так или иначе «задевающих» честь обладателя статуса. Таким образом, перечисленные особенности статусов, присваиваемых в военно-бюрократических институтах государственной службы, увеличивают безопасность их обладателей, зачастую обеспечивают возможность передачи по наследству самих статусов и тех благ, которые они обеспечивают.

Статусы в патрон-клиентских сетях и эгалитарных сообществах не имеют формального (символического) характера. Они присваиваются индивидам их ближайшим социальным окружением и релевантны лишь в рамках данного окружения и в той мере, в какой оно готово признавать статус индивида, т. е. демонстрировать почет, оказывать знаки уважения, принимать как равного, либо уступать его притязаниям. Поэтому члены патрон-клиентских сетей и особенно эгалитарных сообществ вынуждены постоянно подтверждать и доказывать, что они достойны искомого статуса в том числе агрессивным поведением, подвергая и свою, и чужую жизнь риску, а также нарушением общепринятых норм поведения. В качестве примера можно привести привилегированное сословие Речи Посполитой – польско-литовскую шляхту. Внутри шляхты отсутствовала иерархия, все члены этой социальной группы были формально равны, но фактически делились на богатых и могущественных магнатов и в подавляющем большинстве малоземельных или вовсе безземельных чиншевиков, арендующих землю за символическую плату у «своего» патрона-помещика, оказывая ему разного рода услуги, в том числе поддержку в сеймах и сеймиках – органах управления шляхетской республикой, а также в составе его частной армии и администрации. Статус шляхтича не был документально оформлен и подтверждался преимущественно агрессивным поведением, готовностью вступить в поединок с любым, кто усомнится в его благородстве или пытается утвердить собственное превосходство. Так возникает знаменитый «шляхетский гонор» – обостренное чувство чести, собственного достоинства и исключительности, неготовность подчиняться и готовность взяться за оружие по малейшему поводу, пренебрежение к собственной и чужой жизни [14, с. 113].

Не удивительно, что наиболее авторитетные и состоятельные члены неформальных эгалитарных сообществ склоняются к соглашению с властью, обмену вольностей на формальные статусы, гарантии благополучия и передачи всего этого по наследству, а также на лояльность правителю или правительству. Так поступала казацкая старшина Запорожского, Донского, Яицкого войск в обмен на дворянские чины, звания, право владения землей и крепостными, оказывая содействие государственной власти в ликвидации казацкого самоуправления.

Издержки военно-бюрократических институтов в качестве обеспечивающих сообществ. Тем не менее издержки военно-бюрократических институтов приводят к тому, что представители элит подчас предпочитают социализацию в эгалитарных сообществах и патрон-клиентских сетях, проявляя относительно низкий уровень лояльности по отношению к официальной власти.

Формальный статус, присваиваемый в военно-бюрократических институтах и связанный с ним габитус государственного служащего – дисциплинированность, исполнительность, контроль агрессии и аффектов – поддерживают на приемлемом уровне важнейшие социальные заботы элит – безопасность и стабильность своего положения. С другой стороны, относительная безопасность государственных служащих приводит к росту числа претендентов на престижные позиции государственной службы. Представители элит живут дольше, что вместе с универсальными и не предполагающими никаких сомнений основаниями занимать то или иное место в иерархии приводит к увеличению продолжительности пребывания на престижных позициях. Становится меньше вакансий, замедляется вертикальная социальная мобильность. В условиях дефицита престижных позиций на госслужбе обедневшим представителям благородных сословий приходится идти на низшие бюрократические должности, которые прежде считались не совсем достойными «благородного человека». В данной ситуации в проигрыше остаются претенденты в элиту – «разночинцы» – которые ранее и занимали низшие позиции на государственной службе.

Относительно продолжительный срок пребывания на престижных позициях ведет к еще одной издержке военно-бюрократических институтов – появлению влиятельных акторов. Это индивиды или группы, обладающие силовыми, властно-организационными, финансово-экономическими ресурсами, объем которых сопоставим или даже превышает ресурсы, находящиеся в распоряжении официальной власти².

В качестве противодействия издержкам институтов госслужбы, в частности, дефициту престижных позиций могут предприниматься действия двух типов: 1) меры, которые призваны уменьшить число претендентов, каким-либо образом затруднить приобретение престижного статуса; 2) сокращение продолжительности пребывания на престижных позициях.

Количество претендентов на престижные позиции сокращается в результате ужесточения требований для вхождения в элиту (повышение срока выслуги, введение ограничений по этническому, религиозному, социальному и иным признакам) либо в результате физиче-

² Практики, которые препятствовали возникновению влиятельных акторов, были распространены в разное время в сообществах разного типа. Войсковые должности у казаков были выборные. Накоплению богатства и передача его по наследству препятствовала традиция пренебрежительного отношения к материальным благам (казаки охотно раздавали добычу, хоронили своих товарищей завернутыми в дорогие персидские ковры [15, с. 110]). В так называемых «демократических» обществах Кавказа (Чечня и Дагестан) местное население просто уничтожило всю аристократию. В «аристократических» обществах (Адыгея) богатство, власть и сама продолжительность жизни представителей элит ограничивались обычаями. Свободные крестьяне зачастую были богаче знати, поскольку основной, но совершенно нестабильной статьей дохода война была добыча, захваченная в набегах. В Черкесии местная знать не возводила крепостей и замков, что очень романтично объяснялось следующим образом (в пересказе иностранного путешественника, жившего в конце XV – начале XVI в.): «Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если бы он выстроил замок или жилище с крепкими (каменными) стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость... и нет ни одной, даже самой маленькой крепости во всей стране» [16, с. 80].

ского уничтожения претендентов/обладателей престижных позиций (репрессии, внутренние и внешние войны)³.

Ужесточение требований для вхождения в элиту, в частности повышение срока выслуги для приобретения престижного статуса (в Российской империи порог приобретения дворянства за выслугу повышался в 1845 г. и 1856 г.) способствует тому, что претенденты дольше не уходят в отставку, и количество вакансий продолжает лишь сокращаться.

Сокращение срока службы на престижных позициях⁴ без явной угрозы для самих служащих и без падения привлекательности военно-бюрократических институтов для представителей элит происходит в том случае, если государственная служба выступает в качестве престижной, но обременительной практики. Обременения связаны не только (и не столько) с тяготами военной и гражданской службы, сколько с разорительным престижным потреблением (жизнь в столице, участие в светских мероприятиях, регулярное посещение самых дорогих ресторанов, путешествия за границу и др.), а также с ограничениями иного рода, например, в выборе брачных партнеров. Примером выступает служба в гвардии в императорской России. Гвардейский офицер, занимая одну из самых престижных позиций в служебной иерархии и обществе, тем не менее с трудом сводил концы с концами. В начале XX в. ему необходимо было владеть двумя-тремя лошадьми, купленными за собственный счет. Гвардейский офицер не мог сидеть в театре на недорогих местах, торговаться с извозчиком, он был обязан совершать покупки в строго определенных магазинах, конечно, в самых престижных и дорогих. Он приобретал украшения для своей возлюбленной-балерины только у Фаберже, заказывал лишь дорогое шампанское, оплачивая всю бутылку, даже если выпивал лишь бокал, не мог жениться не на дворянке [17, с. 13–15]. Очевидно, что пребывание в гвардии, связанное с чрезмерными финансовыми расходами, для большинства офицеров не могло продолжаться долго. «Выйдя из полка», офицеры делали успешную карьеру на гражданской или военной службе, выгодно женились.

³ Прямые репрессии или их угроза со стороны центральной власти (правителя) в отношении элит как средство обеспечения лояльности последних имеет серьезные издержки, поскольку воспринимаются объектами репрессий как угроза их благополучию и самой жизни. Представители элит, воспринимающие репрессии как опасность, могут устраивать заговоры и смещать правителя (убийство Павла I, смещение Н. С. Хрущева). Репрессии, которые не угрожают власти самого их инициатора, возможны в отношении уже лояльных элит, не располагающих значимыми ресурсами, прежде всего силовыми, отчужденными в социальном и культурном отношении от местного населения. Таким образом, антиэлитные репрессии не увеличивают уровень лояльности их (потенциальных) жертв.

⁴ Так же, как и формирование влиятельных акторов, относительно продолжительное пребывание на престижных позициях является вызовом для стабильного существования не только военно-бюрократических институтов, но и эгалитарных сообществ и, собственно, патрон-клиентских сетей. Но в сообществах с неформальным статусом габитус их членов (социально одобряемые нормы демонстративной агрессивности, пренебрежения к собственной и чужой жизни, что создает высокие риски для обладателей такого статуса) является достаточно эффективным способом борьбы с издержками такого рода. Так, образ жизни черкесской родовой знати был связан с высоким риском для жизни и предполагал обязательное участие в набегах и поединках, существенно ограничивая численность местных элит: «До покорения Кавказа пожилой дворянин, и особенно князь, были в Черкесии большой редкостью» [16, с. 103]. Относительно непродолжительный срок пребывания на престижных позициях обеспечивался также сменяемостью лиц, их замещающих посредством регулярных выборов. Выборными были казацкие чины – гетман, атаман, писарь и др. При этом выборы сопровождались конфликтами и насилием. Очевидно, что такого рода меры противодействия издержкам относительно продолжительного пребывания на престижных позициях едва ли приемлемы в военно-бюрократических институтах государственной службы, ведь они предполагают относительно низкий уровень защищенности, нивелируя достоинства формального статуса.

Широкое распространение практик престижного потребления среди элит как способ демонстрации и подтверждения высокого статуса истощает финансово-экономические ресурсы, которые могли бы инвестироваться в административно-политическое и силовое влияние, а также способствует сохранению относительно высокой дистанции между элитами и народом и между различными элитными стратами. Социальное и культурное отчуждение такого рода препятствует созданию коалиций, появлению влиятельных акторов, которые могли бы бросить вызов государственной власти и таким образом также увеличивает лояльность элит⁵. Отчуждению элит и народа, помимо распространения престижного потребления, в особенности способствует выполнение первыми карательных или фискальных функций при непосредственном контакте с объектами принуждения. Примерами здесь являются казаки в конце XIX – начале XX в., активно используемые в подавлении внутренних беспорядков, евреи – сборщики налогов и администраторы в имениях польско-литовских магнатов, немцы-управляющие в имениях русских помещиков.

Относительно непродолжительному сроку службы способствует также сохранение приемлемого для элит уровня благополучия, престижа и безопасности после выхода в отставку (помимо служебного жалования), в том числе за счет привилегированного доступа к государственным и частным кредитно-финансовым институтам и спецраспределителям (в советский период). Примером того, как распространение практик престижного потребления вместе с доступностью источников их финансирования укрепляет лояльность элит по отношению к государственной власти, является изменение отношения своевольной и оппозиционно настроенной грузинской знати к власти метрополии в середине–второй половине XIX в. В период наместничества М. С. Воронцова распространяется весьма затратный образ жизни русского дворянства – балы, театры, путешествия, заграничные яства и вина и др. Возросшие траты финансируются жалованием на госслужбе, кредитами дворянского банка, усилением эксплуатации крестьян, что увеличивает социальную и культурную дистанцию между грузинской знатью и социальным окружением (некогда между князем и его крестьянами господствовали, скорее, покровительственные патриархальные отношения) и в целом ее зависимость от государства [19, с. 176–181].

Приведем противоположный пример, как сокращение источников доходов помимо службы и рост зависимости благополучия элит от жалования приводит к увеличению срока пребывания на службе, уменьшению привлекательности институтов государственной службы и, как следствие, к падению лояльности представителей элит/претендентов к государственной власти. Это подъем революционного движения и волна антиправительственного террора в Российской империи 1860-х–1870-х гг., апогеем которой стало убийство Александра II. Антиправительственная деятельность осуществлялась прежде всего разночинцами и дворянами. С чем связана высокая степень нелояльности этих социальных групп? В 1856 г. повышен срок службы для достижения дворянского звания, что привело к тому, что соискатели дворянства дольше не уходят в отставку, вакансии на госслужбе не освобождаются. Отмена крепостного права «монетизировала» привилегии дворянства, серьезно подорвав материальное положение многих представителей этого сословия. Дело не

⁵ Относительно высокая социокультурная дистанция между членами «своей» группы и ее окружением является условием обеспечения солидарности и лояльности не только в военно-бюрократических институтах государственной службы, но и в обеспечивающих сообществах иных типов. Шляхтичи, имеющие самое разное этническое и конфессиональное происхождение, тем не менее воспринимали себя в качестве потомков сарматов [18]. Столь же пестрое в этническом отношении казачество вело свое происхождение от готы, хазар, бродников.

только в лишении бар дармовой рабочей силы после освобождения крестьян. Выкуп крестьянских земель, который должен был стать своего рода компенсацией их бывшим владельцам, происходил за вычетом дворянских долгов перед государственными банками (т. е. дворянам пришлось оплатить кредиты, чего они никогда не сделали бы без реформы). Оставшаяся сумма выплачивалась дворянам не деньгами, а своего рода облигациями, которые лишь в перспективе подлежали обмену на рубли. Стоимость этих ценных бумаг падала и составила вскоре лишь 66 % от номинала. Государство также прекратило льготное кредитование помещичьих хозяйств. Землевладельцам приходилось продавать свои поместья. В 1862–1877 гг. в Европейской России 12 % дворянских земель перешло в руки других сословий, в некоторых регионах (например, в Тульской губернии) дворянское землевладение сократилось на половину [20, с. 358]. В сложившихся условиях для многих представителей дворянства, лишившихся крепостных, льготных субсидий и, в конце концов, имений, жалование на службе стало едва ли не единственным источником существования. Отпрыски семей мелкого дворянства начали претендовать на низшие классы государственной службы, которых благородное сословие прежде чуралось. Служба с XIV класса была традиционно привлекательна для выходцев из разночинной среды как начало пути к приобретению дворянства. Появление новых претендентов в лице дворянских сыновей усилило для разночинцев конкуренцию за места на госслужбе. Приобретение сразу X класса без выслуги лет гарантировало получение высшего образования. Именно в университеты и пошли дети обедневших дворян, и здесь составив конкуренцию разночинцам. Рост конкуренции за места в университетах и на государственной службе снижал привлекательность последней как структуры, обеспечивающей базовые заботы и разночинцев, и дворян. Для дворян и учеба в университете и, в особенности перспектива стать «кувшинным рылом», зарабатывая на жизнь где-то в присутствии, считалась не вполне достойным сословия занятием. Все это приводило к фрустрации, росту недовольства существующим строем и подталкивало к социализации в рамках иных обеспечивающих структур, в том числе, в революционных и террористических сообществах и кружках.

Фазы динамики лояльности представителей элит государственной власти в логике функциональной модели А. Стичкомба иллюстрирует рис. 1.

Условия предпочтения патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ. Патрон-клиентские сети формируются вокруг влиятельных акторов – индивидов или сообществ, ресурсы которых (богатство, властные полномочия, авторитет и др.) сопоставимы или превосходят влияние и авторитет официально-государственных структур.

Влиятельные акторы формируются под влиянием следующих обстоятельств:

1. *Организация производства и поставок продукции, востребованной на внешних рынках.* Примером здесь выступают польско-литовские магнаты, инвестировавшие доходы от производства зерна на плодородных черноземах Украины и поставок его на рынки Европы в силовые ресурсы (частные армии) и политическое влияние⁶.

⁶ Если производство и/или сбыт приносящей прибыль продукции осуществляется при государственной поддержке, то это укрепляет лояльность производителей такой продукции государству. Строгановы создали свое на добыче и продаже соли. Этот продукт не был востребован на внешних рынках: производство заграничной соли обходилось дешевле. Протекционистская политика властей – введение соляной монополии, которая была отдана в основном Строгановым, обогатила династию соледобытчиков и сделала их верными слугами престола [11, с. 146]. В послевоенное время в советской Белоруссии интенсивно развивается промышленное производство, в частности машиностроение. Предприятия были удалены как от конечного потребителя, так и от источников сырья. Сети получения ресурсов и сбыта продукции через поддержку союзного центра стали структурами, обеспечивающими благосостояние и высокую лояльность местных элит [10, с. 148].

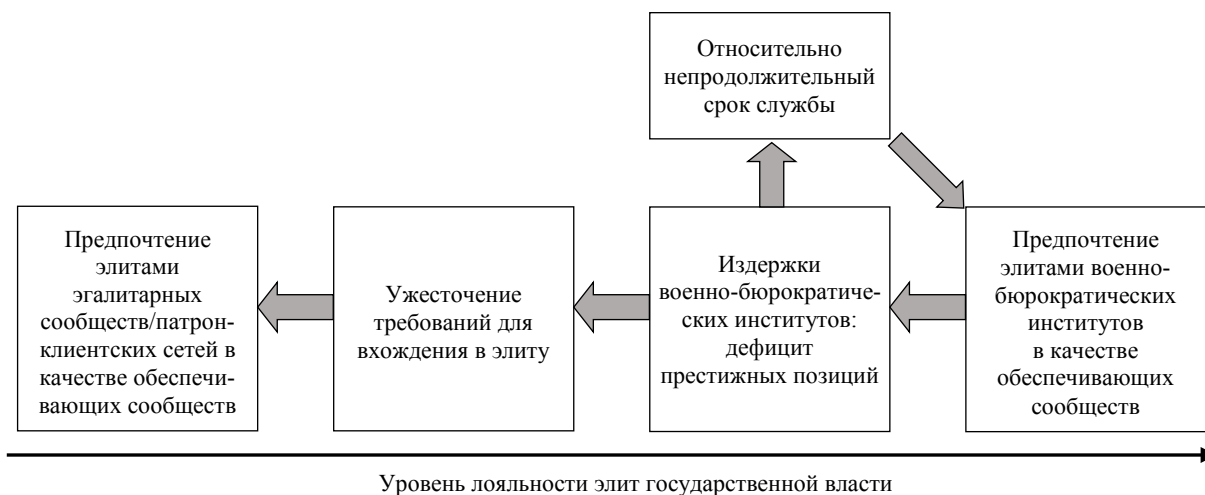

Рис. 1. Фазовая модель динамики лояльности элит государственной власти
Fig. 1. Phase model of the dynamics of loyalty of elites to the government

2. *Относительно продолжительное пребывание на престижных позициях.* Это способствует концентрации власти и влияния, «обрастанию» клиентелой «снизу» и покровительством «сверху», обеспечивая возможность передачи ресурсов биологическим или идейным наследникам. Так, вокруг первого секретаря литовской компартии А. Снечкуса, занимавшего свой пост с 1940 г. до своей смерти в 1974 г. и пользовавшегося высочайшим авторитетом у союзного руководства (могущественный секретарь ЦК по идеологии М. А. Сулов был его другом), складывается сильная патронажная сеть, куда «чужим» доступ был закрыт, в том числе ставленникам Москвы.

3. *Высокая степень политико-административной автономии акторов от власти высшего уровня,* например, относительная независимость от местной власти при непосредственном подчинении центру (из-за секретности сферы деятельности, подконтрольной акторам или отношений дружбы/родства с представителями центральной власти). Пример формирования автономной от местной власти патронажной сети на основе благорасположения верховной власти – карьера выходца из Габсбургской империи сербского полковника И. Хорвата. В 1851 г. группа сербских офицеров во главе с Хорватом обратилась к русскому послу в Австрии М. П. Бестужеву-Рюмину с предложением организовать переселение сербских граничар в Россию для организации защиты рубежей империи. Чтобы принять сербов в Новороссийском крае была создана специальная административная единица, подчиняющаяся напрямую Военной коллегии и пользующаяся автономией от местной власти – Новая Сербия. Вместо охраны рубежей и участия в военных действиях граничары предпочитали грабить население соседних волостей, совершать разбойничьи набеги на территорию Речи Посполитой и постоянно просить средства у центрального правительства. Безнаказанности представителей новой военно-служилой группы способствовало покровительство лично Елизаветы Петровны, автономия от местной власти и регулярные субсидии из казны. И. Хорват, получивший на русской службе генеральский чин, превратился в типичного влиятельного актора, располагавшего политико-административными, силовыми и финансовыми ресурсами, превосходящими ресурсы местной власти. После смерти Елизаветы Петровны Хорват лишился своей главной поддержки, был отдан под суд, а Новая Сербия лишилась своей автономии [9, с. 303–308; 21].

При определенных обстоятельствах издержками военно-бюрократических институтов может стать их тесная связь с государством. Сфера их использования и полномочия, как правило, строго ограничены как национальным, так и международным правом. Их применение за пределами государственной территории либо в районах с неопределенным государственным статусом, особенно связанное с насилием, может существенно подорвать престиж государства. В таких случаях функции государственных институтов могут быть делегированы центральной властью местным элитам, что нередко связано с предоставлением им существенных ресурсов, в том числе *относительно высокой степени автономии и свободы действий*. Таким образом, успешный контроль территорий с относительно нелояльным по отношению к метрополии населением/неопределенным государственным статусом является еще одним условием относительно высокого влияния местных элит. Яркий пример – все та же литовская позднесоветская элита во главе с первым секретарем ЦК КПЛ А. Снечкусом, пользовавшимся высочайшим авторитетом и доверием со стороны союзной власти за жесткую и последовательную политику советизации после войны и эффективный контроль националистических настроений в более позднее время. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. литовская партийно-советская элита была уже не в состоянии сдерживать протесты в республике и таким образом потеряла в глазах Москвы право на власть в ЛССР. Не дожидаясь своего отстранения от управления, республиканская номенклатура перешла на сторону оппозиции [10].

Наконец, еще одной издержкой военно-бюрократических институтов является их ресурсоемкость. Там, где формирование разветвленной сети государственных учреждений нерентабельно с экономической точки зрения, административные полномочия передаются частным «подрядчикам». Например, Пермские земли в середине XVI в. были пожалованы в управление купцу Анике Строганову – родоначальнику богатейшей русской династии промышленников – на том основании, что они были «пусты, дики, леши и порозжи». Они не представляли интереса для местной администрации ни с точки зрения каких-либо ресурсов, ни в отношении перспектив сбора налогов с местного населения [22, с. 148]. Не удивительно, что в Пермском крае долгое время основным обеспечивающим сообществом для квалифицированных ремесленников, иконописцев, управленцев был «двор» Строгановых. Промышленники предоставляли защиту, благосостояние (в том числе и в старости) своей клиентеле в обмен на ее личную свободу. Все эти «представители местной элиты» были большей частью холопами Строгановых.

Наличие влиятельных акторов – существенное, но не достаточное условие формирования сильных патрон-клиентских сетей, которые невозможны без клиентелы. Клиентелу для сетей патронажа обеспечивает дефицит привлекательных для элит должностей на госслужбе/ограничение доступа к ним.

Условием формирования эгалитарных сообществ помимо недостаточного количества вакансий на госслужбе является распространение практик/институтов, которые препятствуют формированию влиятельных акторов – традиции регулярного переизбрания должностных лиц, пренебрежительное отношение к богатству, перераспределение добычи, как это было у вольных казаков и др.

Заключение. Обеспечивающие сообщества разных типов – военно-бюрократические институты, патрон-клиентские сети и эгалитарные сообщества формируют у своих членов различные габитусы: мировоззренчески-ценностные нормы и правила поведения, предполагают раз-

ные стратегии социализации и образы социального успеха. Тем не менее выделены инвариантные условия предпочтения обеспечивающего сообщества и, соответственно, лояльности тому, кто это сообщество воплощает (обобщенное «начальство» – правитель или правительство, патрон, относительно узкий круг равных по статусу, «товарищество»). Уровень лояльности субъектов по отношению к объектам лояльности (правителю или правительству, начальству, патрону, своей группе и др.) тем выше, чем меньше срок пребывания на престижных позициях, выше культурная, социальная, лингвистическая дистанция между субъектами лояльности и социальным окружением, а уровень влияния, власти, богатства отдельных субъектов лояльности существенно ниже, чем у объекта лояльности. При этом чем выше срок пребывания на престижных позициях, тем выше уровень влияния, власти, богатства тех, кто эти позиции занимает.

То, как реализуются эти инвариантные условия, зависит от типа обеспечивающего сообщества. В военно-бюрократических институтах государственной службы с их формальными статусами и относительно высоким уровнем защищенности непродолжительное пребывание на престижных должностях обеспечивается обременительными практиками престижного потребления, серьезными ограничениями (например, высокими требованиями к выбору брачных партнеров), а также возможностью сохранения приемлемого уровня потребления, престижа, защищенности после выхода в отставку. Следование практикам престижного потребления, а также выполнение элитами репрессивных функций, обеспечивают относительно высокую социальную и культурную дистанцию между ними и народом и препятствуют формированию влиятельных акторов.

В патрон-клиентских сетях и особенно эгалитарных сообществах относительно непродолжительный срок службы обеспечивается практиками и установками сознания и поведения, характерными для сообществ с неформальным статусом. Это – относительно высокий уровень агрессивности, низкий уровень дисциплинированности и готовности подчиняться, выборность должностных лиц, пренебрежительное отношение к богатству. Неприятие формальных норм и правил взаимодействия и демонстративное их нарушение создает относительно высокую дистанцию между членами неформальных сообществ и социальным окружением – обывателями, которые обычно разделяют общепринятые нормы.

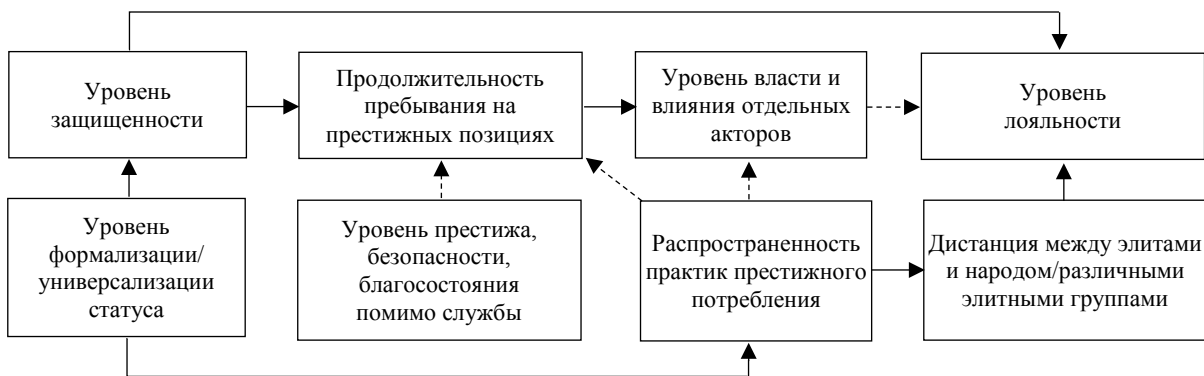

Рис. 2. Условия лояльности «подчиненных» (субъектов лояльности) к «начальству» (объектам лояльности)
Fig. 2. Conditions of loyalty of “subordinates” (subjects of loyalty) to “superiors” (objects of loyalty)

Условия лояльности подчиненных (субъектов лояльности) к начальству (объектам лояльности) иллюстрирует схема (рис. 2) где прямые линии обозначают усиливающее воздействие соответствующего фактора, а пунктирные – ослабляющее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Royce J. The Philosophy of Loyalty. Charleston: BiblioLife, 2008.
2. Розов Н. С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. № 5 (8). С. 50–67.
3. Розов Н. С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022.
4. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Дело, 2020.
5. Stinchcombe A. Constructing Social Theories. NY, Chicago, San Francisco: Harcourt, Brace and World, 1968.
6. Филиппов С. И. Условия лояльности «национальных» элит в имперский период российской истории // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: материалы V Всерос. социологического конгресса, Екатеринбург, 19–21 окт. 2016 г. / М.: Российское общество социологов, 2016. С. 5406–5414.
7. Филиппов С. И. Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.) // Вестн. ОмГУ. 2019. Т. 24, № 1. С. 111–117. DOI: 10.25513/1812-3996.2019.24(1).111-117.
8. Филиппов С. И. Насилие как инструмент социальной мобильности (на материале взаимоотношений центральной власти и этносов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.)) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: труды II Всерос. науч. конф., Н. Новгород, 29 нояб. – 1 дек. 2019 г. / Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 274–277.
9. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации / Н. С. Розов, Ю. А. Пустойт, С. И. Филиппов, В. В. Цыганков. М.: КРАСАНД, 2019.
10. Филиппов С. И. Условия лояльности национальных элит к центральной власти в советский период российской истории // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4. Ч. 1. С. 230–248. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248.
11. Филиппов С. И. Условия лояльности военно-служилой и торгово-промышленной администрации по отношению к центральной власти // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 2. Ч. 2. С. 391–408. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-391-408.
12. Розов Н. С. Филиппов С. И. Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты // Вестн. ТомГУ. Сер. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 193–203. DOI 10.17223/1998863X/77/16.
13. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология / пер. с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд-во ВШЭ, 2016.
14. Селицкий А. И. Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи // Поляки в России: XVII–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф., Краснодар, 10–11 июля 2002 г. / КубГУ. Краснодар, 2003. С. 113–116.
15. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996.
16. Бгажноков Б. Х. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 78–104.
17. Лурье Л. Я. Петербург накануне революции. М.: Бомбора, 2018.
18. Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002.
19. Дерлугьян Г. М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2013.
20. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ: в 2 т. Т. I. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Территория будущего, 2010.
21. Костяшов Ю. В. Генерал Иван Хорват – сербский авантюрист на русской службе (вторая половина XVIII века) // Славяноведение. 2012. № 2. С. 34–41.
22. Введенский А. А. Дом Строгановых. М.: Соцэкгиз, 1962.

Информация об авторе.

Филиппов Сергей Иванович – кандидат философских наук (2003), доцент кафедры романо-германской филологии Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, д. 2, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 52 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, лояльность, межкультурные взаимодействия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.12.2024; принята после рецензирования 10.12.2024; опубликована онлайн 21.04.2025.

REFERENCES

1. Royce, J. (2008), *The Philosophy of Loyalty*, BibliLife, Charleston, USA.
2. Rozov, N.S. (2010), "Rituals, Institutions, and Resources: the Bases for Transformation of Mentality", *Values and Meanings*, no. 5 (8), pp. 50–67.
3. Rozov, N.S. (2022), *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhda-li kognitivnye i rechevye sposobnosti* [Origin of language and consciousness. How social orders and communicative preoccupations gave rise to cognitive and verbal abilities], Manuskript, Novosibirsk, RUS.
4. Mann, M. (2020), *The Sources of Social Power. 4 t. Vol. 3: Global Empires and Revolution, 1890-1945*, Transl. by Karasev, D.Yu., in Moiseev, S. (ed.), Delo, Moscow, RUS.
5. Stinchcombe, A. (1968), *Constructing Social Theories*, Harcourt, Brace and World, NY, Chicago, San Francisco, USA.
6. Filippov, S.I. (2016), "Conditions of Loyalty of "National" Elites in the Imperial Period of Russian History", *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice], *Materialy V Vseros. sotsiologicheskogo kongressa* [Materials V All-Russian Sociological Congress], Ekaterinburg, 19–21 Oct. 2016, Russian Society of Sociologists, Moscow, RUS, pp. 5406–5414.
7. Filippov, S.I. (2019), "Conditions of the responsibility of irregular troops in Russia (17th – early of 20th century)", *Herald of Omsk University*, vol. 24, no. 1, pp. 111–117. DOI: 10.25513/1812-3996.2019.24(1).
8. Filippov, S.I. (2019), "Violence as means of social mobility (based on the relationship between the central government and the ethnic groups of the North Caucasus (19th – early 20th century)", *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sotsiume* [Revolution and evolution: models of development in science, culture, society], *Trudy II Vseros. nauch. konf.* [Proc. II All-Russian Scientific Conf.], Nizhnii Novgorod, RUS, 29 Nov. –1 Dec. 2019, Krasnaya lastochka, N. Novgorod, RUS, pp. 274–277.
9. Rozov, N.S., Pustovoi, Yu.A., Filippov, S.I. and Tsygankov, V.V. (2019), *Revolutsionnye volny v ritmakh global'noi modernizatsii* [Revolutionary Waves in the Rhythms of Global Modernization], Krasand, Moscow, RUS.
10. Filippov, S.I. (2020), "Conditions of the national Elites loyalty towards the central government in the soviet period of Russian history", *Ideas and Ideals*, vol. 12, no. 4, part 1, pp. 230–248. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248.
11. Filippov, S.I. (2023), "Conditions of Loyalty of the Military-Service, Commercial and Industrial Administration to Central Power", *Ideas and Ideals*, vol. 15, no. 2, part 2, pp. 391–408. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.2-391-408.
12. Rozov, N.S. and Filippov, S.I. (2023), "Elites' Loyalty to the Central Government: General Patterns and Peculiarities of the Institutional Context", *Tomsk State Univ. J. Ser. Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 77, pp. 193–203. DOI: 10.17223/1998863X/77/16.
13. Weber, M. (2016), *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehender Soziologie, in 4 Bänden, Band 1, Soziologie*, Transl. by Ionin, L.G. (ed.), Izd-vo HSE, Moscow, RUS.
14. Selitskii, A.I. (2003), "Polish Gentry in the Social and Legal System of the Russian Empire", *Poles in Russia: XVII–XX Centuries, Proc. of the Int. Scientific Conf.*, Krasnodar, RUS, 10–11 July 2002, pp. 113–116.

15. Mininkov, N.A. (1996) *Donskoye kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)], Izd-vo Rost. un-ta, Rostov n/D, RUS.

16. Bgazhnokov, B.Kh. (1981), "Lifestyle of the Adyghe feudal nobility", *Iz istorii feodal'noi Kabardy i Balkarii* [From the History of Feudal Kabarda and Balkaria], Elbrus, Nalchik, USSR, pp. 78–104.

17. Lur'e, L.Ya., (2018), *Peterburg nakanune revolyutsii* [Petersburg on the Eve of the Revolution], Bombora, Moscow, RUS.

18. Leskinen, M.V. (2002), *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noi ideologii Rechi Pospolitoi* [Myths and images of Sarmatism. Origins of the national ideology of the Polish-Lithuanian Commonwealth], Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, RUS.

19. Derlug'yan, G.M. (2013), *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this World Works. Sketches on Macrosociological Topics], Izd-vo in-ta Gaidara, Moscow, RUS.

20. Nefedov, S.A. (2010), *Istoriya Rossii. Faktorny analiz: V 2 t. T. I. S drevneishikh vremen do Velikoi Smuty* [Russian History. Factor Analysis. Vol. I. From Ancient Times to the Time of Troubles], Territoria budushchego, Moscow, RUS.

21. Kostyashov, Yu.V. (2012), "General Ivan Croat - Serbian adventurer in Russian service (second half of the 18th century)", *Slavynovedenie*, no. 2, pp. 34–41.

22. Vvedenskii, A.A. (1962), *Dom Stroganovykh* [House of the Stroganovs], Sotsekgiz, Moscow, USSR.

Information about the author.

Sergey I. Filippov – Can. Sci. (Philosophy, 2003), Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology, Novosibirsk State University, 2 Pirogova str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 52 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, loyalty, intercultural interactions.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.12.2024; adopted after review 10.12.2024; published online 21.04.2025.

Оригинальная статья

УДК 165.41

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-21-33>

«Принцип недоверия помыслам» и проблема соотношения эпистемической и моральной ответственности (на примере статей А. С. Мишуры и С. М. Левина)

Салават Раисович Муртазин

*Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия,
salavat.murtazin@kazangmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5428-1093>*

Введение. Статья посвящена проблеме соотношения моральной и эпистемической ответственности. В качестве конкретного примера концепции, рассматривающей взаимосвязь двух исследуемых форм ответственности, приводится «принцип недоверия помыслам», формулирующийся в статьях А. С. Мишуры и С. М. Левина. Цель статьи – проанализировать этот принцип и аргументацию в его пользу, а также прояснить разграничение между моральной и эпистемической ответственностью.

Методология и источники. Автор использует метод концептуального анализа для решения поставленной исследовательской задачи. К главным источникам работы относятся статьи А. С. Мишуры и С. М. Левина. К вспомогательным источникам относятся работы авторов, принадлежащих к аналитической философской традиции.

Результаты и обсуждение. В статье проанализированы две возможные формы ответственности: эпистемическая и моральная. Рассмотрены два возможных типа определений слова «ответственность»: дескриптивный предполагает формулировку условий, необходимых для возможности реакции на действия или убеждения агента, пре-скриптивный включает в себя критерии оценки агента, его действий или убеждений как заслуживающих поощрения или порицания. Принцип недоверия помыслам, поддерживаемый А. С. Мишурой и С. М. Левиным, предполагает, что в определенных ситуациях морально ответственно отбрасывать свидетельства в пользу истинности некоторых убеждений. Слабым местом анализируемых статей являются примеры, которые не способствуют прояснению причинно-следственной связи между истинным убеждением и морально порочным поступком.

Заключение. В статье высказывается сомнение в том, что А. С. Мишуре и С. М. Левину удалось ясно и убедительно продемонстрировать взаимосвязь между истинными убеждениями агента и его морально порочными поступками. С точки зрения автора, приведенные С. М. Левиным примеры могут быть сведены к выбору между альтернативными трактовками моральной ответственности, а не выбором между моральной и эпистемической ответственностью.

Ключевые слова: эпистемическая ответственность, моральная ответственность, знание, помысел, истина, доказательства, убеждения

Для цитирования: Муртазин С. Р. «Принцип недоверия помыслам» и проблема соотношения эпистемической и моральной ответственности (на примере статей А. С. Мишуры и С. М. Левина) // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 21–33. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-21-33.

© Муртазин С. Р., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Principle of Distrust to Thoughts and the Problem of the Correlation of Epistemic and Moral Responsibility (on the Example of Articles by A.S. Mishura and S.M. Levin)

Salavat R. Murtazin

*Kazan State Medical University, Kazan, Russia,
salavat.murtazin@kazangmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5428-1093>*

Introduction. The article is devoted to the problem of the correlation between moral and epistemic responsibility. As a concrete example of the concept that takes into account the interrelation between the two forms of responsibility under consideration, the 'principle of distrust of thoughts' formulated in the articles by A.S. Mishura and S.M. Levin is given. The aim of the article is to analyze this principle and the arguments in its favor, as well as to clarify the distinction between moral and epistemic responsibility.

Methodology and sources. The author uses the method of conceptual analysis to solve the research problem. The main sources of the work are articles by A.S. Mishura and S.M. Levin. Auxiliary sources include the works of authors belonging to the analytic philosophical tradition.

Results and discussion. The article analyses two possible forms of responsibility: epistemic and moral. Two possible types of definitions of the word «responsibility» are considered. Descriptive ones involve the formulation of conditions necessary for the possibility of reacting to the agent's actions or beliefs. Prescriptive ones involve criteria for judging an agent, their actions, or their beliefs as deserving of reward or blame. The principle of thought disbelief, advocated by A.S. Mishura and S.M. Levin, suggests that in certain situations it is morally responsible to reject evidence in favor of the truth of certain beliefs. The weakness of the articles analyzed is that the examples do not help to clarify the causal link between a true belief and a morally corrupt act.

Conclusion. The article doubts that A.S. Mishura and S.M. Levin have been able to demonstrate clearly and convincingly the relationship between an agent's true beliefs and their morally corrupt actions. In the author's view, the examples given by S.M. Levin could be reduced to a choice between alternative interpretations of moral responsibility, rather than a choice between moral and epistemic responsibility.

Keywords: epistemic responsibility, moral responsibility, knowledge, thought, truth, evidence, belief

For citation: Murtazin, S.R. (2025), "The Principle of Distrust to Thoughts and the Problem of the Correlation of Epistemic and Moral Responsibility (on the Example of Articles by A.S. Mishura and S.M. Levin)", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 21–33. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-21-33 (Russia).

Введение. В рамках современной академической философии многие авторы как англоязычные, так и русскоязычные посвящают свои исследования анализу двух форм ответственности. Первый – это ответственность человека как морального агента за его действия (осознанные или неосознанные), а также за их последствия. Одной из немаловажных проблем в данном контексте является поиск ответа на вопрос об условиях самой возможности подобного рода ответственности, в том числе ее совместимости с теми или иными формами детерминизма. Этот вид ответственности прежде всего интересует исследователей в области этики, метаэтики, а также отчасти юриспруденции и философии права. Второй вид ответственности, проблематизируемый многими современными авторами, в свою очередь

подразумевает ответственность человека как эпистемического агента за процесс собственной познавательной деятельности, а также за ее результаты. Такая форма ответственности прежде всего рассматривается представителями таких направлений, как эпистемология добродетелей и социальная эпистемология.

Однако можем ли мы утверждать о существовании каких-либо пересечений между моральной и эпистемической формами ответственности? Существует точка зрения, что, намеренно игнорируя свидетельства в пользу какого-либо убеждения, т. е. игнорируя истину, мы заслуживаем порицания не только с точки зрения эпистемической, но также и моральной ответственности. Подобную мысль мы можем встретить, например, в работах У. Клиффорда и П. Ван Инвагена. Оспаривая данный тезис, А. С. Мишура и С. М. Левин излагают в своих статьях идею о том, что иногда моральная и эпистемическая формы ответственности прямо противоречат друг другу, обозначая данную концепцию как «принцип недоверия помыслам» (далее «ПНП»). С точки зрения этой концепции в каких-то случаях игнорирование истинных убеждений может быть оправдано тем, что эти убеждения могут подтолкнуть человека к аморальному и порочному поступку. В статье рассмотрены приводимые авторами А. С. Мишурой и С. М. Левиным аргументы в пользу этого принципа, а также проанализированы сами понятия «моральная» и «эпистемическая ответственность».

Методология и источники. В статье используется метод концептуального анализа. Этот метод необходим для прояснения возможных значений терминов «моральная ответственность» и «эпистемическая ответственность», в том числе для выявления и анализа их дескриптивных и прескриптивных определений, встречающихся и используемых как в исследовательской литературе, так и в повседневном словоупотреблении.

В работе используются две группы источников. Главными являются статьи А. С. Мишуры и С. М. Левина, в которых излагается суть, возможные значения и обоснование «принципа недоверия помыслам», прямо затрагивающего проблему соотношения моральной и эпистемической ответственности. К вспомогательным источникам относятся работы представителей современной аналитической философской традиции, формулирующих возможные определения и/или существенные признаки концептов «эпистемическая ответственность» и «моральная ответственность».

Результаты и обсуждение. «Принцип недоверия помыслам» – это концепция, формулируемая А. С. Мишурой в его одноименной статье [1]. С. М. Левин, в целом поддерживая данную концепцию в своей статье «Моральная ответственность познающего субъекта» [2], несколько модифицирует этот принцип. Оба автора утверждают, что требования эпистемической и моральной ответственности в определенных ситуациях могут прямо противоречить друг другу. Таким образом, отечественные исследователи ставят под сомнение идею У. Клиффорда и П. Ван Инвагена о том, что, поступая эпистемически безответственно, мы также идем против требований ответственности моральной. Из сказанного следует, что для лучшего понимания «принципа» необходимо попытаться прояснить то, что именно мы можем подразумевать под «моральной» и «эпистемической» формами ответственности.

Что значит быть «морально ответственным»? Один из ответов на этот вопрос можно обозначить как «дескриптивный», или описательный. В качестве конкретного примера можно привести определение, которое в своей статье «Проблема свободы воли: обзор ключевых аспектов» приводит А. С. Мишура [3].

чевых исследований конца XX – начала XXI вв. в аналитической философии» формулирует Д. Б. Волков. Он утверждает, что моральная ответственность «возникает в межличностных отношениях и выражается в диспозиции обоснованно вызывать у других агентов специфические ответные реакции. Среди этих реакций – благодарность, признательность, уважение, обида, негодование. Быть морально ответственным – значит быть приемлемой мишенью для этих реакций, заслуживать одобрение или порицание за совершенные поступки» [3, с. 176]. Мы обозначаем это и схожие с ним определения моральной ответственности как дескриптивные, так как они описывают условия возможности приписать агенту моральную ответственность. В качестве таких условий многие авторы обозначают наличие возможности поступить иначе и быть источником собственных действий и решений. Дескриптивные определения моральной ответственности, как представляется, наиболее характерны не для повседневного словоупотребления, но для этических и метаэтических исследований, проблематизирующих саму возможность подобного рода ответственности, например, при допущении истинности каузального или иных форм детерминизма. Немного забегаая вперед, отметим, что эти критерии (возможность поступить иначе и быть источником собственных действий) также могут рассматриваться как средство разграничения между «действием», которое не всегда осознанно (может быть совершено под влиянием аффектов, психических заболеваний и т. д.), и «поступком», который по определению является действием сознательным и намеренным и, следовательно, поддающимся моральной оценке. Акцент на «сознательности», «целенаправленности» поступка в противовес «импульсивности» действия, например, дает определение «поступка» «Краткий психологический словарь» А. Л. Свенцицкого [4].

В то же время помимо дескриптивного в рамках нашего повседневного словоупотребления встречается определение моральной ответственности, которое может быть обозначено как «прескриптивное» или предписательное. Например, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой качество «ответственный» обозначается как «имеющий высоко развитое чувство долга, ревниво относящийся к своим обязанностям» [5, с. 468]. В подобных определениях ответственность или ее отсутствие рассматривается не просто как условие возможности той или иной реакции на действия человека, но как полноценный критерий оценки этих действий. Приведем конкретные примеры. В контексте дескриптивных определений ответственность не может быть приписана людям, страдающим некоторыми формами психических заболеваний либо действующим под принуждением. Отсутствие у этих людей свойства «быть (морально) ответственным» в указанном смысле не может рассматриваться как основание для их осуждения. И наоборот, отсутствие психических заболеваний либо возможность быть источником своих осознанных действий сами по себе не заслуживают поощрения или похвалы. Однако мы нередко сталкиваемся со случаями, когда наличие или отсутствие ответственности может рассматриваться как повод для порицания или поощрения человека. Например, студент Вася, заявивший об участии в конференции с устным докладом, но не явившийся на свою секцию, скорее всего, вполне обоснованно и правомерно будет охарактеризован как «безответственный». В этом случае отсутствие у Васи свойства «быть (морально) ответственным» не просто не освобождает его от порицания и осуждения, но наоборот, дает все основания для подобного рода реакции.

И дескриптивные, и прескриптивные определения моральной ответственности подразумевают ответственность человека за его поступки и последствия этих поступков для окружа-

ющих. Однако в рамках современной эпистемологии авторы затрагивают в своих работах вопрос об ответственности человека не только как морального, но также как эпистемического агента. То есть, его ответственности за процесс познавательной деятельности и ее результаты. Подобная форма ответственности – это эпистемическая ответственность. Эпистемическая ответственность является фундаментальной исследовательской проблемой для такого направления современной эпистемологии, как респонсibiliзм (от англ. responsible – ответственный). Более того, именно это название носит одна из основополагающих для этого направления работ, а именно труд Л. Коуд «Эпистемическая ответственность» [6]. В рамках исследований, посвященных этой форме ответственности, также можно выделить дескриптивные и прескриптивные определения. Дескриптивные определения делают акцент на активности человека как познающего субъекта, на наличие у него возможности контролировать процесс собственной познавательной деятельности и влиять на ее результат. Говоря словами самой Л. Коуд, в отличие от компьютера, «познающий [субъект] имеет в важном отношении выбор относительно способов структурирования познания и несет ответственность за этот выбор» [7, р. 39]. Говоря иначе, мы не можем обвинить компьютер в поломке или ошибке в расчетах, так как он не может повлиять на свою работу. В то же время было бы странно также и хвалить компьютер за правильные расчеты. Компьютер может быть надежным или ненадежным, но он не может нести ответственность за свою работу. В отличие от компьютера, человек может активно контролировать процесс формирования им своих убеждений и, соответственно, быть приемлемой мишенью для порицания за ошибочные убеждения либо поощрения за истинные. Таким образом, как и в случае с моральной ответственностью, дескриптивные определения эпистемической ответственности делают акцент на условиях возможности оценки, однако не действий человека самих по себе, но тех действий, которые направлены на формирование и обоснование тех или иных его убеждений. В данном контексте ответственность также не является причиной для порицания и похвалы сама по себе, так как наличие возможности активно влиять на познание и его результат не является заслугой самого человека.

Прескриптивные определения эпистемической ответственности, в свою очередь, обозначают конкретные критерии оценки эпистемического агента и его познавательной деятельности как заслуживающие поощрения или, наоборот, порицания. В качестве подобного рода критериев многими авторами рассматриваются, во-первых, мотивированность познающего субъекта стремлением к истине, и, во-вторых, уважение к доказательствам и свидетельствам (в широком смысле слова, а не только к свидетельствам как сообщениям других о чем-либо) в пользу истинности или ложности того или иного убеждения. Как, например, утверждает Х. Грассвик, «Быть эпистемически ответственным означает быть мотивированным... уважением к доказательствам и стремлением к истине, а также не позволять другим мотивам влиять на формирование убеждений» [8, р. 169–170]. В качестве противоположного стремлению к истине мотива может быть обозначено стремление выдать желаемое за действительное, или как это обозначается в англоязычных публикациях, *wishful thinking*. Подобного рода мотивация связана со стремлением «находить аргументы в пользу выводов, в которые мы хотим верить, более сильными, чем аргументы в пользу выводов, в которые мы не хотим верить» [9, р. 688]. Это, как можно догадаться, явно противоречит как уважению к доказательствам, так и мотивации истиной. То есть, подобная мотивация может ре-

зонно быть обозначена как эпистемически безответственная. Как пишет, например, в своей статье «Can Empirical Knowledge Have a Foundation?» («Может ли эмпирическое знание иметь основание?») Л. Бонжур: «Принятие убеждения при отсутствии таких оснований [основания считать эти убеждения истинными], каким бы привлекательным или даже обязательным ни было такое принятие с других точек зрения, означает пренебрежение поиском истины; такое принятие, можно сказать, эпистемически безответственно» [10, p. 5].

Прояснив то, что именно может подразумеваться под эпистемической и моральной ответственностью, мы можем вернуться к рассмотрению ПНП. Данный принцип, как уже упоминалось в начале статьи, означает, что в некоторых случаях требования моральной и эпистемической ответственности могут явно противоречить друг другу. Стоит отметить, что в данном контексте подразумевается прескриптивное определение и первой, и второй формы ответственности. Например, С. М. Левин пишет: «Эпистемическая ответственность субъекта существует относительно соблюдения им норм познавательной деятельности, в частности, запрета на формирование необоснованных убеждений» [2, с. 308]. Оба рассматриваемых автора актуализируют проблему взаимосвязи игнорирования доказательств (свидетельств) в пользу истинности какого-либо убеждения либо самого истинного убеждения (вопрос эпистемической ответственности), с одной стороны, с возможной оценкой игнорирования истинных убеждений с точки зрения норм морали (т. е. с точки зрения моральной ответственности), с другой. ПНП направлен против идеи тесной взаимообусловленности рассматриваемых форм ответственности, которую в своих работах выдвигают У. Клиффорд и П. Ван Инваген. У. Клиффорд утверждает, что «... неправильно всегда, везде, для всех и каждого верить, во что бы то ни было, без достаточных фактов» [11, с. 177]. Он приводит в своей статье известный мысленный эксперимент о судовладельце, чье нежелание принимать во внимание свидетельства о ненадежности собственного судна приводит к катастрофе и гибели корабля с пассажирами. Этот пример, с точки зрения автора, демонстрирует взаимосвязь эпистемической (игнорирование свидетельств в пользу убеждения о ненадежности судна) и моральной безответственности (безразличие к судьбе его пассажиров). П. Ван Инваген уже в названии работы декларирует свои убеждения: «Неправильно везде, всегда и для любого человека верить чему-либо на основании недостаточных доказательств» (*“It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Anything upon Insufficient Evidence”*) [12]. В статье А. С. Мишуры мы можем найти формулировку этико-эпистемической позиции П. Ван Инвагена, прямо связывающую две рассмотренные формы ответственности: «Всегда, везде и для всех ошибочно игнорировать свидетельства, которые значимы для принятия убеждений или легкомысленно отвергать такие свидетельства» [1, с. 261]. Как утверждает С. М. Левин, в данном контексте слово «неправильно» подошло бы больше, чем «ошибочно», так как оригинал подразумевает также и моральную, а не чисто эпистемическую оценку.

В свою очередь А. С. Мишура утверждает, в некоторых случаях «хорошо и правильно [с моральной точки зрения] уклониться от возможности узнать нечто» [2, с. 245]. Он формулирует свой «принцип недоверия помыслам» (ПНП) следующим образом: «Для агента S может быть морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции P и мысли о P вообще, если у него имеются достаточные основания считать, что формирование убеждения B, что P имеет место, приведет его к совершению морально порочного поступка, даже если P действительно является истинной пропозицией» [2, с. 244].

И здесь необходимо упомянуть об определенной двойственности, которая присуща статье А. С. Мишуры. Он заявляет, что ПНП полноценно работает только в контексте определенного набора убеждений, а именно набор убеждений православного христианина. Однако ПНП претендует не на то, чтобы быть чисто богословским принципом, но философским в целом и эпистемологическим в частности. Об этом говорит попытка как самого А. С. Мишуры, так и С. М. Левина «перевести» этот принцип на язык натуралистического мировоззрения. Наиболее заметно это у С. М. Левина, в отличие от А. С. Мишуры он приводит примеры, которые, в теории могли бы быть приняты в качестве релевантных не только носителям христианских убеждений. Более того, именно опираясь на подобного рода относительно нейтральный пример, он приходит к выводу, что ПНП нуждается в важном дополнении. А именно, он резонно указывает на то, что у воздержания от истинного убеждения может быть не один, но несколько вариантов последствий. С одной стороны, человек, воздержавшись от убеждения, может воздержаться от морально порицаемого им самим и окружающими поступка, с другой, тем самым он может спровоцировать событие, которое может оказаться еще более пагубным, чем то, что последовало бы вслед за приобретением истинного убеждения. В качестве аргумента он приводит модифицированный пример У. Клиффорда: «Допустим, что судовладелец страдает от расстройства сексуального предпочтения в форме объектофилии... Главным объектом страсти для него является его старый корабль и мысль о том, что корабль не выдержит морское плавание. Судовладелец знает, что мысль о его тонущем корабле вызывает у него... непреодолимое желание к рукоблудию. ...Судовладелец разделяет мнение, что рукоблудие порочно, и поэтому пытается воздержаться от него при помощи следования ПНП» [2, с. 312–313].

Однако затем автор статьи резонно указывает на то, что, пытаясь избежать порочного поступка, следующего за приобретением убеждений о своем корабле, судовладелец обрекает на смерть множество людей. Поэтому, с точки зрения С. М. Левина, судовладелец должен предпочесть меньшее из двух зол. В связи с этим примером автор формулирует «модифицированный принцип недоверия помыслам» (МПНП). А именно, он включает в ПНП следующее условие: «...формирование убеждения В, что Р имеет место, приведет его к совершению морально порочного поступка худшего, чем поступок, который он совершил бы в отсутствие убеждения В...» [2, с. 313–314].

Несмотря на сказанное, представляется, что именно примеры и демонстрация работы принципа на практике в целом являются его самым слабым местом. В статье А. С. Мишуры упоминается мысленный эксперимент со злыми и добрыми нейроучеными. Однако цель этого примера – это скорее «перевод» на натуралистический язык христианских мировоззренческих оснований ПНП, а не попытка продемонстрировать его работу на практике. И автор статьи, как он сам утверждает, не преследует подобной цели. В статье С. М. Левина, в свою очередь, мы можем встретить два примера, демонстрирующих работу как ПНП, так и его собственного МПНП. Однако эти примеры, как представляется, подобраны и сформулированы не совсем удачно. Первый пример – это игрок в компьютерные игры про танки по имени Николай. Он решил завязать с игрой, так как тратит на нее слишком много времени и денег, чем вредит себе и своей семье. Однако помимо игры он увлекается военной историей, в том числе информацией о технических характеристиках танков. С точки зрения С. М. Левина и самого Николая, формирование истинного убеждения о технических харак-

теристиках того или иного танка приведет к тому, что Николай непременно «сорвется», и вернется к своей вредной привычке. Именно поэтому он может поступить эпистемически безответственно, проигнорировав истинные убеждения, но тем самым поступит морально ответственно, как минимум по отношению к своей семье. Второй пример с судовладельцем мы рассмотрели выше.

Почему эти примеры кажутся не совсем убедительными? Прежде всего не совсем понятна связь между истинными убеждениями и морально порочными поступками, которые они могут вызвать. Как минимум в тех примерах, которые приводятся в анализируемых нами статьях. Вернее, жесткая связь между конкретным убеждением и конкретным порочным поступком. Отметим, именно в контексте второго примера (примера с судовладельцем), автор статьи демонстрирует, что у одного решения может быть несколько последствий, между которыми агент должен выбирать, как уже упоминалось в связи с МПНП. Однако неясно, почему подобного рода вариативность исключается в случае связи между убеждениями и порочными поступками. Например, тот же Николай, узнав о технических характеристиках танков, пересилив свое желание зайти в игру, мог бы отправиться на тематический форум или найти сообщество любителей истории, где, помимо всего прочего, он мог бы заслужить похвалу и уважение за свои знания, обзавестись полезными знакомствами, улучшить коммуникативные навыки и т. д. То есть, опираясь на те же истинные убеждения о танках и их характеристиках, совершить поступок, который заслуживал бы скорее поощрения и одобрения, нежели порицания.

То, что убеждение само по себе с необходимостью не ведет к тому или иному конкретному поступку, связано с наличием между ними своего рода посредника. В качестве этого посредника в анализируемых примерах, как мы убеждены, выступает желание (желание поиграть в игру или желание предаться греху рукоблудия). Справедливости ради стоит отметить, что в цитируемом ранее отрывке С. М. Левина упоминается осознание судовладельцем своего непреодолимого желания к рукоблудию и стремление избежать этого желания. В то же время примеры Николая и судовладельца призваны продемонстрировать декларируемую ПНП и МПНП непосредственную связь между истинным убеждением и порочным поступком, тем самым дополнительно обосновав требование воздерживаться от первого во избежание второго. Необходимость внимания связке «убеждение–желание» представляется важным, так как ПНП и МПНП делают акцент не на предотвращении вредного для себя и окружающих действия в широком смысле этого слова (которое может быть, например, порой неконтролируемым и импульсивным), но порочного поступка. Поступок, в свою очередь, как упоминалось ранее, опираясь на определение в словаре А. Л. Свенцицкого, является осознанным, намеренным действием. То есть в случае поступка человек сам выбривает то, каким именно образом он будет действовать и способен ли контролировать то, какие именно мотивы будут в большей мере влиять на его действия. В качестве одного из немаловажных мотивов, который, как мы убеждены, не стоит игнорировать, выступает желание (что-либо сделать либо добиться чего-то этим действием), как минимум, в тех случаях, когда желание очевидно как для самого человека, так и для стороннего наблюдателя. При этом само желание не ведет к тому или иному поступку с необходимостью. В противном случае человек не был бы способен контролировать свои действия, что противоречит определению поступка как осознанного и намеренного действия.

В таком случае истинное убеждение как специфическая форма ментального состояния может приводить не непосредственно к совершению того или иного поступка, но способно породить другие, в том числе отличные от убеждения ментальные состояния. Некоторые из них могут быть неприемлемыми для человека сами по себе. Например, склонный к гордыне или, наоборот, к зависти школьник, который хочет побороть в себе эту черту, может преднамеренно воздерживаться от сравнения своих результатов с результатами своих одноклассников, хотя в результате этого сравнения он мог бы прийти к истинному убеждению об успеваемости в своем классе. В то же время другие ментальные состояния, а именно желания, могут подтолкнуть человека совершить неприемлемый для него и окружающих поступок. И в данном случае ПНП может оказаться действенным средством избегания подобного рода неприемлемых ментальных состояний. Человек далеко не всегда может полностью контролировать все свои ментальные состояния, в том числе желания, но может примерно представлять то, какие именно убеждения могут эти желания в нем пробудить. Как минимум, в примерах С. М. Левина оба агента не просто осознают свои порочные желания, но даже способны попытаться предотвратить их возникновение, воздерживаясь от убеждений, которые, с их точки зрения, эти желания порождают. Однако если все сказанное верно, ПНП, воздержание от получения истинных убеждений может рассматриваться как средство для предотвращения возникновения порочных желаний, но не предотвращения порочных поступков, вызванных этими желаниями. Предотвращение совершения порочных поступков, а точнее, сопротивление явно порочным желаниям как возможным мотивам порочных поступков – это область моральной, а не эпистемической и интеллектуальной ответственности человека.

Однако даже если принять ПНП, воздержание от истинных убеждений как метод борьбы с порочными желаниями, мы столкнемся с серьезной трудностью. На поверку может оказаться, что возникновение тех или иных желаний может быть спровоцировано не только неким истинным убеждением, но также практически чем угодно. И этот процесс трудно предсказать, именно потому, что мы не можем полностью контролировать как сами желания, так и все возможные факторы их возникновения. Возьмем пример Николая. Причиной появления у Николая желания поиграть в злосчастную игру может быть не только знание технических характеристик того или иного танка, но и его изображение на рекламном баннере или баннере, посвященном Дню Победы, не говоря уже о рекламе самой игры в интернете, общественном транспорте и рекламных баннерах. Следуя логике ПНП и МПНП, Николай должен стать затворником, осознанно и морально ответственно избегать всего, что могло бы оживить в нем желание возобновить игру в танки. Скорее всего, подобным своим поведением он принесет своей семье не меньше вреда, чем проводя целые дни за компьютером. Более того, даже сам факт возникновения мысли о танке и вопроса о толщине его брони может стать подобным триггером. И в этом случае уже становится не так важно, насколько эпистемически ответственно или безответственно Николай подошел к ответу на этот вопрос. Интерес к технике выступит здесь скорее как предлог, но не как первопричина его порочного поступка. Таким образом, в данном контексте подлинным проявлением моральной ответственности является не отказ от истинных убеждений, но преодоление порочного желания или попытка как минимум взять под контроль его влияние на действия агента. Это требование, скорее всего, может показаться чрезвычайно строгим. Однако наша цель здесь заключается, скорее, в том, чтобы продемонстрировать, что в конечном счете выбор человека в ситуациях,

рассматриваемых в контексте ПНП, например, выбор того же Николая, лежит в плоскости альтернативных подходов к пониманию моральной ответственности (избегать порока или попытаться элиминировать его), а не между эпистемической и моральной ответственностью.

В случае с судовладельцем видна другая крайность: зная о своей склонности, он все равно остается в той социальной роли, которая неизбежно будет вызывать у него порочное, с его точки зрения, желание. Если судовладелец действительно заинтересован в окончательном решении дилеммы, перед которой он оказался, во-первых, он может попытаться победить свое желание совершать порочный поступок, в том числе обратившись за помощью к специалистам. В этом случае дилемма между игнорированием знания о состоянии судна и порочным поступком будет полностью устранена. Во-вторых, он может смириться со своим психологическим недугом и перестать считать свои действия (которые уже не являются поступками в полном смысле этого слова) под его влиянием тем, чего стоит избегать любой ценой. В этом случае приобретение истинных убеждений также перестает быть для него проблемой. В-третьих, он может осознанно и ответственно отказаться от роли судовладельца, которая неизбежно будет порождать в нем желание совершить порочный поступок (в роли судовладельца он в любом случае вынужден как-то взаимодействовать со старым кораблем – главным источником его порочного желания). Сделав этот выбор, он устранил из своего окружения значительную часть факторов, вызывающих в нем желание неприемлемого для него поступка. Этот выбор, как и в кейсе с Николаем, лежит в области моральной ответственности и ее возможных интерпретаций (требовательных, легко или трудно выполнимых и т. д.), а не между моральной и эпистемической ответственностью.

Заключение. При всей привлекательности и перспективности как ПНП, так и МПНП в том виде, в котором они представлены в статьях А. С. Мишуры и С. М. Левина, кажутся спорными. А именно, непроясненной и не совсем убедительной остается сама идея о том, что те или иные морально порочные поступки с необходимостью являются результатом получения агентом истинных убеждений. В контексте примеров, призванных эту связь продемонстрировать, как нам показалось, явно прослеживается промежуточный элемент между убеждением и порочным поступком в виде желания совершить этот поступок. Как ПНП, так и МПНП, согласно формулировкам, которые дают авторы и первой, и второй рассмотренных статей, призваны помочь человеку избежать порочного поступка, а не вредных для него и окружающих действий. То есть, действий, которые по определению являются осознанными. При этом мы настаиваем на том, что желание как один из возможных мотивов поступка всегда полностью осознаваемо и контролируемо в моменте, но может быть «схвачено» либо до, либо после совершения порочного поступка этим желанием вызванного. Более того, не во всех ситуациях именно желание может трактоваться как (главный и основной) мотив поступка. Что делать, если желание не столь очевидно либо вовсе отсутствует как мотив? Можем ли мы в этих случаях утверждать о непосредственной и прямой мотивации истинными убеждениями? Подробное и тщательное рассмотрение всех возможных случаев опосредованной или непосредственной мотивации истинными (или ложными) убеждениями требует отдельного исследования, учитывающего все возможные теории и концепции мотивации. Однако как минимум в примерах, рассмотренных в статье С. М. Левина, желание и его влияние на поступки можно проследить (более того, сам автор упоминает о стремлении судовладельца избежать

«непреодолимого желания» совершить порочный поступок). Если задача ПНП в этом контексте – это способствование избеганию нежелательных, с точки зрения агента, желаний, то с этой задачей он как минимум частично может справиться. Более того, это справедливо не только для желания, но и других ментальных состояний, которых агент хотел бы избежать, например, той же гордыни, зависти, гнева и т. д. Эта задача особенно актуальна в контексте религиозного мировоззрения, на что указывает и сам автор ПНП А. С. Мишура. Для подобного рода мировоззрения не только конкретные поступки (как форма действия), но и некоторые ментальные состояния, например, гнев, гордыня или те же порочные желания могут оцениваться как неприемлемые с моральной точки зрения. Достаточно вспомнить известную всем заповедь «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего...».

Но, во-первых, в статье С. М. Левина ПНП представляется как универсальный этическое-эпистемический принцип, применимый за рамками религиозного мировоззрения в целом и православного христианина в частности. Во-вторых, и в статье С. М. Левина, и у самого А. С. Мишуры ПНП делает акцент на избегании агентом морально порочного поступка, а не желании его совершить ценой отказа от истинных убеждений. Говоря другими словами, на необходимости в определенных случаях предпочтения моральной ответственности эпистемической. Но, учитывая высказанные нами в статье замечания и соображения, у нас есть веские основания считать, что как минимум в рассмотренных нами кейсах следование ПНП, отказ от истинных убеждений в попытке избежать порочного поступка сам по себе морально безответственный и даже порочный поступок. А именно как попытка снять с себя ответственность за контроль над собственными желаниями и их влиянием на свои поступки. Говоря иначе, в подобной трактовке моральной ответственности, следуя ПНП, герои примеров С. М. Левина поступают не только эпистемически, но и морально безответственно, что прямо противоречит главной цели формулировки этого принципа. Даже если подобная трактовка моральной ответственности слишком требовательна и нереалистична, сам подобный ход мысли явно демонстрирует, что вопрос выбора между моральной и эпистемической ответственностью в проанализированных нами случаях, как минимум, может быть сведен к вопросу об определении сущности моральной ответственности, а также предпочтения тех или иных ее возможных интерпретаций, более или менее строгих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мишура А. С. Принцип недоверия помыслам // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 3. С. 243–267. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-243-267.
2. Левин С. М. Моральная ответственность познающего субъекта // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 3. С. 307–316. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-307-316.
3. Волков Д. Б. Проблема свободы воли: обзор ключевых исследований конца XX – начала XXI вв. в аналитической философии // Философский журнал. 2016. Т. 9, № 3. С. 175–189. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-175-189.
4. Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2014.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006.
6. Code L. Epistemic responsibility. Albany: State Univ. of NY Press, 2020.
7. Code L. Toward a “Responsibilist” Epistemology // Philosophy and Phenomenological Research. 1984. Vol. 45, № 1. P. 29–50. DOI: 10.2307/2107325.

8. Grasswick H. Reconciling Epistemic Trust and Responsibility // *Trust in Epistemology*; ed. by K. Dormandy. NY: Routledge, 2020. P. 161–188. DOI: 10.4324/9781351264884-7.

9. Karimov A., Lavazza A., Farina M. Epistemic Responsibility, Rights, and Duties During the Covid-19 Pandemic // *Social Epistemology*. 2022. Vol. 36, Iss. 6. P. 686–702. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2022.2077856>.

10. Bonjour L. Can Empirical Knowledge Have a Foundation? // *American Philosophical Quarterly*. 1978. Vol. 15, № 1. P. 1–13.

11. Клиффорд В. К., ДеМарко Т., Листер Т. Этика веры. Ч. 1 // Вальсируя с медведями: управление рисками в проектах по разработке программного обеспечения; пер. с англ. Ю. М. Яновской, А. Д. Баженова, А. О. Арефьева. М.: Компания р.т. Office, 2005. С. 172–178.

12. Van Inwagen P. It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Any-thing upon Insufficient Evidence // *Faith, Freedom and Rationality* / ed. by J. Jordan, D. Howard-Snyder. Lanham (MD): Rowman, Littlefield, 1996. P. 137–153.

Информация об авторе.

Муртазин Салават Раисович – кандидат философских наук (2023), ассистент кафедры истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета, ул. Бутлерова, д. 49, Казань, 420012, Россия. Автор 17 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная эпистемология, эпистемология добродетелей, аналитическая философия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.11.2024; принята после рецензирования 15.01.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.

REFERENCES

1. Mishura, A.S. (2019), "The Principle of Distrust to Thoughts", *Philosophy. J. of the Higher School of Economics*, vol. 3, no 3, pp. 243–267. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-243-267.

2. Levin, S.M. (2019), "Moral Responsibility of the Subject of Knowledge", *Philosophy. J. of the Higher School of Economics*, vol. 3, no 3, pp. 307–316. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-307-316.

3. Volkov, D.B. (2016), "The problem of free will: an overview of major studies by analytical philosophers in late 20th – early 21st century", *Philosophy J.*, 2016, vol. 9, no 3, pp. 175–189. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-175-189.

4. Svetsitskii, A.L. (2014), *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [A Concise Dictionary of Psychology], Prospekt, Moscow, RUS.

5. Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu. (2006), *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions], 4rd ed., RAN, In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, A TEMP, Moscow, RUS.

6. Code, L. (2020), *Epistemic responsibility*, State Univ. of NY Press, Albany, RUS.

7. Code, L. (1984), "Toward a "Responsibilist" Epistemology", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 45, no. 1, pp. 29–50. DOI: 10.2307/2107325.

8. Grasswick, H. (2020), "Reconciling Epistemic Trust and Responsibility", *Trust in Epistemology*, Dormandy, K. (ed.), Routledge, NY, USA, pp. 161–188. DOI: 10.4324/9781351264884-7.

9. Karimov, A., Lavazza, A. and Farina, M. (2022), "Epistemic Responsibility, Rights, and Duties During the Covid-19 Pandemic", *Social Epistemology*, vol. 36, iss. 6, pp. 686–702. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2022.2077856>.

10. Bonjour, L. (1978), "Can Empirical Knowledge Have a Foundation?", *American Philosophical Quarterly*, vol. 15, no. 1, pp. 1–13.

11. Clifford, W.K., DeMarco, T. and Lister, T. (2005), "The Ethics of Belief, Part 1", *Waltzing with Bears: Managing Risk on Software Projects*, Transl. by Yanovskaya, Yu.M., Bazhenov, A.D. and Aref'ev, A.O., Kompaniya p.m. Office, Moscow, RUS, pp. 172–178.

12. Van Inwagen, P. (1996), "It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Anything upon Insufficient Evidence", *Faith, Freedom and Rationality*, Jordan, J. and Howard-Snyder, D. (eds.), Rowman, Littlefield, Lanham, MD, USA, pp. 137–153.

Information about the author.

Salavat R. Murtazin – Can. Sci. (Philosophy, 2023), Assistant at the Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, 49 Butlerova str., Kazan 420012, Russia. The author of 17 scientific publications. Area of expertise: social epistemology, epistemology of virtues, analytical philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.11.2024; adopted after review 15.01.2025; published online 21.04.2025.

Оригинальная статья
УДК 159.9; 003; 304
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-34-42>

Идеология как знаковая система: семиологический анализ

Андрей Романович Полубояринов¹✉, Елизавета Дмитриевна Сурова²

^{1, 2}Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹✉ poluboyarinovandrey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3154-7572>

²e.d.surova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-2302-6616>

Введение. В статье обосновывается возможность применения семиологического анализа по отношению к идеологии на основе семиологической теории Р. Барта. Предметом исследования является идеология как знаковая система. Научная новизна исследования заключается в применении семиологического анализа к идеологии. Гипотеза исследования состоит в том, что идеология является знаковой системой, подобной мифологии.

Методология и источники. Методология исследования основывается на семиологической теории Р. Барта. Для анализа идеологии и ее влияния на общество и социальной действие используются социальные теории К. Маркса и Т. Парсонса.

Результаты и обсуждение. Влияние идеологии на общество и социальное действие является свершившимся фактом. Идеология в данном исследовании определяется как совокупность идей и убеждений, выражающих интересы определенных социальных групп. Идеология является таким знанием, которое имеет политический и социально-практический характер. Идеологические ценности и нормы являются неотъемлемой частью поведения социальных групп в обществе и определяют его. Семиологическое измерение идеологии представляет собой выражение таких норм и ценностей в социальном пространстве и коммуникациях. В статье дается интерпретация социального действия с учетом идеологических установок, которые определяют его политический характер.

Заключение. Основной вывод этого исследования заключается в том, что идеология воплощается в социальном пространстве и служит инструментом объяснения интересов тех или иных социальных групп, на основе чего формируется соответствующая семиология, специфически свойственная акторам социального действия. Значение и смысл идеологических норм и ценностей в обществе, являясь неотъемлемой составляющей социального действия, выражаются при помощи идеологической семиологии.

Ключевые слова: философия, социальная философия, социальная теория, семиологическая теория, семиология Ролана Барта, идеология, мифология, социальная мифология, миф, семиотика

Для цитирования: Полубояринов А. Р., Сурова Е. Д. Идеология как знаковая система: семиологический анализ // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 34–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-34-42.

© Полубояринов А. Р., Сурова Е. Д., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Ideology as a Sign System: Semiological Analysis

Andrey R. Poluboyarinov¹✉, **Elizaveta D. Surova²**

^{1, 2}*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia*

¹✉ poluboyarinovandrey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3154-7572>

²e.d.surova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-2302-6616>

Introduction. This article substantiates the possibility of semiological analysis in relation to ideology on the basis of the semiological theory of R. Barthes. The subject of the study is ideology as a sign system. The scientific novelty of the study lies in the application of semiological analysis of ideology. The hypothesis of the study is that ideology is a sign system similar to mythology.

Methodology and sources. The research methodology is based on the semiological theory of R. Barthes. The social theories of K. Marx and T. Parsons are used to analyze ideology and its influence on society and social action.

Results and discussion. The influence of ideology on society and social action is a fait accompli. Ideology in this study is defined as a set of ideas and beliefs that express the interests of certain social groups. Ideology is such knowledge that has a political and socio-practical character. Ideological values and norms are an integral part of the behavior of social groups in society and determine it. The semiological dimension of ideology is the expression of such norms and values in social space and communications. The article provides an interpretation of social action taking into account ideological attitudes that determine its political character.

Conclusion. The main conclusion of this study is that ideology is embodied in the social space and serves as a tool to explain the interests of certain social groups, on the basis of which the corresponding semiology is formed, specifically peculiar to the actors of social action. The meaning and sense of ideological norms and values in society, being an integral component of social action, are expressed with the help of ideological semiology.

Keywords: philosophy, social philosophy, social theory, semiological theory, semiology of Roland Barthes, ideology, mythology, social mythology, myth, semiotics

For citation: Poluboyarinov, A.R. and Surova, E.D. (2025), "Ideology as a Sign System: Semiological Analysis", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 34–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-34-42 (Russia).

Введение. В современном мире идеология и мифология занимают особое место при анализе общественных явлений. Р. Барт утверждал, что мифология является знаковой системой, выражающей общественные отношения. Особый вклад Р. Барта заключается в том, что он смог совершить синтез семиологии со структурным методом применительно к анализу общественных явлений [1, с. 94].

Целью настоящего исследования является изложение основ идеологической семиологии. Задачами же становятся анализ семиологической теории Р. Барта по отношению к мифологии, а также применение ее к анализу идеологии.

Новизна исследования заключается в применении семиологической теории Р. Барта к идеологии. Гипотеза исследования состоит в том, что идеология представляет собой семиологическую систему, которую можно рассматривать как знаковую систему, подобную мифологии.

Методология и источники. Методология данного исследования основывается на семиологической теории Р. Барта, а также социальных теорий К. Маркса и Т. Парсонса.

Идеология в данном исследовании определяется как система идей и убеждений, выражающих интересы социальных групп [2, с. 52]. При помощи идеологической семиологии выражаются ценности и нормы, которые определяют социальные действия людей. Соответственно, идеологическая семиология в символическом виде направлена на выражение и обоснование интересов социальных групп посредством знаковых систем. Исследование рассматривает семиологическое значение и специфику отражения интересов соответствующих социальных групп в идеологии.

Результаты и обсуждение. Р. Барт и применение семиологии к анализу мифологии. В XX в. актуализируются исследования социальных мифов, которые отличаются от архаичных мифов. Несмотря на определенные различия между архаичными и социальными мифами, «их роль как инструмента осуществления социальных и политических преобразований в настоящее время остается достаточно ощутимой и схожей с ролью мифов в традиционных обществах» [3, с. 112]. Основное отличие в том, что социальные мифы являются частью современного мира и общества. Исследовательская стратегия XX в. в целом заключалась в изучении взаимного влияния мифа и сознания, места мифа в современном обществе. К середине XX в. появляется множество направлений изучения социальных мифов. Р. Барт является представителем структуралистского подхода к анализу современных ему мифологий. Его особенность заключается в представлении мифологии в качестве знаковой системы. Для него мифы – это определенные сообщения, направленные на выполнение определенной функции в обществе. «Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым он высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциональных. Значит, мифом может быть все? Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен» [4, с. 265]. Однако семиологическое значение получает не только текст, но и любая вещь, которая может приобрести мифологическую форму. Это «может быть не обязательно устным высказыванием, но и оформляться в виде письма или изображения; носителем мифического слова способно служить все – не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, спектакли, реклама» [4, с. 266]. Итак, Р. Барт понимает под современной ему мифологией определенный способ высказывания сообщения, при том что для него миф не является самой вещью, а специфическим способом ее обозначения. Соответственно, миф представляет собой знаковую систему. В этом Р. Барт основывается на идеях Ф. де Соссюра [5, с. 136].

Р. Барт представляет мифологическую семиологию в качестве знаковой системы, имеющей два уровня: денотативный (первичный) и коннотативный (вторичный). На первом уровне знак имеет буквальный смысл, на втором уровне у знака появляется дополнительный смысл [6, с. 341]. То, чем будет являться вещь во вторичной системе, зависит от интерпретаций со стороны субъектов социальных групп. К примеру, в денотативной системе заголовок в газете является означающим для факта падения цен. Полученный знак предстает как означающее в коннотативной системе – правительственность (при условии, что субъект связывает падение цен с государственной политикой). Таким образом, коннотативный смысл будет заключаться в том, что падение цен происходит, так как это политика правительства.

Семиологическое значение мифологии заключается именно в коннотативной составляющей, в способности воспроизводить новые смыслы и скрытые интенции в разных формах [4, с. 178]. Означающее в мифах целиком и полностью обуславливается социальным, куль-

турным и историческим контекстом на коннотативном уровне, присутствие которого предопределено нашим сознанием и памятью [4, с. 280]. Следовательно, коннотация понятий в их словесном выражении отвечает интересам субъектов и символизирует особенности социального контекста, в котором применяется. Социальные мифы обнаруживаются в их повторяемости и актуальности для каждой конкретной современной ситуации.

Рассмотрим следующий пример. Образ (возложение цветов к памятнику неизвестного солдата) и понятие (победа в Великой Отечественной войне) составили смысл – память о победе. Как только мы облачаем в эту форму понятие патриотизма, важно то, что теперь это означает любовь к родине. Другим примером может быть образ (великая Россия) и понятие (национально-ориентированный бизнес), смысл чего заключается в том, что нужно делать хорошо там, где ты живешь, означаящее в конечном счете также патриотизм.

Идеологическая семиология. Источниками идеологии являются, по мнению А. М. Орехова, «во-первых, это наука, а во-вторых, это различные ненаучные формы социального знания, такие как религия, обыденное знание, социальная псевдонаука» [2, с. 53]. В целом «идеология, в каком бы ракурсе мы на нее не смотрели, всегда есть изменчивая смесь мифа, логики и науки» [7, с. 152].

Поскольку Р. Барт отмечал, что мифология является знаковой системой, в свою очередь идеология тоже имеет семиологическое измерение [4, с. 288]. Наша гипотеза заключается в том, что идеологию можно рассматривать как знаковую систему, подобную мифологии.

Идеологическая семиология выражает собой способ проявления идеологии в социальном пространстве и коммуникациях. Более того, любое социальное действия связано с определенными идеологическими нормами и ценностями. Всякий стабильный социальный порядок устанавливается и функционирует именно благодаря тому, что существуют нормы и ценности, определяемые той или иной идеологией. Если это так, то важную роль при совершении социальных действий будут играть нормы и ценности социальных групп. Поэтому, к примеру, Т. Парсонс считает, что при анализе действия наряду с целями и расчетами полезности, на которые делали упор утилитаристы, необходимо в равной степени учитывать идеологические ценности и нормы.

Идеология так или иначе влияет на формирование ценностного измерения действия. Ценностное и идеологическое измерение недостаточно учитывает «холодный расчет» в экономических науках, и поэтому эгоизм и ориентированное на полезность действие необоснованно отождествляется с рациональным поведением как таковым, что ведет к некорректным эмпирическим описаниям.

Диалектика идеологической семиологии выражается в прямой зависимости символического воплощения от идеологических ценностей и норм. Исследовать социальные действия без учета норм и ценностей значит упускать из анализа самое существенное и важное. Идеологии в обществе являются ключевыми элементами, определяющими социальное действие [8, с. 91–92]. Крайне сложно объяснять действия индивидов как ориентированных исключительно на выгоду и конкретную цель, если вообще допустимо. А. Шюц отмечал, что «рациональность в строгом смысле является категорией научного наблюдения социального мира, а не категорией в сознании актора внутри социального мира. Таким образом, концептуальная схема рациональности достоверна в своем первичном значении только на уровне

теоретического наблюдения; к другим уровням нашего опыта социального мира она применима только в модифицированном и ограниченном смысле» [9, с. 224].

С точки зрения Х. Йоаса, «теоретикам рационального выбора приходится прибегать к нормам (или к безусловной вере), которые они, правда, прикрывают категориями предпочтений или максимизации полезности. Но сама эта исходная позиция крайне неубедительна, как неубедителен любой радикально индивидуалистский подход к изучению социальных феноменов» [10, с. 170]. Собственно, если действия индивидов направлены только на извлечение выгоды, то в этом случае эти неолиберальные теории свидетельствуют о невозможности революций, однако же они происходят. Х. Йоас отмечает: «Почему я должен участвовать в какой-то акции, в которой любое действие может стоить мне не только денег и, конечно же, времени, но и жизни, и в которой мой собственный вклад вместе с тем довольно незначительный? Что уж тут говорить о революции, когда даже участие в выборах для теоретиков рационального выбора – уже загадка» [10, с. 170].

Интересы социальных групп, которые формируют идеологии, составляют основу существующего социального порядка. Раскрытие этих интересов является задачей аналитического характера, которая заключается не в одобрении, врачевании или сохранении существующего, а прежде всего на прорыв видимости нормальности, на отвлечение от опыта и привычек [11, с. 163]. Дело в том, что рутинные практики, автономные действия и идеологии невозможно отделить друг от друга. Они составляют целое, обеспечивающее единство социального действия, социального порядка и социальных изменений.

Итак, идеология представляет собой не что иное, как идеи и убеждения, выражающие интересы социальных групп. Определение интересов социальных групп становится важнейшей задачей на пути к объяснению социальных действий и формированию идеологической семиологии.

Взаимосвязь идеологической семиологии и социально-практической деятельности социальных групп. Идеология является знанием, относящимся к политическому и социально-практическому измерениям социального. «Любые научные представления о социальных фактах уже предполагают сознательную или бессознательную теорию структуры социального мира и... эта теория определяет выбор проблем, а также направление интереса при отборе фактов» [9, с. 224]. Таким образом, идеология в целом может рассматриваться как определенное теоретическое социальное действие тех или иных социальных групп.

Социальный факт имеет значение в данном случае не просто как естественнонаучный факт и не как субъективное «переживание» акторов [12, с. 8], а как система координат, определяемая самим действием, его причинами и последствиями. Социальная реальность, таким образом, предстает как поле деятельности различных социальных акторов, отдельные акты или действия которых обозначаются как социальные факты. «Следует подчеркнуть, что одни и те же эмпирические факты в соответствии с научным замыслом можно фиксировать в терминах более чем одной такой схемы, и эти схемы могут относиться друг к другу не только таким образом, что одна есть частный случай другой, но и так, что они пересекаются» [13, с. 880].

При анализе идеологии с точки зрения социальной философии имеет значение не только сам факт ее наличия, но и ее идеологические акты. Идеология проявляется посредством социальных актов, которые совершают социальные акторы. Иными словами, сама

идеология предстает последовательностью социальных действий. Идеологическая норма или соответствующая идеологическая теория является словесным описанием конкретного хода действий, который считается желательным с учетом осуществления будущих действий, которые соответствуют этому ходу действия.

Идеологический акт или идеологическое действие всегда является процессом во времени, следовательно, определенным способом взаимосвязи средств, целей и других элементов действия. Система координат идеологического акта, таким образом, зависит от конкретно-исторического положения той или иной социальной группы. «Системы действий» и «действие», взятые вне идеологического контекста, приобретают выхолощенный, пустой характер, поэтому они требуют приписки, указывающий для кого конкретное событие представляет собой действие и кто его совершает.

Если рассматривать идеологическую семиологию как определенное поле деятельности, то прежде всего можно заметить, что оно не существует «природным образом», а является «социальной вещью». «Я не могу понять социальную вещь, не сводя ее к человеческой деятельности, которая породила ее, и не соотнося затем эту человеческую деятельность с мотивами, которые ее вызвали» [9, с. 95]. Социальные действия понятны, только если они могут быть сведены к человеческой деятельности, которая определяется мотивами в конечном счете.

Идеология приобретает характер универсалий на основе комбинации множества единичных актов. Идеологическая семиология является тем общим, что раскрывает интересы и действия социальных групп. Т. Парсонс отмечал, что «рациональное понимание человеческого действия, включая прежде всего субъективное состояния сознания акторов, требует сочетания эквивалента того, что Кант называл чувственными данными, и категоризацией, которая, на мой взгляд, в конечном итоге является культурным процессом» [9, с. 168]. Идеология включает в себя набор ценностей и норм, которые помогают интегрировать индивидов в общество. Она служит основой для формирования коллективной идентичности и согласования действий различных социальных групп. Идеология помогает людям понять свое место в социальной системе и предоставляет им рамки для интерпретации своих действий. Идеологическая семиология представляет собой своего рода продукт переживания отношения индивида или социальных групп к историческим условиям их существования, в котором смешиваются социально обусловленные интересы, социальные практики и их семиологическое воплощение.

С точки зрения Т. Парсонса, «Установки – это наблюдаемые эмпирические факты. Человек – это существо, которое в связи со своей природой и с той ситуацией, в которой он размещен, умеет развивать метафизическую интерпретацию собственного мира. Но то, что он является таким именно существом или находится в такого именно типа ситуации, – вовсе не метафизическая проблема, а факт» [13, с. 190]. Соответственно, идеологические установки являются не только субъективным фактором, но также и объективностью, которая проявляется в системе объективных действий. Социальные действия содержат в себе идеологический элемент в той или иной степени, поэтому без анализа сложных взаимодействий ценностей, идей и установок, норм различного типа друг с другом, конкретная социальная жизнь и действия становятся попросту не интерпретируемыми и не мыслимыми вообще.

Действия получают символическое значение в дополнение к значению, которое им присуще как действиям. К примеру, женщина, ведущая домашнее хозяйство, считает свою работу относительно терпимой. Хотя сама по себе эта работа совершенно неинтересна, однако

она необходима для поддержания семьи. Те же самые виды работ показались бы ей несравненно более утомительными, если бы она выполняла их в качестве домработницы в чьем-то чужом доме. Другим примером, который показывает взаимосвязь действий и идеологий, может быть революция или какие-либо публичные мероприятия в принципе. Исследовать данные явления, исходя из того, что действия индивидов исключительно рациональны и утилитарны вне какой-либо нормативной составляющей, крайне сложно, если вообще допустимо.

Согласно Т. Парсонсу «система координат» действия складывается из структурных элементов действия (цели, средства, условия, нормы), нормативной ориентации действия (его телеологический характер), временного измерения и субъективного характера [13, с. 274]. Эта система координат, основанная на социальных фактах, представляет собой несколько отличную от физической системы координат. «Допустим, человек прыгнул с моста с целью самоубийства. Социолог будет описывать это происшествие как “действие”; физик – как “событие”. Для социолога этот акт имеет “конкретную” цель – смерть; действующее лицо предвидит “свою смерть в воде”. Средством является “прыжок”. “Условиями” выступают высота моста, глубина воды, отдаленность места падения от берега, физиологические последствия удара, наполнение легких водой и т. д. Человек знает, что если он прыгнет, то он упадет, и если он не будет плыть, то утонет. Когда эти факты описываются в понятиях схемы действия, эти физические факты принимаются как “данные”. Но коль скоро эти данные заданы, социолог видит свою проблему в этих подчеркнутых выше “если”. Социолога не интересуют причины того, почему, если человек прыгает, то он падет. Он интересуется тем фактом, что человек упадет, что самоубийца знает это и знает вероятные для себя последствия... Для социолога тот факт, что, если самоубийца прыгнет, то упадет, – релевантен, но не проблематичен. Проблема в другом – в том, почему прыгает» [13, с. 277]. Идеологические факты также можно рассмотреть с точки зрения социальных координат действия. К примеру, возьмем самый радикальный случай прямого идеологического действия – революция. Цель революции заключается в переустройстве общества в соответствии с интересами актора; актер в лице субъекта той или иной социальной группы предвидит свой вклад в совершение революционных действий посредством, к примеру, исполнения партийных поручений. Средством является революционный пролетариат. Условиями выступает революционная ситуация, заключающая в себе совокупность объективных перемен, создающих глубокий социально-политический кризис общества. Человек знает, что если он решит совершить революцию, то возникнет акт гражданской войны; в свою очередь, если он или его партия захватит власть, то он станет частью правительства, которое позволит ему реализовать его интересы. Определяет понимание причин и следствие того, почему люди решаются совершить революции, а также раскрывает характер указанных в примере «если», идеология, устанавливая характер взаимосвязи между средствами и целью, без учета чего объяснить интересы и действиям попросту невозможно, что подтверждает основной закон теории действия, который гласит: «В любой конкретной системе действия процесс изменения, коль скоро он вообще объясним в терминах тех элементов действия, которые сформулированы на базе отношения “средства–цель”, внутренне присущего системе, может происходить лишь в направлении приближения к реализации рациональных норм, рассматриваемых как обязательные для акторов, функционирующих в этой системе» [13, с. 298]. Таким образом,

идеология, как и мифология, является неотделимым спутником реальности, которую выражает посредством соответствующей ей идеологической семиологии.

Заключение. Предназначение идеологической семиологии заключается в том, чтобы представить реальное как продукт определенной объективно существующей системы общественных отношений, суметь понять необходимость возникающих общественных противоречий, их содержание, ход и условия развития. К. Маркс отмечал, что идеология неизменно обесценивала себя, как только она отделялась от «интереса» [14, с. 89]. Идеологические ценности и нормы являются неотъемлемой составляющей любых социальных отношений и социальных действий. Таким образом, идеологическая семиология выражает интересы социальных групп посредством определенной знаковой системы.

Итак, идеологическая семиология раскрывает реальные и господствующие в нем общественные отношения в соответствующем символическом воплощении. Идеология видит своей задачей формулирование и теоретическое объяснение существующих общественных отношений и действий, в том числе при помощи семиологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокарева Е. А. Семиология Р. Барта: письмо, идеология, мифология // Вестн. Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2. С. 94–99.
2. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М.: ИНФРА-М, 2018.
3. Павлов Д. Н. Мифологизация как инструмент политической пропаганды // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 1. С. 106–118.
4. Барт Р. Мифологии / пер. с англ. С. Зенкина. М.: Академ. проект, 2023.
5. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / пер. с франц. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977.
6. Барт Р. Основы семиологии // Нулевая степень письма / пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Академ. проект, 2008. С. 275–352.
7. Feuer L. Ideology and the Ideologist. Oxford: Blackwell, 1975.
8. Parsons T. The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. NY, London: Free Press, 1968.
9. Шюц А., Парсонс Т. Теория социального действия: переписка / пер. с англ. А. М. Корбут. М.: Элементарные формы, 2021.
10. Йоас Х., Кнебль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2011.
11. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007.
12. Современная социальная онтология в зеркале российской онтологической традиции: дискурсы и интерпретации / А. М. Орехов, С. И. Платонова, В. Г. Марча и др. Королев: Космос, 2024.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ. И. Бакштейн, Г. Беляевой, Л. Седова, В. Чесноковой. М.: Академ. проект, 2000.
14. К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Сочинения. Т. 2. / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1955. С. 3–230.

Информация об авторах.

Полубояринов Андрей Романович – аспирант кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия, социальная философия, социальная теория, идеология.

Сулова Елизавета Дмитриевна – аспирантка кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия. Автор 9 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия, социальная философия, социальная мифология, идеология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.07.2024; принята после рецензирования 25.01.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.*

REFERENCES

1. Kokareva, E.A. (2014), "R. Bart semiology: script, ideology, mythology", *Perm Univ. Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 2, pp. 94–99.
2. Orekhov, A.M. (2018), *Sotsial'nye nauki kak predmet filosofskogo i sotsiologicheskogo diskursa* [Social sciences as a subject of philosophical and sociological discourse], INFRA-M, Moscow, RUS.
3. Pavlov, D.N. (2015), "Mythologization as a tool of political propaganda", *Moscow Univ. Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 1, pp. 106–118.
4. Barthes, R. (2023), *Mythologies*, Transl. by Zenkin, S., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
5. Saussure, F. (1977), *Cours de Linguistique Generale*, Transl. by Kholodovich, A.A., Progress, Moscow, USSR.
6. Barthes, R. (2008), "Eléments de sémiologie", *Le Degré zéro de l'écriture*, Transl. by Kosikov, G.K., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS, pp. 275–352.
7. Feuer, L. (1975), *Ideology and the Ideologist*, Blackwell, Oxford, UK.
8. Parsons, T. (1968), *The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*, Free Press, NY, London, USA.
9. Schutz, A. and Parsons, T. (2021), *Theory of Social Action: The Correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons*, Transl. by Korbut, A.M., Elementarnye formy, Moscow, RUS.
10. Joas, H. and Knöbl, W. (2011), *Sozialtheorie*, Transl. by Timofeeva, K.G., Aleteiya, SPb., RUS.
11. Luhmann, N. (2007), *Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie*, Transl. by Gaziev, I.D. Nauka, SPb., RUS.
12. Platonova, S.I., Orekhov, A.M., Marcha, V.G., Moiseev, S.V. and Shevchenko, O.K. (2024), *Sovremennaya sotsial'naya ontologiya v zerkale rossiiskoi ontologicheskoi traditsii: diskursy i interpretatsii* [Modern social ontology in the mirror of Russian ontological tradition: discourses and interpretations], Kosmos, Korolev, RUS.
13. Parsons, T. (2000), *Structura of Social Action*, Transl. by Bakshtein, I., Belyaeva, G., Sedov, L. and Chesnokova, V., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
14. Marx K., Engels F. (1955), "Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer & Consorten", *Sochineniya* [Works], vol. 2, Transl., Gospolitizdat, Moscow, USSR.

Information about the authors.

Andrey R. Poluboyarinov – Postgraduate at the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maclay str., Moscow 117198, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: philosophy, social philosophy, social theory, ideology.

Elizaveta D. Surova – Postgraduate at the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maclay str., Moscow 117198, Russia. The author of 9 scientific publications. Area of expertise: philosophy, social philosophy, social mythology, ideology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.07.2024; adopted after review 25.01.2025; published online 21.04.2025.*

Оригинальная статья

УДК 1:316; 13

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-43-54>

Вопросы разработки социально-философских основ образовательного пространства

**Юньшэн Чжан¹, Сергей Николаевич Цаплин²,
Ирина Владимировна Яковлева³**

¹Шаньдунский институт физического воспитания, Цзинань, Китай

^{2, 3}Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

¹zhangyunsheng543018031@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-6261-2466>

²tsaplin-x@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5676-242X>

³uhova2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9701-297X>

Введение. Фактически любая мировоззренческая или методологическая конструкция представляет собой определенную систему знания, включающую исходные понятия, правила построения высказываний и выводы производных суждений, которые после необходимого обсуждения и подтверждения приобретают форму всеобщего убеждения. Подобным критериям соответствует методология разработки единых пролегоменов в описании современного образовательного пространства, заявленных в мировой социально-политической философии и в философии образования. Эта необходимость требует выяснения того, как и каким образом с помощью рациональной философской мысли возможно и необходимо разработать методологию, объединяющую категориальный аппарат многочисленных образовательных систем.

Методология и источники. Описание единых категориальных основ образовательного пространства осуществляется в онтологическом, эпистемологическом и аксиологическом содержании приоритетов, представленных современным пространством образования.

Результаты и обсуждение. Методология глобализма в социальной философии и философии образования теоретически организована и иерархизирована. В целом она включает в себя интересы и потребности, смыслы и ценности субъектов познания. Обнаружение фундаментальных ориентиров в онтологических, эпистемологических и аксиологических приоритетах философско-образовательного дискурса в вопросах построения глобального образовательного пространства вызывает необходимость критической философской оценки глобализационных теоретико-методологических подходов с точки зрения социо-ноосферной методологии познания. Это важно при разработке единых категориальных основ в описании образовательного пространства.

Заключение. Методологический потенциал философии образования как гуманистической основы развития человечества обладает высокой эвристической значимостью в аспекте диалектики медиапространства с возможностями интегрированного в него образования. Единое категориальное пространство, оформленное в методологии онтологии, эпистемологии и аксиологии образования, в практической реализации способно проектироваться в массовом мировосприятии, миропонимании и мировоззрении, основанных на углубленной разработке социо-ноосферной методологии образовательного пространства.

© Чжан Ю., Цаплин С. Н., Яковлева И. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: философия образования, образовательное пространство, единые категориальные основы, научная методология, онтология, эпистемология, аксиология

Для цитирования: Чжан Ю., Цаплин С. Н., Яковлева И. В. Вопросы разработки социально-философских основ образовательного пространства // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 43–54. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-43-54.

Original paper

Issues of Developing the Socio-Philosophical Foundations of the Educational Space

Yunsheng Zhang¹, Sergey N. Tsaplin², Irina V. Yakovleva³✉

¹*Shandong Institute of Physical Education, Jinan, China*

^{2, 3}*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

¹*zhangyunsheng543018031@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-6261-2466>*

²*tsaplin-x@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5676-242X>*

³✉*uhova2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9701-297X>*

Introduction. In fact, any ideological or methodological construction represents a certain system of knowledge, including initial concepts, rules for constructing statements and conclusions of derivative judgments, which, after the necessary discussion and confirmation, take the form of a universal belief. The methodology for developing unified prolegomena in the description of the modern educational space, stated in world socio-political philosophy and in the philosophy of education, meets similar criteria. This need requires clarifying how and in what way, with the help of rational philosophical thought, it is possible and necessary to develop a methodology that unites the categorical apparatus of numerous educational systems.

Methodology and sources. The description of the unified categorical foundations of the educational space is carried out in the ontological, epistemological and axiological content of the priorities represented by the modern educational space.

Results and discussion. The methodology of globalism in social philosophy and in the philosophy of education is theoretically organized and hierarchized. In general, it includes the interests and needs, meanings and values of the subjects of knowledge. The discovery of fundamental guidelines in the ontological, epistemological and axiological priorities of philosophical and educational discourse in matters of building a global educational space necessitates a critical philosophical assessment of globalization theoretical and methodological approaches from the point of view of the socio-noospheric methodology of cognition. This is important when developing unified categorical frameworks for describing the educational space.

Conclusion. The methodological potential of the philosophy of education as a humanistic basis for the development of humankind has high heuristic significance in the aspect of the dialectics of the media space with the possibilities of education integrated into it. A single categorical space, framed in the methodology of ontology, epistemology and axiology of education, in practical implementation is capable of being projected into the mass world perception and worldview, based on the in-depth development of the socio-noospheric methodology of the educational space.

Keywords: philosophy of education, educational space, unified categorical foundations, scientific methodology, ontology, epistemology, axiology

For citation: Zhang, Yu., Tsaplin, S.N. and Yakovleva, I.V. (2025), "Issues of Developing the Socio-Philosophical Foundations of the Educational Space", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 43–54. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-43-54 (Russia).

Введение. В настоящее время в связи с кризисом концепций глобализма, имевших широкое распространение со второй половины XX в. и до 2020-х гг., начинается новый этап развития его концептуально-методологических моделей. Необходимым алгоритмом моделирования современного пространства в мировом масштабе становится по-новому организованное образование. Сущность и существование современного образовательного пространства в контексте описания его категориальных основ актуализируется как возможность создания инновационно-ориентированных и практико-содержащих институций, методологически оформленных в новых типах онтологического, эпистемологического и аксиологического знания и принципов его функционирования.

Осмысление цивилизационного опыта в создании единого образовательного пространства с позиций развития идей и методологии глобализма, необходимо критически осмыслить в ее скрытых манипулятивных формах. Для этого используются уже имеющиеся архаичные концепции, но в иных сочетаниях и с обновленными выводами, содержащие популярные декларативные риторики, искажающие реальные практики в науке, политике, экономике и образовании, это и продвижение с помощью инструментов маркетинговых коммуникаций поверхностных брендинговых эффектов [1–3]. Это обусловлено тем, что в реальной социальной жизни конфликтность и бесперспективность данных форм социальных отношений уже стала очевидной. В связи с нарастанием подобных процессов, встают рационально оформленные социально-философские вопросы о том, какие образовательные ориентиры в настоящее время и в будущем определяют мировоззренческую позицию большинства населения.

Методология и источники. Философско-образовательная рефлексия иллюстрирует позицию, согласно которой, если человек ошибается в фундаментальных теоретико-методологических знаниях, то он ошибается и во всех остальных более частных выводах. Это не что иное, как системно-диалектический методологический подход и ценностно-ориентированный принцип познания всеобщих проблем. В статье применена такая позиция, которую также предлагается использовать при исследовании других современных проблем общества и образования. В статье рассмотрены образовательные онтологические, эпистемологические и аксиологические методологические конструкты, с целью их комплексного применения к разработке единых категориальных основ в пространстве образования, которые должны получить приоритет в образовательном пространстве будущего.

В целом категориальный аппарат включает в себя интересы и потребности, смыслы и ценности субъектов познания, заключенные в методологических установках и теоретических конструктах (организации, управлении и иерархии). Обсуждение онтологических, эпистемологических и аксиологических приоритетов социально-философского дискурса в вопросах построения справедливого общественного устройства и единого образовательного пространства вызывает необходимость критической философской оценки ряда инновационных теоретико-методологических подходов, которые все отчетливее проявляются в тенденциях утверждений, не прошедших необходимую критическую процедуру.

Результаты и обсуждение. Предлагая раскрыть смыслы теоретико-методологических оснований философии образования XXI в. с учетом достижений российской философской мысли, следует определить способы преодоления сформировавшейся западноевропейской стратегии глобализма, построенной на идее неуклонного прогресса либерального обще-

ственного устройства, осуществляемого за счет неограниченного использования богатств других территорий и стран, включая Россию. Подобная глобальная унификация социально-природной жизни в итоге приводит к тому, что на фоне обогащения Запада большинство стран «незападного» мира деградирует, испытывая регресс во всех социальных сферах, в том числе и в образовании. Подобный ориентир на «модернизацию» общественного сознания и образования с помощью «инновационной методологии» глобализма уже ведет к утрате основ баланса общественной жизни отдельных государств. Что же позволит сохранять теоретико-методологические, социально-идеологические и социально-правовые основы просвещения и образования в современных условиях, широко демонстрирующих себя в медиапространстве, научных публикациях, оправдывающих универсализацию и унификацию глобальных тенденций в пространстве образования?

Используя методологию взаимосвязи диалектического и логического, отметим, что теоретические категории, обосновывающие развитие современного образовательного пространства, концентрируются вокруг отологии образования, эпистемологии образования и аксиологии образования. Подробный «функциональный подход к анализу глобального образовательного пространства используется наряду с теорией развития медиапространства, внедрения в образовательные практики искусственного интеллекта как новых необходимых условий аксиосферы, изменяя ее по содержанию» [4, с. 169].

Приоритет практического опыта над поиском теории универсального множества сегодня демонстрируется в исходных основаниях философии образования каждого отдельного общественного устройства. В онтологии образования это становится дорожной картой комплекса устойчивых человеческих возможностей, требующих от образования ориентации на рационализацию, индивидуализированные смысложизненные ценности и самодидактику в профессиональной подготовке. Поэтому для разработки единых категориальных основ в рефлексии современного образовательного пространства предлагается репрезентация отологических оснований философии образования, эпистемологических оснований философии образования и аксиологических оснований философии образования.

Отологические основания философии образования. Заявленные вопросы о том, какие образовательные ориентиры в настоящее время и в будущем определяют мировоззренческую позицию большинства населения, требуют выяснения, как и каким образом с помощью рациональной философской мысли возможно и необходимо преодолевать методологические концепции, построенные на мифологическом мировоззрении (ориентиры обыденного сознания, ценности архаического мировосприятия, индивидуальные ментальные установки в принятии решений и популярные декларативные риторички), и одновременно укреплять в образовательном пространстве стратегическую линию формирования непротиворечивого, фундаментального и цельного знания для достижения гармоничного бытия людей и общества.

Социальные процессы второй половины XX в. объективно ознаменовали качественно новый этап развития человечества – путь к единому планетарному сообществу в его глобальной планетарной форме как путь к социосфере и аксиосфере. Одновременно стал ускользать объективный путь глобализации за счет создания с помощью научно-технического и информационно-коммуникационного прогресса централизации глобальных транспортных, энергетических, информационно-медийных сетей и их взаимодействий. С середины XX в.

процессы глобализирующегося общества становились все более активными, что вызвало потребность в углубленном научно-философском анализе этого социального феномена [5–7]. Русский ученый В. И. Вернадский еще в первой половине XX в. описал глобальное общество будущего как соционоосферу, или сферу созидающего гармоничного разума, что в итоге, по его прогнозам, позволит народам разных стран объединиться в содружества и решить большинство глобальных проблем мирным разумным путем. Учение о ноосфере интерпретируется как высший этап развития биосферы, как качественно новая форма организации взаимодействия природы и общества в соотношении с осознанной человеческой деятельностью, определяющей все процессы в мировом развитии. На этой основе в России стал развиваться ноосферизм как стратегический принцип и путь мирного сосуществования государств с разным политическим строем [8–10].

В Западной Европе и США шло построение глобальных концепций, но не мирного сосуществования стран с разным строем, а мирового господства капитала над всем остальным миром. В целом это получило отражение в разных вариантах концепций глобализма (глобального управления всем миром), аналогично мондиализма как поляризованного массового общества [11, 12]. Таким образом, во второй половине XX в. стали создаваться альтернативные концепции устройства социосферы (человечества на всей планете) – *глобализм и ноосферизм*. В рамках этих всеобщих категориальных основ существует возможность обсуждения становления новой онтологии образовательной деятельности и многочисленных ее институций.

Сегодня в рамках фундаментальных противоречий между традиционной и инновационной парадигмой образования по-новому оформляется категория *образование*, обусловленная современными возможностями коммуникационно-информационного пространства и медиапространства. Направленное на получение профессиональной подготовки и приобретение мировоззренческого опыта в области сближения межнациональных отношений, это ноосферное понимание образования характеризуется *n*-мерностью с доминированием практического опыта в ценностно-ориентированном содержании. Отличительной особенностью образовательного пространства стала нелинейность его развития; гибкость форм и методов; междисциплинарная и полидисциплинарная дополненность, включающая преемственность, непрерывность, интегративность, поликультурность, безопасность и открытость. Национальные и региональные системы образования интегрируются в медиапространство как атрибут общественного прогресса в освоении и развитии социально значимых информационно-веерных стратегий. Его характеристики: гибридизация всех информационных событий [13]; информационно-регулятивный фактор регионов и государств [14]; саморазвивающаяся система, отражающая медиаобраз социума [15]. Всеобщая медиаметодология в новом типе образовательных практик имеет целью получение профессионального образования посредством инновационного технологического функционала медиаплатформ, объединяющих несколько национальных образовательных пространств с необходимостью подготовки индивида, способного к межкультурному взаимодействию и формированию индивидуального опыта деятельности в реальном мире как проявление свободы и ответственности.

Ноосферное представление о глобальном образовании включает онтологическое значение таких категорий, как *сфера образования, система образования, образовательное пространство, содержание образования, образовательный процесс, медиаобразование,*

качество образования, образовательный продукт, образовательные ценности. Предлагается их организационную специфику строить в формате активного взаимодействия с медиапространством, которое сегодня требует глубокого изучения в аспектах обоснования специфики фундаментального и вариативного содержания, обусловленного образовательной политикой, оптимизацией межнациональных отношений, переоценкой духовных ценностей и уровнем просветительского и образовательного потенциала конкретных регионов и стран.

Эпистемологические основания философии образования. Разработка и внедрение в современные образовательные практики эпистемологически инновационных форматов знаний и компетенций, а также подачи, трансляции, оценки и интерпретации образцов явного и неявного знания на фундаменте естественнонаучных и гуманитарных дисциплин потребовало рационального роста эпистемологического знания в динамике его логической и рациональной организации, объединяющей философов, филологов, психологов, логиков, математиков, кибернетиков и гуманитариев. *Знаниевая и компетентностная модели образования* активно интегрируются в соционоосферное мировоззрение, активно проявляя себя в социально-экономических и организационно-управленческих структурах, в технологиях воспроизводства социального опыта, в познании коэволюции природы, общества, человека. Перечисленное требует демонстрации экономически эффективного поведения и дидактически-персонального познавательного стиля мышления, во взаимодействии естественного разума с искусственным интеллектом.

Огромное эпистемологическое значение в данном случае имеют аналитическое мышление, технологическая грамотность, разнообразие способов методологии организации образовательного пространства, а также наличие в образовательном пространстве знаний, соответствующих когнитивным способностям человека. Подобная *когнитивная открытость* с акцентом на процессуально-рациональной динамике смыслообразования и творчества как порождения нового знания, что требует владения методологией управления автономно представленной информацией, отражающей как национальное своеобразие, так и способность работать в режиме многозадачности и моделировании приемов смешанного обучения.

Использование методологии эпистемологии образования необходимо для разработки эффективной теории фреймов [16], способствующей самодидактике и самостоятельному критическому мышлению в практике исследовательской деятельности как необходимости составлять собственные медиатексты. Создание возможности для индивида необходимых умений по преобразованию полученных знаний, навыков саморазвития и собственной практической активности требует медиаобразованности и медиакомпетентности в использовании инженерии знаний и технологий виртуальной реальности. А выработка медиаконтента с использованием искусственного интеллекта сегодня требует разработки непосредственных механизмов, обеспечивающих реализацию совместных коллективных международных проектов на основе межкультурного диалога. Формирование научного мировоззрения на основе эпистемологически ориентированных характеристик знания с точки зрения его соответствия рациональным принципам мышления требует «разработки единой категории *образовательное знание*, позволяющее увидеть образование в качестве специфического способа бытия человека, генерирующего и развивающего его разум и формирующего его духовно-нравственную сущность» [17, с. 58].

Аксиологические основания философии образования. Образовательная теория и методология XXI в. в ценностном формате далеко не однозначна. Сегодня она включает современные аксиологические процессы глобализирующегося общества и выражает соотношение всеобщих, общих и особенных характеристик ценностных устоев бытия человека и общества с сохранением национально-культурной идентичности в современном поликультурном мире. Соответственно теоретико-методологические образовательные ценности народов, стран, цивилизаций могут в корне различаться. Отсюда идеальный образ будущего или мысленная модель предвосхищаемого результата с точки зрения социаноосферы (сферы созидającego разума) заключается в достижении *комплекса капиталов* (культурных, человеческих, интеллектуальных и др.), сформированных на основе ноосферной методологии как методе и теории познания и практики, «опирающейся на сложные построения духовных учений древних многочисленных цивилизаций, где различают все общества и подчеркивают их неповторимость, оригинальность и самобытность» [10, с. 26]. При этом, когда речь идет о глобализации, явно или неявно сориентированной на однополярный мир, ее динамика достаточно хорошо обнаруживает себя в категориях «целое/часть» и «единое/многое». Здесь следует подчеркнуть, что во все исторические времена русская философская мысль двигалась по стратегической линии цельного знания, общего созидającego дела, гармоничного духовно-телесного развития человека в русле учения космизма как гармоничного всеединства. Считаем, что эта теоретико-методологическая и практическая линия развития знания также является организующей и в эпоху становления и развития социаноосферного общества.

Концептуализация аксиологически ориентированного ноосферного общества (в отличие от глобализационного, противопоставляющего общее и единое) оформляется в рамках *универсализма*, в котором идеальное за счет праксиологической методологии трансформируется в материальное. Дискуссионная проблема соотношения идеального и материального в пространстве образования традиционного и инновационного содержания считается одной из самых трудноразрешимых, поскольку требует глубоких исследований диалектики перехода виртуального в реальное, духовного в природное, субъективного в объективное. Подобные универсалии предполагают принципиальное обновление человека целостного как сознательного, самостоятельного и самодостаточного.

Единые категориальные основы репрезентации аксиологии образования формулируются через понятия *образовательные ценности* и *ядро системы общественных ценностей*. Сегодня их аксиологическая рефлексия обусловлена функционалом рыночно-экономической экосистемы, в центре которой оформляется модель конкурентоспособного специалиста. Структурно-функциональный подход позволяет представить категориальные основы как субстраты формирования праксиологического содержания образовательной деятельности в виде индивидуализированных образовательных ценностей. Последние обусловлены общественной ценностной инверсией, вызывающей активизацию интеллектуально-креативного ресурса образования и новые представления о человеческом, культурном и интеллектуальном капиталах. В этом отношении показательна мировоззренческая парадигма модернизма в работах А. В. Рывкова, открывшая идею прогресса в архитектуре, литературе и искусстве современности. Это также нашло яркое выражение в новых необычных формах творчества (фотография как проекция, проявленная в методологии «изнутри наружу»; ис-

пользование новых материалов и технологий; национальный романтизм в прогнозировании будущего; использование синтеза различных информационных источников, часто противоречивых методов и стилей, разнообразие их форм и приемов и др.) [18, 19].

Таким образом, в современном глобализирующемся обществе проблема состоятельности теоретико-методологических оснований философии образования имеет краеугольное значение. Эта проблема составляет базис всего потенциала знаний о человеке и обществе. Она определяет возможности управления знаниями и реальными отношениями людей. От того, какие философско-теоретические, методологические основы предлагаются в образовательном пространстве (ноосферные – теории коэволюционного мировоззрения поколения XXI в., глобализационные или мондиалистские теории массового общества) зависят в итоге судьбы человечества на планете и судьбы народов разных стран, в том числе и России. По мнению зарубежных и российских теоретиков, практика современной социальной и социально-природной жизни базируется на полярных принципах с противоположными итоговыми результатами образовательной деятельности. В настоящее время – это опора на социально-философские принципы диалектики, цикличности и системности [20–22].

Единые категориальные основы пространства образовательной действительности – понятие, указывающее на взаимозависимость и растущее взаимовлияние в условиях глобализирующегося мира, методологических основ философии образования России, Востока и Запада. В категориальной сетке таких понятий, как «образование», «медиаобразование», «медиапросвещение», «социальный интеллект», «самодидактика как высший уровень познавательной активности», «интеллектуально-ценностный диссонанс», рассмотренных в словаре-справочнике «Философия образования» [23], актуализируются принципы единого образовательного пространства в модели нового типа общественно-экономических отношений, в основу которых будет заложена модель непротиворечивой целостной идеи ноосферного образования.

Заявившие о себе проблемы глобализации затрагивают сегодня различные социальные аспекты, а вместе с ними и проблемы роста международной открытости национальных культур и связанных с ними образовательных систем. Поэтому, учитывая ряд методологий философии образования Востока, Запада и России, объединяющих своей интеграцией глобальный мир, само образование становится единым пространством. Философия образования как новая отрасль научного знания сегодня все более приобретает междисциплинарный характер и пересекается со многими исходными дисциплинами: теорией познания, социальной философией, социологией образования, экономикой образования, философией информации, историей и теорией педагогики и др. Подобный междисциплинарный и трансдисциплинарный методологический аппарат создает возможность работы по интегрированию всех направлений исследования образования на основе онтологии, эпистемологии, аксиологии, этики, эстетики, логики, праксиологии и др. Философию образования необходимо рассматривать в динамике общественного бытия как часть социального прогнозирования, включающего прогнозы экономического, экологического, демографического и культурного бытия.

С. В. Иванова, рассматривая современное образовательное пространство в социокультурном и геополитическом аспектах, подчеркивает потребность в международной солидарности, основанной на ценностях общечеловеческой этики, а это предьявляет к общеобразо-

вательным системам новые требования в ценностно-целевых ориентирах, обусловленных свободными рыночными отношениями и одновременно гуманизацией общественных отношений [24]. Современные социокультурные ценности единого пространства образовательной действительности – это требования цивилизационного мирового порядка, в котором понятие *образовательное пространство*, как правило, используется для описания множества систем. Это не просто самая большая интегрированная система, которая существует в мире, у нее есть еще и целый ряд производных: направление движения и качественное развитие общественных отношений; поликультурность и социальная ориентированность, направленные на развитие человека и цивилизации в целом; наднациональность по характеру знаний и приобщению человека к мировым ценностям; изменение во времени, безграничность, унифицированность, глобализация, адогматичность, информационность. Выделяются четыре вида образовательных пространств: естественное, характеризующееся неосознанным и неорганизованным извне взаимодействием индивида с образовательной средой; манипулятивное, предполагающее неосознанное, но специально организованное извне взаимодействие человека с образовательной средой; авторитарное, в котором взаимодействие с образовательной средой осознается объектом образования, но при этом оно организовано извне по отношению к нему; свободное, т. е. осознанное, не организованное извне, созданное самим субъектом во взаимодействии с образовательной средой. Последний вид организации образовательной деятельности в соответствии с гуманизацией общественных отношений и направленностью на развитие человеческой цивилизации в целом более всего совпадает с учением о ноосфере как организации сферы созидающего гармоничного разума.

Заключение. Современному российскому ученому-гуманитарию необходимо сделать осознанный выбор, какую сторону необходимо принять: или служить стратегии глобализма (мондализма), или отстаивать отечественную традицию формирования социо-ноосферного сознания. Отечественная традиция ученых-философов имеет прочные основы в русской философской мысли, которая становится важным предметом современных дискуссий, имеющих целью укрепление прогресса человечества. Проблема формирования всеобщего образовательного пространства решается с помощью разработки единого категориального аппарата с применением коммуникативных возможностей и технологий уже сформированного медиaprостранства, обладающего способностью просветительского и образовательного влияния на широкие массы. Такой подход обнаруживает эвристические резервы для разработки способов образовательной деятельности в глобальном пространстве.

Заявленная в мировой социально-политической философии и в философии образования динамика совершенствования интернет-коммуникаций и расширения представлений о мире как новой онтологии образовательной деятельности может быть рассмотрена в рамках медиaprостранства и медиаобразования. Их единое концептуальное пространство в совокупности гармонично взаимосвязанных категорий способно активно интегрироваться в знания и компетенции, философию образования ведущих цивилизаций и стран, заинтересованных в продвижении своей образовательной онтологии, эпистемологии и аксиологии, способных актуализировать новое представление о роли и значении углубленной разработки социо-ноосферного образования новой формации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотова У. В. Философия модерна – истоки и влияние // Инновационная наука. 2015. № 3. С. 188–191.
2. Зомбарт В. Исследования по истории развития современного капитализма / пер. с нем. Д. В. Кузницына. М.: Владимир Даль, 2023.
3. Субетто А. И. Капиталократия. Философско-экономические очерки. Кострома: Изд-во Костромс. гос. ун-та, 2000.
4. Яковлева И. В. Формулировка концептуальных оснований аксиосистемы российского образовательного пространства // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Барнаул, 18–19 нояб. 2022 г. / АлтГПУ. Барнаул, 2022. С. 167–172. DOI: 10.37386/2687-0576-2022-4-167-172.
5. Социальные векторы бытия нашего времени / С. А. Ан, Г. Н. Глиос, В. П. Дик и др. // Вестн. ин-та развития ноосферы. 2019. № 5 (7). С. 5–47.
6. Халев В. В. Актуальные проблемы трансформации социума и образования // Профессиональное образование в современном мире. 2012. № 3 (6). С. 7–13.
7. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный аспект. М.: Проспект: КАНОН+, 2006.
8. Актуализация метода критического научно-философского анализа современной интеллектуальной продукции в условиях глобализации на пути к ноосфере / С. А. Ан, Б. Н. Кагиров, Р. Ю. Наумов и др. // Вестн. ин-та развития ноосферы. 2019. № 3 (5). С. 5–56.
9. Урсул А. Д., Урсул Т. А. В. И. Вернадский и глобально-ноосферные исследования // Социодинамика. 2013. № 3. С. 318–365. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.3.383.
10. Карак П. С. Философия и методология науки: В. И. Вернадский. Учение о биосфере. Минск: Экоперспектива, 2007.
11. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013.
12. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН: INTRADA, 2001.
13. Чжан Ю., Яковлева И. В. Потенциальные возможности и эвристическое значение медиапространства в контексте всеобщего образования // Философия образования. 2024. Т. 24, № 2. С. 56–73. DOI: 10.15372/PHE20240204.
14. Чжан Ю. Просвещение в Китае: горизонты развития в эпоху новых медиа. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024.
15. Чжан Ю. Новые медиа как индикатор культурного развития аудитории // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 7. С. 244–247.
16. Верещагин О. А., Белова Н. Е. Фрейм-аналитика: опыт эпистемологического исследования // Ученые записки Орл. гос. ун-та. 2015. № 6 (69). С. 302–306.
17. Яковлева И. В., Черных С. И. Диалектика изменений аксиосистемы российского образования в переходный период // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2023. № 497. С. 57–64. DOI: 10.17223/15617793/497/6.
18. Рыков А. В. Искусство модернизма: основные принципы // Вестн. СПбГУ. Сер. История. 2011. № 4. С. 51–57.
19. Рыков А. В. Искусство модернизма и идея прогресса // Вестн. СПбГУ. Сер. История. 2014. № 3. С. 73–82.
20. Ашилова М. С., Наливайко Н. В. Философия образования Востока и Запада: развитие диалога. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013.
21. На пути к здоровью общества. Ч. 2. Поиск оснований баланса жизни человека и общества в новом мировоззренческом формате (коны мироздания и социоконны бытия) / Е. В. Ушакова, Б. Н. Кагиров, Т. С. Косенко, И. В. Яковлева // Философия образования. 2022. Т. 22, № 3. С. 22–41. DOI: 10.15372/PHE20220302.

22. Чжан Ю. Традиционные СМИ: горизонты развития в эпоху новых медиа // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 491–493. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-491-493.

23. Яковлева И. В., Косенко Т. С., Майер Б. О. Философия образования: словарь-справочник. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2022.

24. Иванова С. В. Современное образовательное пространство в социокультурном и геополитическом аспектах // Ценности и смыслы. 2014. № 2 (30). С. 40–49.

Информация об авторах.

Чжан Юньиэн – преподаватель-исследователь Шаньдунского института физического воспитания, 250102, г. Цзинань, пр-т Ши Джи, р-н Личэн, провинция Шаньдун, 10600. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования.

Цаплин Сергей Николаевич – аспирант кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилюйская, д. 28, Новосибирск, 630126, Россия. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования.

Яковлева Ирина Владимировна – доктор философских наук (2023), доцент (2009), научный сотрудник Научно-исследовательского института философии образования Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилюйская, д. 28, Новосибирск, 630126, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.01.2025; принята после рецензирования 05.02.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.

REFERENCES

1. Bolotova, U.V. (2015), "Philosophy of modernity – origins and influence", *Innovation Science*, no. 3, pp. 188–191.

2. Sombart, W. (2023), *Studien zur Entwicklungsgeschichte des Modernen Kapitalismus*, Transl. by Kuznitsyn, D.V., Vladimir Dal', Moscow, RUS.

3. Subetto, A.I. (2000), *Kapitalokratsiya. Filosofsko-ekonomicheskie ocherki* [Capitalocracy. Philosophical and economic essays], Izd-vo Kostroms. gos. un-ta, Kostroma, RUS.

4. Yakovleva, I.V. (2022), "Formulation of the conceptual foundations of the axiosystem of the Russian educational space", *Filosofskie, sotsiologicheskie i psikhologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya* [Philosophical, sociological and psychological-pedagogical problems of modern education], *Materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Materials IV All-Russian Scientific and Practical Conf.], Barnaul, RUS, 18–19 Nov. 2022, pp. 167–172. DOI: 10.37386/2687-0576-2022-4-167-172.

5. An, S.A., Glios, G.N., Dik, V.P. et al. (2019), "Social vectors existence of our time", *Vestnik Instituta razvitiya noosfery* [Bulletin of the Institute for Noosphere Development], no. 5 (7), pp. 5–47.

6. Khalev, V.V. (2012), "The topical problems of transformation of the society and education", *Professional education in the modern world*, no. 3 (6), pp. 7–13.

7. Chumakov, A.N. (2006), *Metafizika globalizatsii. Kul'turno-tsivilizatsionnyi aspekt* [Metaphysics of globalization. Cultural and civilizational aspect], Prospekt, KANON+, Moscow, RUS.

8. An, S.A., Kagiroy, B.N., Naumov, R.Yu. et al. (2019), "Critical method update scientific and philosophical analysis of modern intellectual products in the context of globalization on the way to the noosphere", *Vestnik Instituta razvitiya noosfery* [Bulletin of the Institute for Noosphere Development], no. 3 (5), pp. 5–56.

9. Ursul, A.D. and Ursul, T.A. (2013), "V.I. Vernadsky and Global-Noospheric Studies", *Sociodynamics*, no. 3, pp. 318–365. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.3.383.

10. Karako, P.S. (2007), *Filosofiya i metodologiya nauki: V. I. Vernadskii. Uchenie o biosfere* [Philosophy and methodology of science: V. I. Vernadsky. The doctrine of the biosphere], Eko-perspektiva, Minsk, BLR.

11. Dugin, A.G. (2013), *Teoriya mnogopolyarnogo mira* [Theory of a multipolar world], Eurasian Movement, Evraziiskoe dvizhenie, Moscow, RUS.
12. Il'in, I.P. (2001), *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. Glossary of terms], INION RAS, INTRADA, Moscow, RUS.
13. Zhang, Yu. and Yakovleva, I.V. (2024), "The potential and heuristic significance of the media space in the context of universal education", *Philosophy of Education*, vol. 24, no. 2, pp. 56–73. DOI: 10.15372/PHE20240204.
14. Zhang, Yu. (2024), *Prosveshchenie v Kitae: gorizonty razvitiya v epokhu novykh media* [Education in China: horizons of development in the era of new media], Izd-vo NGPU, Novosibirsk, RUS.
15. Zhang, Yu. (2021), "New media as an indicator of the cultural development of the audience", *Modern Humanities Success*, no. 7, pp. 244–247.
16. Vereshchagin, O.A and Belova, N.E. (2015), "Frame analytics: the experience of epistemological research", *Scientific notes of the Oryol State Univ.*, no. 6 (69), pp. 302–306.
17. Yakovleva, I.V. and Chernykh, S.I. (2023), "Dialectics of changes in the axiosystem of Russian education in the transition period", *Tomsk State Univ. J.*, no. 497, pp. 57–64. DOI: 10.17223/15617793/497/6.
18. Rykov, A.V. (2011), "Modernist art: the main principles", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Ser. History*, no. 4, pp. 51–57. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17048482>.
19. Rykov, A.V. (2014), "Modernist art and the idea of progress", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Ser. History*, no. 3, pp. 73–82.
20. Ashilova, M.S. and Nalivaiko, N.V. (2013), *Filosofiya obrazovaniya Vostoka i Zapada: razvitie dialoga* [Philosophy of education of East and West: the development of the dialogue], Publishing house SB RAS, Novosibirsk, RUS.
21. Ushakova, E.V., Kagiurov, B.N., Kosenko, T.S. and Yakovleva, I.V. (2022), "On the way to the health of society. Part 2. The search for the foundations of the balance of human life and society in a new worldview format (the ends of the universe and the sociocons of being)", *Philosophy of Education*, vol. 22, no. 3, pp. 22–41. DOI: 10.15372/PHE20220302.
22. Zhang, Yu. (2021), "Traditional media: horizons of development in the era of new media", *World of science, culture, education*, no. 3 (88), pp. 491–493. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-491-493.
23. Yakovleva, I.V., Kosenko, T.S. and Mayer, B.O. (2022), *Filosofiya obrazovaniya: slovar'-spravochnik* [Philosophy of education: dictionary-reference book], Izd-vo NGPU, Novosibirsk, RUS.
24. Ivanova, S.V. (2014), "Modern educational space in socio-cultural and geopolitical aspects", *Values and meanings*, no. 2 (30), pp. 40–49.

Information about the authors.

Yunsheng Zhang – Research Lecturer at the Shandong Academy of Social Sciences of Physical Culture, Shandong Institute of Physical Education, 250102, Jinan, Shi Ji ave., Licheng District, Shandong Province 10600, China. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education.

Sergey N. Tsaplin – Postgraduate at the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya str., Novosibirsk 630126, Russia. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education.

Irina V. Yakovleva – Doc. Sci. (Philosophy, 2023), Docent (2009), Research Institute of Education Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya str., Novosibirsk 630126, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.01.2025; adopted after review 05.02.2025; published online 21.04.2025.

Оригинальная статья
УДК 316.772.4; 316.775
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-55-72>

Социальные роли в коммуникации «человек – машина»: концептуализация предметной области

Владимир Игоревич Игнатьев¹✉, Ульяна Сергеевна Душина²

^{1,2}Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

¹✉ ighnatiev.v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3243-4404>

²dushinaulyana123@gmail.com

Введение. В статье представлено обоснование выделения в исследованиях коммуникации «человек – машина» особой предметной области – изучение ее как социального ролевого взаимодействия. Формулируются ключевые положения описания реляционного механизма возникновения социальных ролей в исполнении агентов коммуникации «человек – машина». Привлекаются данные об экспертизах применения технологий с искусственным интеллектом в коммуникации человека с машинами.

Методология и источники. Исследование основано на реляционной парадигме объяснения природы феномена социальных ролей в коммуникации человека и машины, возникающих и конструируемых исключительно в пространстве их взаимодействий. Для концептуализации предлагаются понятия социальной роли, симуляции роли, имитации роли, подражания, уподобления, реляции, ситуативного действия. В качестве источников использованы экспертные отчеты об исследовании коммуникаций человека с устройствами искусственного интеллекта.

Результаты и обсуждение. Установлено, что социальные роли человека и функции машины формируются в процессе взаимной симуляции, имитации, подражания и уподобления с учетом ситуации. Человек как коммуникатор включен в исполнение двух ролей, но исполняет одну из них, возникающую в коммуникации. Две роли объединены в одну – социальную роль, которую могут исполнять только оба участника совместно и в особом гибридном формате коммуникации. Природа социальности этих ролей – в ситуации коммуникации.

Заключение. Реляционный механизм возникновения социальных ролей в исполнении человека и машины проявляется в изменении поведения человека и модификации функций машины. При исполнении социальных ролей происходит техноморфизация поведения человека и антропо(социо)морфизация функционирования машины. Человек переосмысливает роль коммуникатора, меняя ее значение при контакте с технической формой активности машины-коммуникатора. Роль превращается в синтез антропо- и техноморфных проявлений. Машина начинает присутствовать как агент и заявляет о себе требованиями учитывать свою специфику. Человек стремится не потерять социальное основание ее поведения и одновременно вынужден адаптироваться к опциям машины.

Ключевые слова: социальная роль, коммуникация «человек – машина», реляционная парадигма, симуляция, имитация, уподобление, гибридная коммуникация

© Игнатьев В. И., Душина У. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Игнатьев В. И., Душина У. С. Социальные роли в коммуникации человек – машина: концептуализация предметной области // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 55–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-55-72

Original paper

Social Roles in Human-Machine Communication: Conceptualization of the Subject Area

Vladimir I. Ignatyev¹✉, Ulyana S. Dushina²

^{1, 2}Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

¹✉ighnatiev.v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3243-4404>

²dushinaulyana123@gmail.com

Introduction. The article presents the rationale for identifying a special subject area in human-machine communication research – studying it as a social role interaction. Key provisions for describing the relational mechanism for the emergence of social roles in the performance of human-machine communication agents are formulated. Data on expert examinations of the use of artificial intelligence technologies in human-machine communication are used.

Methodology and sources. The study is based on the relational paradigm of explaining the nature of the phenomenon of social roles in human-machine communication, arising and constructed exclusively in the space of their interactions. For conceptualization, the concepts of social role, role simulation, role imitation, imitation, assimilation, relation, situational action are proposed. Expert reports on the study of human communications with artificial intelligence devices were used as sources.

Results and discussion. It has been established that human social roles and machine functions are formed in the process of mutual simulation, imitation, emulation and assimilation taking into account the situation. A person as a communicator is included in the performance of two roles, but performs one of them, which arises in communication. Two roles are combined into one – a social role, which can be performed only by both participants together and in a special hybrid format of communication. The nature of the sociality of these roles is in the communication situation.

Conclusion. The relational mechanism of the emergence of social roles in the performance of a person and a machine is manifested in a change in human behavior and a modification of machine functions. When performing social roles, technomorphization of human behavior and anthro(socio)morphization of machine functioning occur. A person rethinks the role of a communicator, changing its meaning upon contact with the technical form of activity of the machine-communicator. The role turns into a synthesis of anthro- and technomorphic manifestations. The machine begins to be present as an agent and declares itself by demands to take into account its specificity. A person strives not to lose the social basis of his their behavior, and at the same time is forced to adapt to the options of the machine.

Keywords: social role, human-machine communication, relational paradigm, simulation, imitation, assimilation, hybrid communication

For citation: Ignatyev, V.I. and Dushina, U.S. (2025), “Social Roles in Human-Machine Communication: Conceptualization of the Subject Area”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 55–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-55-72 (Russia).

Введение. В исследовании устройств с искусственным интеллектом (ИИ) во взаимодействии с человеком еще далеко не все вопросы остаются проясненными. До какого предела можно придавать антропо- и социоморфные черты коммуникации человека с машиной? Стоит ли стремиться превращать взаимодействие с машиной в подобие социального взаимодействия, а активность машины в коммуникации – в исполнение социальных ролей, делая тем самым машину полноценным участником – агентом – социальных отношений? И главный вопрос с позиции социологии: становятся ли эти коммуникации социальными взаимодействиями или же только демонстрируют признаки подобия социальности?

За последние десятилетия в связи с распространением компьютерных технологий сложилось междисциплинарное направление исследований взаимодействия человека с машинами с ИИ. Одной из первых данную тематику стала разрабатывать профессор Ланкастерского университета Л. Сачмен [1]. Ее центральная идея: взаимодействия человека и компьютера должны рассматриваться как ситуативные и контингентные и не могут сводиться к заранее разработанным программам функционирования машины. Среди исследований, в которых продолжена традиция, заложенная Л. Сачмен, можно выделить, например, работы С. Nass, J. Steer и E. R. Tauber [2], которые применили новую экспериментальную парадигму для изучения взаимодействия человека и компьютера. В выводах результатов пяти экспериментов были представлены доказательства того, что взаимодействие людей с компьютерами в основе своей социально [2]. В. J. Fogg и С. Nass описали эксперимент, где нужно было выяснить, могут ли компьютеры мотивировать пользователей изменить свое поведение. Использование в этом эксперименте социальной динамики, называемой «правилом взаимности», показало, что пользователи оказывали больше помощи тому компьютеру, который помог им ранее [3]. С. Breazeal пришла к заключению, что люди будут интуитивно взаимодействовать с роботами в естественной социальной манере при условии, что робот сможет воспринимать, интерпретировать и адекватно реагировать на знакомые социальные сигналы человека [4]. Исследование E. Sandry взаимодействия человека с различными видами роботов позволяет по-новому взглянуть на то, что такое коммуникация и что такое быть коммуникатором [5]. S. A. Lee, Y. Liang и S. Cho проанализировали «убеждающий эффект» в контексте взаимодействия человека и робота, что позволило ответить на вопрос, могут ли роботы использовать вербальные просьбы и убеждающие механизмы, чтобы добиться подчинения человека [6]. A. Edwards, C. Edwards, P. R. Spence и D. Westerman представили результаты исследования, основанного на использовании сценариев взаимодействия человека с роботом. Было установлено, что люди будут испытывать больше неуверенности, меньше симпатии и ожидать меньшего социального присутствия, когда им скажут, что они будут взаимодействовать с социальным роботом, а не с другим человеком [7]. В частности, наблюдалось, что робот при взаимодействии с людьми следует определенным поведенческим ожиданиям [8–10]. Эти и другие исследования привели не только к развитию тематики, но и формированию сообщества ученых, объединенных вокруг направления «коммуникация “человек – машина”». Промежуточные значимые результаты были представлены в труде А. Л. Гузман «Коммуникация “человек – машина”. Переосмысление коммуникации, технологии и самих себя» [11]. Площадкой для постоянных коммуникаций стал созданный в 2020 г. журнал с одноименным названием.

Социологический аспект изучения взаимодействия человека с устройствами с ИИ находится в поле зрения отечественных исследователей. Например, В. В. Васильковой и Н. И. Легостаевой был представлен переход от технологически-центрированного понимания ботов к более широкому – социально-центрированному как новому инструменту информационного влияния различных социальных субъектов в социальных онлайн-сетях [12]. Р. Н. Абрамов и В. М. Катечкина рассмотрели интеракцию «человек – машина» с точки зрения восприятия людьми социальных роботов в повседневных ситуациях [13]. С. Е. Гасумова и Л. Портер провели социологический анализ первых результатов и тенденций роботизации социальной сферы. Они подняли этические вопросы использования робототехники в социальной сфере, проанализировали угрозу жизни и здоровью людей вследствие роботизации [14]. Работы Н. Н. Зильберман посвящены классификации социальных роботов [15]. В. И. Игнатьевым и К. И. Спиридоновой выявлен и исследован эффект техноантропной дихотомии проекта «социальный робот» и описан механизм возникновения гибридной коммуникации [16, 17].

Однако в отдельную тематическую область пока не выделилось изучение коммуникации «человек – машина» как реализации сценария исполнения социальных ролей. Проблемная ситуация: исследователи сосредоточены на оценке степени эффективности согласования взаимодействий человека с машиной, достигаемого путем совершенствования алгоритмов программирования функций машины и взаимодействующего с ней человека. При этом упускается учет возникновения эффекта эмерджентности – появления не машинных, а социальных характеристик, поскольку одна из сторон – социальный агент и в коммуникациях не может вести себя иначе как исполнитель социальных ролей. Это дает основание предположить, что функционирование машины с ИИ не может не становиться подобным и социальному ролевому поведению.

Предмет предлагаемой статьи – обсуждение предпосылок для дальнейшей концептуализации накопленных материалов исследований результатов разработок и применения технологий, позволяющих развивать особый сегмент коммуникативного пространства, насыщенного цифровыми технологиями под контролем ИИ. Наша цель – сформулировать ключевые положения описания реляционного механизма возникновения социальных ролей в исполнении агентов коммуникации «человек – машина». Реляционная концепция конструируется путем введения в ее основание нескольких исходных понятий: социальная роль, симуляция роли, имитация роли, подражание, уподобление, реляция, ситуативное действие. Центральная задача – перевести в поле интенсивного теоретического дискурса осмысление накопившихся данных об экспертизах применения технологий с ИИ в их коммуникации с людьми, что необходимо для экспликации сведений о появлении признаков социальности в ролевых интеракциях. Это потребовало уделить основное внимание уточнению интерпретации понятийного аппарата и продемонстрировать его присутствие/отсутствие в текстах экспертов. Ограниченный формат статьи позволил обратиться лишь к самым типичным случаям и оценкам. Гипотеза: поскольку при взаимодействии люди используют в своем поведении модели, которые социально определены и зафиксированы как социальные роли, можно предположить, что человек подобным образом будет пытаться коммуницировать с машиной, работающей на основе ИИ. Вероятно, и разработки алгоритмов для коммуникации с человеком также ориентированы на реализацию модели социального ролевого поведения.

Методология и источники. Подход, реализуемый в предлагаемой статье, находится в русле исследований, получивших обозначение «Human-Machine Communication» (HMC) – коммуникация «человек – машина» (КЧМ). Это направление обрело контуры кооперации представителей различных наук к середине второго десятилетия XXI в. Как подчеркивает один из лидеров направления А. Гузман, «коммуникация “человек – машина” – это одновременно и концепт, и область исследований в коммуникации. Это создание значений среди людей и машин и изучение этого процесса и связанных с ним аспектов» [11, с. 17]. Особенность современной ситуации с коммуникациями состоит в том, что в коммуникации «человек – машина» технология концептуализируется как нечто большее, чем канал или медиа: она играет роль коммуникатора. В отличие от моделей человеческой коммуникации, модели КЧМ содержат сообщения, передаваемые между людьми и машинами. «“Образ” коммуникации меняется – от людей, стоящих лицом друг к другу, к человеку, стоящему лицом к машине» [11, с. 19]. Область изучения КЧМ включает такие области, как HCI (взаимодействие человека и компьютера), HRI (взаимодействие человека и робота) и HAI (взаимодействие человека и агента) [11, с. 34].

Мы предлагаем дополнить эти области еще одной, собственно социологической – «социальные ролевые взаимодействия человека и машины» (human-machine social roles interaction – HMSRI). Наше исследование сфокусировано на выявлении концептуальных оснований этой предметной области и прежде всего уточнении понятийного аппарата и возможности его применения в выявлении социального характера ролевых коммуникаций.

Теоретико-методологическим основанием исследования выступают социологические теории социальных ролей. Особенность предлагаемого нами подхода: мы исходим из парадигмы реляционной природы феномена социальных ролей как возникающих (конструируемых) исключительно в пространстве коммуникативных взаимодействий (такой подход близок используемому концепту реляционности в критической теории общества П. Донати [18] или конструктивизму морфогенеза у М. Арчер [19]). В этом смысле наш подход при объяснении происхождения моделей ролевого поведения/действия как у человека, так и у машины предполагает выход за пределы объяснения их функционального происхождения, т. е. исключительно задаваемого человеку при его социализации, а машине в результате подключения ее к программному обеспечению. Такой подход вытекает из выявленных в теориях социальных ролей нюансов их отличия от ролей как таковых и от социального действия.

Теория социальных ролей основательно разработана в социологии и социальной антропологии (Р. Линтон, Б. К. Малиновский, А. Радклифф-Браун, С. Ф. Нейдл), в теории малых групп (У. А. Томас, Э. О. Росс, Ф. В. Знанецкий, Ч. Кули, Э. Джекобсон), в социальной психологии (Т. Шибутани, Э. Зандер и др.), в теориях среднего уровня (Р. К. Мертон), в теории межличностных отношений (К. Ридлер, М. Шелер), в социометрии (Я. Л. Морено), в теории социализации (З. Фрейд, Т. Парсонс). Ограничимся приведением признанной в социологии характеристики, представленной Р. Линтоном в работе 1936 г., где он отмечал, что регулярное и длительное воспроизводство определенных стереотипов поведения приводит к определенной роли, т. е. роль – отдельно взятый аспект целостного поведения [20]. Согласно Линтону, социальная роль характеризуется ожидаемым поведением, предписания которого основаны на культуре общества. По Парсонсу, роль основана не только на взаимных ожи-

даниях акторов, но и конституируется ими [21]. Роли исполняются в соответствии с учетом контекста и ситуации. С точки зрения В. Тернера, понятием «создание роли» (role-making) обозначается формирование и модификация ожидаемого поведения в ходе взаимодействия, создание роли – это опытный процесс, в ходе которого роли идентифицируются и наполняются содержанием по мере взаимодействия в изменяющейся системе координат [22].

В качестве базы использованы исследования коммуникации человека с машинами. Их содержание дает материал для вторичной теоретической интерпретации содержащихся в них сведений. При изучении коммуникаций человека с ИИ мы опирались на результаты исследований, представленных в русскоязычных публикациях в работах А. Л. Гузман [11], В. В. Васильковой, Н. И. Легостаевой [12], Р. Н. Абрамова, В. М. Катечкиной [13], С. Е. Гасумовой, Л. Портер [14], Н. Н. Зильберман [15]. Р. Айлетт, П. Варгас, Н. Шарки [23], Р. Йонка [24]. Были использованы англоязычные опубликованные результаты изучения коммуникации «человек – машина», а также первоисточники в виде отчетов о проведенных экспериментах и исследованиях В. J. Fogg и С. Nass [3], С. Breazeal [4], Е. Sandry [5], S. A. Lee, Y. Liang и S. Cho [6], А. Edwards, С. Edwards, Р. R. Spence и D. Westerman [7] и др. Особое внимание обращено на исследования, проводимые научным сообществом, инициатором и неформальным лидером которого является А. Гузман, доцент кафедры коммуникации в Университете Северного Иллинойса. Результаты представлены в сборнике отчетов о проведенных экспериментах по проверке технических возможностей совершенствования коммуникации человека с различными устройствами [11]. Эти материалы являются одной из значимых обобщающих научных публикаций последнего времени по теме коммуникации человека и машины.

Результаты и обсуждение. Анализ источников позволил авторам предлагаемой статьи сделать ряд выводов концептуального характера. Но прежде всего пришлось специально обратиться к уточнению метода поиска социальных характеристик в поведении человека и активности устройств.

К уточнению методологии обнаружения феноменов «социальности». Наблюдаемые формы активности машины и относимые зачастую к социальному ролевому поведению не могут быть однозначно отождествлены с социальным действием, но они ему подобны. Что означает создание подобия социальной роли? Необходимо уточнить, с каким подобием и уподоблением мы имеем дело в случае демонстрации машиной ролевого поведения/активности и в ситуации, когда сам человек, вступая в коммуникацию с машиной, также вынужден занять позицию исполнителя социальной роли. И в какой степени в такой коммуникации поведение человека подобно/тождественно социальной роли? Как правило, в этом случае говорят о симуляции ролевого поведения или же о его имитации, используя эти понятия как синонимы. С развитием цифровых технологий и совершенствованием алгоритмов и программного обеспечения используется понятие симуляции при построении цифровых моделей и компьютерных симуляций реальных объектов и процессов. При этом подчеркивается, что эти модели строятся по принципу подражания реальным свойствам моделируемых объектов. Новые возможности для симуляции и подражания человеческим коммуникациям открывает технология чат-ботов с генеративным искусственным интеллектом. Полагаем, что стоит обратить особое внимание еще на один нюанс коннотации этих понятий, который возникает при интерпретации и человеческого поведения, и функционирования машины.

Симулировать человеческое поведение – значит притворяться человеком, выдавать себя за человека или за некоторые его качества или способности. Это притворство обеспечивается путем подражания его качествам и возможностям, т. е. путем имитации. Пользователи и разработчики стремятся притворяться (симулировать) взаимодействующими с машинами (играть роль) и разрабатывать машины так, чтобы машины демонстрировали притворство быть человеком, выдавая себя за человека (имитация). Но и люди вынуждены принимать правило – симулировать исполнение социальной роли при коммуникации с машинами, как если бы те были людьми, что определяется императивом коммуникативного действия: это человеческий вид взаимодействия, поскольку наполняется значениями и смыслами. Поэтому и люди ожидают появления от действий машин значений и даже смыслов, хотя бы в имитационной форме. Это и есть императив коммуникации «человек – машина» – условие, при котором коммуникация будет успешной.

Но роль становится социальной, когда между агентами возникает и воспроизводится взаимодействие – реляционное отношение, когда шаблон модифицируется в актуализированную схему коммуникации. А отношение (*attitude*) возникает как результат реляций (*relations*). Индикатором обнаружения социального ролевого поведения/активности человека/машины являются проявления обеими сторонами ожиданий определенных действий, предварительно социально установленных и предписанных исполнителям. При поиске признаков ролевой активности следует учитывать, что роль – не все в проявлении активности, а одна из ее сторон. Кроме этого, требуется выявление свидетельств интерпретации роли каждой из сторон и свидетельств модификации ролей. В этом случае поиск совпадает с главным направлением исследования КЧМ – поиском возникающих значений коммуникации со стороны человека и машины и отслеживанием того, как происходит означивание (придание смысла) действий со стороны человека и со стороны машины. Сложнее с процедурой связывания содержания роли с социальным статусом. Его адекватное определение связано с той конфигурацией связей, в которые оба участника коммуникации включены. Это система коммуникативного взаимодействия, предписывающая каждому участнику обязанности/функции и права/модификации и интерпретации. В любой ситуации их взаимодействие будет носить характер коммуникации, а их статус будет статусом коммуникатора.

Выявление эмпирических признаков социальной роли усложнено тем, что эти феномены существуют как продукт процесса реляций – постоянного соотношения участниками значений и смыслов своих действий. Социальные характеристики машин определяются статусным «контейнером», содержание которого – концепция особой машины, сформированная в обыденном и специализированном сознании агентов социума. Это концепция работа как машины, выполняющей социальные функции, т. е. значимые для жизни общества. Например, обнаружение социальных ролей роботов – это процесс обнаружения фактов присутствия в их конструкциях опций, соответствующих концепции робота. Аналогично и с выполнением социальных ролей человеком при его взаимодействии с роботом. Это также некая концепция, одобряющая определенную модель присутствия этой особой машины в социальной жизни и одобряющая особый набор поведения людей в отношении этой машины. Таким образом, взаимная ориентация и ожидания происходят на основе этих концепций.

Мы не можем знать, что «ожидает» машина в буквальном смысле. Ее «ожидания» – это либо заложенная в ней, либо генерируемая нейросетью программа в процессе глубокого обучения. Но мы можем узнать из этой программы, имеются ли в ней социальные ожидания и от самой машины, и от человека, с которым ей предустановлено программой взаимодействовать. Мы можем узнать и о социальной ориентации машины от ее разработчиков, из идеологии конструирования этих машин, из обоснования подходов к воплощению в машине социальной направленности ее действий. Таким образом, анализ их точек зрения и аргументов и есть эмпирический материал для исследования. Это означает, что в поле наблюдения исследователя должны находиться не только проявления активности (роли) участников, напоминающие ролевое поведение, но и значения и смыслы, которые придают участники своей активности (социальным ролям), позволяющей не прерывать коммуникацию. Сторона человека представлена его ожиданиями от машины и содержанием картин размещения этих машин в пространстве социальной жизни людей. Ожидания оформляются как значения действий и наполняются смыслами. Сторона машины представлена разработчиками программного обеспечения (ПО), в основу которого положена концепция машины коммуницирующей с человеком по правилам, предписанным социумом и интерпретируемым человеком, а также генерируемым машиной из сети Интернет с помощью *deep learning*. И значения, и смыслы социального ролевого поведения, при их сопряжении как ментальных структур (реляции – *relation*) в процессе коммуникации, рожают социальную составляющую исполнения каждой стороной своей «партии» социальной роли. Ее значение и смысл могут проявиться только в протекающем взаимодействии – ситуативном и контингентом.

Интерпретация источников. Обратимся к описаниям кейсов, в которых исследователи коммуникации человека с машиной представили этот процесс как подобный социальному. Это прежде всего заключения разработчиков и тестировщиков ПО машин. Каков технический потенциал готовности машин понимать высказывания человека? Что является необходимым условием распознавания в коммуникации его намерений для исполнения социальной роли?

В 2018 г. европейское космическое агентство отправило на МКС робота Simone. Он создан для ведения голосового общения с космонавтами. У него есть программное обеспечение распознавания эмоций и даже способность выражать эмоции. А поскольку Simone играет роль приятеля и компаньона, обладающего собственной личностью, его разработчики решили, что некоторый набор эмоций, а также способ их распознавания ему необходимы [25]. Робот Simone при взаимодействии с человеком умеет обвинять, обижаться, задавать волнующие его вопросы, используя вербальные знаки, такие как жесты и мимика. Simone может как распознавать эмоции, так и проявлять их самостоятельно. По мнению Р. Айлетт, П. Варгас и Н. Шарки, «такая модель может играть у роботов двоякую роль. Она может участвовать в так называемом процессе селекции, определяя, что робот будет делать дальше, и быть частью его экспрессивного поведения как способа общаться с людьми вокруг. В принципе, такая модель может быть независимой: робот может использовать ее для выбора действий, но не для экспрессивного поведения» [23, с. 170]. Большинство чат-ботов просто манипулируют языком, не понимая, о чем идет речь. Они используют привязанный шаблон с заполненными пробелами. Разработчики решили, что подключение чат-ботов к

Интернету позволит им участвовать в огромном количестве интеракций, где боты смогут учиться новому словарю и новым ассоциациям [12]. Но обычно разработчики не позволяют чат-ботам учиться в реальном времени, они отфильтровывают взаимодействие, прежде чем допустить к ним систему [26]. Например, в созданную систему «Элиза» были вложены некоторые социокультурные предположения о том, как люди пользуются языком. «Элиза» могла поддерживать разговор, но не понимала его сути. Разработчик пришел к выводу, что программа неэтична [27]. Самая совершенная на сегодня автоматическая система распознавания речи – система ASR [28]. Но стандартные тексты ASR направлены преимущественно на распознавание команд и диктовку, а не на беседу.

Достигнутый технологический уровень машин с ИИ позволяет им ориентироваться в меняющейся ситуации и прогнозировать возможное изменение поведение человека. Эмпирически такое поведение фиксируется как следующие функции машины.

1. Эмоциональная выразительность: имитация гуманоидными роботами эмоций помогает им создавать впечатление обладания человеческими качествами [13, 24]. Эта способность позволяет машине достаточно тонко распознавать намерения человека, интерпретируя его эмоциональное состояние.

2. Социальная адаптивность: гуманоидные роботы и боты в социальных сетях могут адаптироваться к социальным ситуациям, таким как взаимодействие с людьми, изменения окружающей среды и т. д. [12]. Они также могут имитировать социальное поведение, такое как приветствие, прощание, благодарность и т. д. [29]. Роботы могут добиваться согласия от партнеров-людей в качестве отправителя убедительных сообщений [6].

3. Сенсорная восприимчивость: гуманоидные роботы могут использовать различные сенсорные системы, такие как камеры, микрофоны и прочее, чтобы воспринимать окружающую среду и взаимодействовать с ней. Эта функция (опция) подобна активированным органам чувств человека.

4. Когнитивная способность: гуманоидные роботы могут использовать ИИ и машинное обучение для анализа информации, принятия решений, выполнения задач и прогнозирования вероятного поведения человека в коммуникации. Социальные роботы могут «действовать, как люди», открывая пространство для идентификации на основе функциональной эквивалентности [30]. Было выявлено что, чем более негативно люди воспринимали роботов, тем больше они волновались и совершали ошибки [31].

5. Самообучение с использованием нейросетей. Особенно показательно в совершенствовании социальных функций роботов [15].

Феномены ролевого подобию. Обратимся к наиболее типичным случаям проявления подобию социального ролевого поведения машины, возникающего в ее коммуникации с человеком. Кейсы представлены в отчетах и приняты в экспертном сообществе как достаточно достоверные и воспроизводимые при повторях.

Машины не просто копируют роли человека, а изначально спроектированы для исполнения ролей в коммуникации с человеком. Примером являются социальные роботы и их роли. Как они проектировались, каков был замысел? Первый разработчик социальных роботов С. Бризил изначально предусматривала введение в них социальных характеристик. Она высказала точку зрения о том, что социальный робот нужен человеку как социальный

партнер (robot as sociable partner) [32]. И уже существующие модели социальных роботов действительно функционируют как социально отзывчивые существа. Как следствие – социальные коммуникации между человеком и таким роботом схожи с социальными коммуникациями между людьми. Роботы, оснащенные ИИ, могут выполнять роли компаньонов, ассистентов или даже терапевтов, обеспечивая социальную поддержку [14]. Роботы-компаньоны созданы для социального взаимодействия с людьми. Например, робот Paro представляет собой робота-тюленя, созданного для работы с людьми, особенно с теми, кто испытывает одиночество или стресс. Он реагирует на прикосновения и звуки [33]. Pepper – социальный робот, созданный для взаимодействия с людьми в различных ситуациях, включая магазины, офисы и дома. Он способен распознавать эмоции и общаться на естественном языке. Pepper распознает лица, понимает речь и прикосновения, говорит на семнадцати языках, у нее есть чувство юмора [24]. Kiri представляет собой робота, который разработан для общения с членами семьи, а также выполнения функций домашнего помощника, таких как наблюдение за домом и проигрывание музыки. Jibo – домашний робот с ИИ для взаимодействия с семьей. Он обладает способностью распознавать лица и поддерживать разговор [34]. Buddy – робот-компаньон, который предназначен для семейного использования. Он способен помогать с организацией задач, общаться и развлекать детей [11, с. 92]. Эти роботы созданы для того, чтобы приносить радость, облегчать повседневные задачи и обеспечивать социальную поддержку [15].

В чем специфика ролевого поведения человека в коммуникации с роботом? Исследователи предположили, что если человек пытается взаимодействовать с роботом, несмотря на ошибки или страх получить плохую оценку своего действия, значит, у человека есть определенные ожидания от исполнения ролей устройством. «Человеческие ожидания при взаимодействии с роботами столь завышены, что некоторые дизайнеры специально разрабатывают модели, снижающие их» [35, с. 3]. Первоначальные исследования предполагали «сценарий взаимодействия между людьми», в котором люди обычно ожидают коммуникации с машинами с большей неопределенностью и меньшими ожиданиями симпатии и социального присутствия [7]. Однако исследования показали, что в коммуникации с роботами люди ведут себя поразительно схоже с тем, как бы они вели себя, если бы партнером был другой человек [30].

По мнению Е. Сандри, с кибернетико-семиотической точки зрения для общения людей и роботов им необходимо уметь использовать единый язык для получения роботами инструкций от людей и реагировать понятным для людей образом [5]. Например, социальный робот Kismet был спроектирован для исследования того, как социальные черты, такие как внимание, эмоции и общение, могут быть интегрированы в робота, и как это влияет на восприятие и взаимодействие со стороны людей. С. Бризил полагает, что «общительный робот должен быть социально разумным в манере, присущей человеку» [32]. Ее цель при создании Kismet состояла в том, чтобы «сделать взаимодействие людей с роботом похожим на взаимодействие с другим человеком» [32]. Робот обучался отвечать на стимулы и воспринимать эмоциональные нюансы в поведении людей, что делало его более отзывчивым в социальных сценариях.

В процессе коммуникаций человека с роботом возникает реляционный эффект – коррекция взаимных ожиданий и придание значений действиям. Так, К. Бартнек, проанализировал экспе-

римент, в котором люди играли с роботом iCat. У робота были разные задачи. С одной стороны, iCat ставили в режим высокой доброжелательности, с другой – робота помещали в режим низкой доброжелательности. iCat умолял не выключать его, не стирать память об игре, из-за этого люди жалели его и просили создателей не выключать робота. Хотя роботом управляли создатели, у людей все равно появилось чувство жалости к машине [36].

В другом эксперименте был исследован социальный робот Jibo, разработанный для взаимодействия с людьми в бытовой среде. Он обладал способностью распознавать лица, голоса и создавать персональные взаимоотношения с пользователями. Робот предоставлял различные функции, такие как чтение историй, съемка фотографий, напоминания и даже управление умными устройствами в доме. По мнению эксперта, робот «позиционируется как практически полезный, способный сфотографировать или отправить сообщение от вашего имени, но также как желающий развивать более значимые отношения, узнав вас и людей, о которых вы заботитесь» [11, с. 74–75]. Е. Сандри делает вывод, что «коммуникативные способности социальных роботов в реальной жизни формируют основу для восприятия людьми того, что они в какой-то мере (или в каком-то смысле) живые, обладают индивидуальностью, которая развивается с течением времени. Когда люди взаимодействуют с роботами, их часто поощряют к антропоморфизации, придавая машинам человеческие или животные черты таким образом, чтобы они приносили ощущение живости в понимание людьми их существования» [цит. по: 11, с. 83]. По мнению А. Гузман, «визуальная, текстовая и материальная риторика, окружающая Jibo и Buddy, указывают на возникающие нормы взаимодействия человека и робота, сформулированные потребителями и принятые в полисемичных прочтениях роботизированной онтологии» [11, с. 100].

Реализуемая разработчиками парадигма «Компьютеры как социальные акторы» (CAS) предполагает, что люди будут применять социальные нормы во время взаимодействия с компьютерами, несмотря на открытое признание того, что они не являются людьми и не должны восприниматься как таковые [2]. Хотя, например, человек, взаимодействующий с компьютером, может проявить вежливость [37] или выразить благодарность [3].

Как подчеркивают Бакстер и другие исследователи, социальный робот – «это робот для действий и взаимодействия с людьми в реальной жизни. При таком расширенном понимании данного феномена наибольшее количество устройств попадает в группу социальных объектов» [38, р. 402]. Взаимодействие с другими роботами – еще одна его ключевая особенность. Т. Фонг и другие авторы определяют, что «социальные роботы способны узнавать друг друга и участвовать в социальном взаимодействии» [15, с. 31]. Действия роботов должны совершаться с соблюдением социальных норм. А. Ю. Долгов и М. Алач отмечают, что конструкция робота и его когнитивные процессы должны быть спроектированы таким образом, чтобы люди при взаимодействии с ним видели обыденную, привычную для них социальную коммуникацию [39, с. 111–112]. Бартнек также считает, что социальным является автономный или полуавтономный робот, который взаимодействует и общается с людьми, следуя поведенческим нормам, ожидаемым людьми, с которыми робот должен взаимодействовать [9]. По мнению некоторых исследователей, разница между социальными роботами и другими роботами заключается в наличии у первых эмоционального интеллекта. Имитация внешнего проявления эмоций делают роботов более «приветливыми» и

облегчают восприятие информации. Поэтому эксперты среди прочих атрибутов социальных роботов называют восприятие и/или выражение эмоций и использование естественных невербальных сигналов (что служит проводником эмоций в межлическом общении) [8]. А. Хонг и другие также считают, что для эффективного взаимодействия человека и социального робота последний должен уметь воспринимать аффективные сигналы человека и реагировать на них, демонстрируя собственное эмоциональное поведение [40, 41].

Выводы из анализа источников. Человек как коммуникатор проявляет себя в качестве исполнителя социальных ролей следующим образом: он включен в исполнение двух ролей, но исполняет одну из них, возникающую в коммуникации. Две роли неразрывно связаны. Они объединены в одну – в социальную роль, которую могут исполнять только оба участника совместно и в особом гибридном формате коммуникации. Происхождение ее «гибридной» социальности в данной конфигурации заключается в локализации интеракции между человеком и машиной, а не в пространстве макросоциума, и протекает ситуативно и контингентно, постольку это ситуативная социальность.

Доказательством наличия в коммуникации «человек – машина» признаков исполнения социальных ролей является обнаружение признаков социального действия как актов, исходящих от каждой стороны. Только в этом случае можно установить отличие действия человека и функционирования машины – как действия и активности – от социальных действий. Обе стороны участников коммуникации должны интерпретировать действия друг друга – наполнять их версиями значений и смыслов, которые, вероятно, другая сторона вкладывает в свои действия или будет вкладывать при взаимодействии. При этом операция соотнесения действия с предполагаемым действием другого должна опираться на знание вариантов возможного действия/поведения машины/человека. Столь сложные интеллектуальные действия должны производиться и человеком, и машиной. Человек при этом опирается на свой жизненный опыт, машина – на информацию о возможных вариантах человеческого поведения. В технических разработках удалось добиться того, что роботы ориентированы на реакции человека, они их интерпретируют, перебирают варианты ответных действий человека. Человек, со своей стороны, реагирует на устройство не только как на машину, но и как на социального агента. Ориентация машины на человека социально обусловлена, но специфическим образом: присутствует вмешательство разработчика, приходится учитывать масштабы происходящего. Нейросеть при взаимодействии с людьми, особенно в случае, когда есть персонифицированный пользователь, накапливает информацию о своем собственном машинном опыте коммуникации с индивидом.

Заключение. К ключевым положениям описания реляционного механизма возникновения подобия социальных ролей можно отнести следующие.

1. Имеется достаточно оснований для утверждения, что в коммуникации человека с машиной с ИИ возникают формы активности социального происхождения. Особенность этих форм заключается в том, что социальная роль (роли) человека и функции машины формируются в процессе симуляции, имитации, подражания и уподобления с учетом ситуации. Но при подражании и взаимном уподоблении формы приобретают гибридный характер. Это проявляется как техноморфизация поведения человека и антропо(социо)морфизация функционирования машины.

2. Возникают два вида гибридных ролей: человека и машины. При взаимодействии с человеком устройство с ИИ проявляет активность, подобную социальному ролевому поведению. Это свидетельствует о доминировании в стратегии разработки роботов ориентации на развитие антропоморфных характеристик устройств. При этом в коммуникации с устройствами у человека доминирует антропоцентричность восприятия гибридной коммуникации. Это проявляется в следующем: а) от машины ожидают исполнения роли помощника, компаньона, заместителя, игрушки; б) от ролевой активности робота человек ожидает разумности в манере общения, поведения как у «живых», полезности в быту, большей неопределенности в действиях, меньшей социальной привлекательности, меньшего социального присутствия, большей симпатии по отношению к внешности робота.

3. Реляционный механизм возникновения социальных ролей в исполнении человека и машины проявляется в изменении поведения человека и модификации функций машины с ИИ. Роль коммуникатора человек переосмысливает, меняя ее значение при контакте с технической формой активности машины-коммуникатора. Роль превращается в синтез антропо- и техноморфных проявлений. Машина начинает присутствовать как агент и заявляет о себе требованиями учитывать свою специфику. Человек же стремится не потерять социальное основание своего поведения и в то же время вынужден адаптироваться к опциям машины (техноморфизм). Что касается модификации ПО машины-коммуникатора, то разработчики постоянно стоят перед дилеммой – либо далее навязывать человеку технические нововведения, либо же соглашаться на гибридный характер содержания возникающих коммуникаций. В итоге «социальное» входит в опции машины в гибридном виде. В этом проявляется реляционная природа социальных ролей, исполняемых в коммуникации человека с машиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек–машина: планы и ситуативные действия / пер. с англ. А. С. Максимовой М.: Элементарные формы, 2019.
2. Nass C., Steer J., Tauber E. R. Computers are social actors // Proc. of the SIGCHI Conf. on Human Factors in Computing Systems, Boston, 24–28 Apr. 1994 / Boston. ACM, 1994. P. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.1145/191666.191703>.
3. Fogg B. J., Nass C. How users reciprocate to computers: An experiment that demonstrates behavior change // CHI'97 extended abstracts on Human Factors in Computing Systems, Atlanta, 22–27 March 1997 / Atlanta. ACM, 1997. P. 331–332. DOI: <https://doi.org/10.1145/1120212.1120419>.
4. Breazeal C. Regulation and Entrainment in Human-Robot Interaction // International Journal of Experimental Robotics Research. 2002. Vol. 21, iss. 10–11. P. 883–902. DOI: <https://doi.org/10.1177/027836490202101009>.
5. Sandry E. Robots and communication. NY: Palgrave Macmillan, 2015.
6. Lee S. A., Liang Y., Cho S. Effects of anthropomorphism and reciprocity in persuasive computer agents // NCA 102nd Annual Convention of the National Communication Association, Philadelphia, 10–13 Nov. 2016 / NCA. Philadelphia, 2016.
7. Initial interaction expectations with robots: Testing the human-to-human interaction script / C. Edwards, A. Edwards, P. R. Spence, D. Westerman // Communication Studies. 2016. Vol. 67, iss. 2. P. 227–238. DOI: 10.1080/10510974.2015.1121899.
8. Давыдов А. А. Social Robotics и системная социология // ИС ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/Davydov_Robotics.html?printmode (дата обращения: 25.02.2023).
9. Bartneck C., Forlizzi J. A design-centred framework for social human-robot interaction // ROMAN 2004. 13th IEEE Int. Workshop on Robot and Human Interactive Communication, Kurashiki, 20–22 Sep. 2004 / Kurashiki. IEEE, 2004. P. 591–594. DOI: 10.1109/ROMAN.2004.1374827.

10. Understanding social robots / F. Hegel, C. Muh, B. Wrede et al. // ACHI '09: Proc. of the 2009 Second Int. Conf. on Advances in Computer-Human Interactions, Cancun, 1–7 Feb. 2009, / Cancun. IEEE, 2009. P. 169–174. DOI: 10.1109/ACHI.2009.51.

11. Гузман А. Л. Коммуникация «человек – машина». Переосмысление коммуникации, технологии и самих себя / пер. с англ. А. М. Морозовой. Харьков: Гуманитарный Центр, 2022.

12. Василькова В. В., Легостаева Н. И. Боты на публичных аренах социальных сетей // Социол. журнал. 2021. Т. 27, № 4. С. 99–117. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8647.

13. Абрамов Р. Н., Катечкина В. М. Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 2. С. 214–243. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.9>.

14. Гасумова С. Е., Портер Л. Роботизация социальной сферы // Социология науки и технологии. 2019. № 1. С. 79–94. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10006.

15. Зильберман Н. Н. Функциональная классификация социальных роботов // Гуманитарная информатика: сб. ст. / под ред. Г. В. Можяевой, Н. Н. Зильберман. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. № 8. С. 30–39.

16. Игнатъев В. И., Спиридонова К. И. Взаимодействие «человек – социальный робот»: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации // Дискурс. 2022. Т. 8, № 6. С. 101–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-101-115.

17. Игнатъев В. И., Спиридонова К. И. Проблема техноантропной дихотомии проекта «социальный робот»: онтосинтез в коммуникации // социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 2. С. 92–107. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-92-107.

18. Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизни с точки зрения критического реализма / сост. Е. А. Кострова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019.

19. Арчер М. Реализм и морфогенез / пер. с англ. О. А. Оберемко, А. Ф. Филиппова // Социол. журнал. 1994. № 4. С. 50–68.

20. Linton R. The Study of Man. An Introduction. NY: Appleton Century Crofts, Inc., 1936.

21. Parsons T. The Structure of Social Action. NY: McGraw-Hill, 1937.

22. Turner R. H. Role-Taking: Process versus Conformity // Human Behaviour and Social Processes / in A. M. Rose (ed.). Boston: Houghton Mifflin, 1962. P. 20–40. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315008196>.

23. Айлетт Р., Варгас П., Шарки Н. Жизнь с роботами. Что нужно знать каждому беспокоящемуся человеку / пер. с англ. И. Д. Голыбиной. М.: АСТ, 2022.

24. Йонк Р. Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта / пер. с англ. Э. Воронович. М.: Эксмо, 2019.

25. Wehner M. The International Space Station Is Getting a Floating AI Assistant, and It Sure Looks Familiar // BGR. 02.03.2018. URL: <https://bgr.com/03/02/cimon-iss-ai-space-station-nasa> (дата обращения: 05.04.2023).

26. Weizenbaum J. Professor Joseph Weizenbaum: Creator of the 'Eliza' program // Independent. 18.03.2008. URL: <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/professor-joseph-weizenbaum-creator-of-the-eliza-program-797162.html> (дата обращения: 26.03.2023).

27. Hambling D. The US Army Is Creating Robots That Can Follow Orders // MIT Technology Review. 06.11.2019. URL: <https://www.technologyreview.com/2019/11/06/132036/the-us-army-is-creating-robots-that-can-follow-ordersand-ask-if-they-dont-understand/> (дата обращения: 10.10.2024).

28. State-of-the-Art Speech Recognition with Sequence-to-Sequence Models / C.-C. Chiu, T. N. Sainath, Y. Wu et al. // 2014 IEEE Int. Conf. on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP), Calgary, 15–20 Apr. 2018 / IEEE, Calgary, 2018. P. 4774–4778. DOI: 10.1109/ICASSP.2018.8462105.

29. Reeves T. C. The Impact of Media and Technology in Schools // The J. of Art and Design Education. 1998. № 2. P. 58–63.

30. Robots in the classroom: Differences in students' perceptions of credibility and learning between “teacher as robot?” and “robot as teacher” / A. Edwards, C. Edwards, P. R. Spence et al. // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 65. P. 627–634. DOI: 10.1016/j.chb.2016.06.005.

31. Welcoming our robot overlords: Initial expectations about interaction with a robot / P. R. Spence, D. Westerman, C. Edwards, A. Edwards // Communication Research Reports. 2014. Vol. 31, iss. 3. P. 272–280. DOI:10.1080/08824096.2014.924337.

32. Breazeal C. L. Designing Sociable Robots. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. DOI:10.7551/mitpress/2376.001.0001.

33. Moyle W. The effect of PARO on social engagement, communication, and quality of life in people with dementia in residential aged care // National Dementia Research Forum, Sydney, 22–23 Sep. 2011. URL: <https://dementiaresearch.org.au/wp-content/uploads/2011/06/DCRC-Forum-2011-Handbook.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

34. Jibo // Robotsguide.com. URL: <https://robotsguide.com/robots/jibo> (дата обращения: 10.10.2024).

35. Khandelwal Radhika. Kismet the AI Robot // Youtube. 08.10.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NpbCPNoLqd0> (дата обращения: 10.10.2024).

36. The influence of people's culture and prior experiences with Aibo on their attitude towards robots / C. Bartneck, T. Suzuki, T. Kanda, T. Nomura // AI & Society. 2007. Vol. 21, no. 1. P. 217–230. DOI: 10.1007/s00146-006-0052-7.

37. Nass C., Moon Y., Carney P. Are People Polite to Computers? Responses to Computer-Based Interviewing Systems // J. of Applied Social Psychology. 1999. Vol. 29, iss. 5. P. 1093–1110. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1999.tb00142.x>.

38. Frennert S., Efring H., Östlund B. Case Report: Implications of Doing Research on Socially Assistive Robots in Real Homes // Int. J. of Social Robotics. 2017. Vol. 9, no. 3. P. 401–415. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12369-017-0396-9>.

39. Долгов А. Ю., Алач М. Социальные роботы: вещи или действующие субъекты? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 2017. № 2. С. 111–115.

40. A Multimodal Emotional Human-Robot Interaction Architecture for Social Robots Engaged in Bidirectional Communication / A. Hong, N. Lunscher, T. Hu et al. // IEEE Transactions on Cybernetics. 2021. Vol. 51, no. 12. P. 5954–5968. DOI: 10.1109/TCYB.2020.2974688.

41. Kor O., Bieber G., Fron C. Perspectives on Social Robots: From the Historic Background to an Experts' View on Future Developments // PETRA '18: Proc. of the 11th Pervasive Technologies Related to Assistive Environments Conference, Corfu, 26–29 June 2018 // Corfu. ACM, 2018. P. 186–193. DOI: 10.1145/3197768.3197774.

Информация об авторах.

Игнатъев Владимир Игоревич – доктор философских наук (1998), профессор (2000), профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, пр. К. Маркса, д. 20, Новосибирск, 630073, Россия. Академик Российской Академии социальных наук. Автор более 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология и философия техники и информатизации, социально-антропологические последствия внедрения технологий искусственного интеллекта, проблема техносубъекта и гибридного социума.

Душина Ульяна Сергеевна – магистрант (2-й курс) кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, пр. К. Маркса, д. 20, Новосибирск, 630073, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций «человек – машина».

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.11.2024; принята после рецензирования 25.12.2024; опубликована онлайн 21.04.2025.*

REFERENCES

1. Suchman, L. (2019), *Plans and Situated Actions: The Problem of Human-Machine Communication*, Transl. by Maksimova, A.S., Elementarnye formy, Moscow, RUS.
2. Nass, C., Steer, J. and Tauber, E.R. (1994), "Computers are social actors", *Proc. of the SIGCHI Conf. on Human Factors in Computing Systems*, Boston, MA, USA, 24–28 Apr. 1994, pp. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.1145/191666.191703>.
3. Fogg, B.J. and Nass, C. (1997), "How users reciprocate to computers: An experiment that demonstrates behavior change", *CHI'97 extended abstracts on Human Factors in Computing Systems*, Atlanta, GA, USA, 22–27 March 1997, pp. 331–332. DOI: <https://doi.org/10.1145/1120212.1120419>.
4. Breazeal, C. (2002), "Regulation and Entrainment in Human-Robot Interaction", *Int. J. of Experimental Robotics Research*, vol. 21, iss. 10–11, pp. 883–902. DOI: <https://doi.org/10.1177/027836490202101009>.
5. Sandry, E. (2015), *Robots and communication*, Palgrave Macmillan, NY, USA.
6. Lee, S.A., Liang, Y., Cho, S. (2016), "Effects of anthropomorphism and reciprocity in persuasive computer agents", *NCA 102nd Annual Convention of the National Communication Association*, Philadelphia, PA, USA, 10–13 Nov. 2016.
7. Edwards, C., Edwards, A., Spence, P.R. and Westerman, D. (2016), "Initial interaction expectations with robots: Testing the human-to-human interaction script", *Communication Studies*, vol. 67, iss. 2, pp. 227–238. DOI: 10.1080/10510974.2015.1121899.
8. Davydov, A.A. "Social Robotics and Systems Sociology", *FCTAS RAS*, available at: https://www.isras.ru/Davydov_Robotics.html?printmode (accessed 25.02.2023).
9. Bartneck, C. and Forlizzi, J. (2004), "A design-centred framework for social human-robot interaction", *ROMAN 2004. 13th IEEE Int. Workshop on Robot and Human Interactive Communication*, Kurashiki, JPN, 20–22 Sep. 2004, pp. 591–594. DOI: 10.1109/ROMAN.2004.1374827.
10. Hegel, F., Muh, C., Wrede, B. et al. (2009), "Understanding social robots", *ACHI '09: Proc. of the 2009 Second Int. Conf. on Advances in Computer-Human Interactions*, Cancun, MEX, 1–7 Feb. 2009, pp. 169–174. DOI: 10.1109/ACHI.2009.51.
11. Guzman, A.L. (2022), *Human-Machine Communication. Rethinking Communication, Technology, and Ourselves*, Transl. by Morozova, A.M., Gumanitarnyi Tsentri, Khar'kov, UKR.
12. Vasilkova, V.V. and Legostaeva, N.I. (2021), "Bots in Public Arenas of Social Networks", *Sociological J.*, vol. 27, no. 4, pp. 99–117. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8647.
13. Abramov, R.N. and Katechkina, V.M. (2022), "Social aspects of human-robot interaction: experimental research experience", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 25, no. 2, pp. 214–243. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.9>.
14. Gasumova, S.E. and Porter, L. (2019), "Robotization of the social sphere", *Sociology of Science and Technology*, no. 1, pp. 79–94. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10006.
15. Zilberman, N.N. (2014), "Functional classification of social robots", *Gumanitarnaya informatika [Humanitarian informatics]*, in Mozhaeva, G.V. and Zilberman, N.N. (eds.), no. 8, pp. 30–39.
16. Ignatyev, V.I. and Spiridonova, K.I. (2022), "'Human - Social Robot' Interaction: Through Overcoming Barriers to Hybrid Communication", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 101–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-101-115.
17. Ignatyev, V.I. and Spiridonova, K.I. (2023), "The Problem of Technoanthropic Dichotomy of the Project "Social Robot": Ontosynthesis in Communication", *Sociology of Science and Technology*, vol. 14, no. 2, pp. 92–107. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-92-107.
18. Donati, P. (2019), *Relational Theory of Society: Social Life from a Perspective of Critical Realism*, Kostrova, E.A. (comp.), PSTGU Publishing House, Moscow, RUS.
19. Archer, M. (1994), "Realism and morphogenesis", Transl. by Oberemko, O.A. and Filippov, A.F., *Sociological J.*, no. 4, pp. 50–68.
20. Linton, R. (1936), *The Study of Man. An Introduction*, Appleton Century Crofts, Inc., NY, USA.

21. Parsons, T. (1937), *The Structure of Social Action*, McGraw-Hill, NY, USA.
22. Turner, R.H. (1962), "Role-Taking: Process versus Conformity", *Human Behaviour and Social Processes*, in Rose, A.M. (ed.), Houghton Mifflin, Boston, MA, USA, pp. 20–40. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315008196>.
23. Aylett, R., Vargas, P. and Sharkey, N. (2022), *Life with robots. Living with Robots: What Every Anxious Human Needs to Know*, Transl. by Golybina, I.D., AST, Moscow, RUS.
24. Yonck, R. (2019), *Heart of the Machine. Our Future in a World of Artificial Emotional Intelligence*, Transl. by Voronovich, E., Eksmo, Moscow, RUS.
25. Wehner, M. (2018), "The International Space Station Is Getting a Floating AI Assistant, and It Sure Looks Familiar", *BGR*, 2 March 2018, available at: <https://bgr.com/03/02/cimon-iss-ai-space-station-nasa> (accessed 05.04.2023).
26. Weizenbaum, J. (2008), "Professor Joseph Weizenbaum: Creator of the 'Eliza' program", *Independent*, 18.03.2008, available at: <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/professor-joseph-weizenbaum-creator-of-the-eliza-program-797162.html> (accessed 26.03.2023).
27. Hambling, D. (2019), "The US Army Is Creating Robots That Can Follow Orders", *MIT Technology Review*, 06.11.2019, available at: <https://www.technologyreview.com/2019/11/06/132036/the-us-army-is-creating-robots-that-can-follow-ordersand-ask-if-they-dont-understand/> (accessed 10.10.2024).
28. Chiu, C.-C. et al. (2018), "State-of-the-Art Speech Recognition with Sequence-to-Sequence Models", *2018 IEEE Int. Conf. on Acoustics, Speech and Signal Processing (ICASSP)*, Calgary, AB, Canada, 15–20 Apr. 2018, pp. 4774–4778. DOI: 10.1109/ICASSP.2018.8462105.
29. Reeves, T.C. (1998), "The Impact of Media and Technology in Schools", *The J. of Art and Design Education*, no. 2, pp. 58–63.
30. Edwards, A., Edwards, C., Spence, P.R., Harris, C. and Gambino, A. (2016), "Robots in the classroom: Differences in students' perceptions of credibility and learning between "teacher as robot?" and "robot as teacher"", *Computers in Human Behavior*, vol. 65, pp. 627–634. DOI: 10.1016/j.chb.2016.06.005.
31. Spence, P.R., Westerman, D., Edwards, C. and Edwards, A. (2014), "Welcoming our robot overlords: Initial expectations about interaction with a robot", *Communication Research Reports*, vol. 31, iss. 3, pp. 272–280. DOI: 10.1080/08824096.2014.924337.
32. Breazeal, C.L. (2002), *Designing Sociable Robots*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.
33. Moyle, W. (2011), "The effect of PARO on social engagement, communication, and quality of life in people with dementia in residential aged care", *Plenary address, 11th National Dementia Research Forum*, Sydney, AUS, 22–23 Sep. 2011, available at: <https://dementiaresearch.org.au/wp-content/uploads/2011/06/DCRC-Forum-2011-Handbook.pdf> (accessed 10.10.2024).
34. "Jibo", *Robotsguide.com*, available at: <https://robotsguide.com/robots/jibo> (accessed 10.10.2024).
35. Khandelwal, Radhika (2014), "Kismet the AI Robot", *YouTube*, 08.10.2014, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=NpbCPNoLqd0> (accessed 10.10.2024).
36. Bartneck, C., Suzuki, T., Kanda, T. and Nomura, T. (2007), "The influence of people's culture and prior experiences with Aibo on their attitude towards robots", *AI & Society*, vol. 21, no. 1, pp. 217–230. DOI: 10.1007/s00146-006-0052-7.
37. Nass, C., Moon, Y. and Carney, P. (1999), "Are People Polite to Computers? Responses to Computer-Based Interviewing Systems", *J. of Applied Social Psychology*, vol. 29, iss. 5, pp. 1093–1110. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1999.tb00142.x>.
38. Frennert, S., Efring, H. and Östlund, B. (2017), "Case Report: Implications of Doing Research on Socially Assistive Robots in Real Homes", *Int. J. of Social Robotics*, vol. 9, no. 3, pp. 401–415. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12369-017-0396-9>.
39. Dolgov, A.Yu., Alač, M. (2017), Social robots: Things or agents?", *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 11. Sociology*, no. 2, pp. 111–115.

40. Hong, A., Lunscher, N., Hu, T. et al. (2021), "A Multimodal Emotional Human-Robot Interaction Architecture for Social Robots Engaged in Bidirectional Communication", *IEEE Transactions on Cybernetics*, vol. 51, no. 12, pp. 5954–5968. DOI: 10.1109/TCYB.2020.2974688.

41. Kor, O., Bieber, G. and Fron, C. (2018), "Perspectives on Social Robots: From the Historic Background to an Experts' View on Future Developments", *PETRA '18: Proc. of the 11th Pervasive Technologies Related to Assistive Environments Conference*, Corfu, GRC, 26–29 June 2018, pp. 186–193. DOI: 10.1145/3197768.3197774.

Information about the authors.

Vladimir I. Ignatyev – Dr. Sci. (Philosophy, 1998), Professor (2000), Professor at the Department of Sociology and Mass Communications Novosibirsk State Technical University, K. Marksa Ave., 20, Novosibirsk, 630073, Russia. Academician of the Russian Academy of Social Sciences. The author of more than 140 scientific publications. Area of expertise: sociology and philosophy of technology and informatization, social and anthropological consequences of the introduction of artificial intelligence technologies, the problem of the technosubject and hybrid society.

Ulyana S. Dushina – Master's Student (2nd year) at the Department of Sociology and Mass Communications Novosibirsk State Technical University, K. Marksa Ave., 20, Novosibirsk, 630073, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: sociology of human-machine communications.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 30.11.2024; adopted after review 25.12.2024; published online 21.04.2025.*

Оригинальная статья
УДК 316.346.32-053.9
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-73-85>

Fashion-досуг в старшем возрасте: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Марина Валерьевна Корнилова

*Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,
mmrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9989-6884>*

Введение. В статье анализируется относительно новая форма досуга для людей старшего возраста: участие в качестве моделей на показах мод. Под старшими, согласно действовавшему на момент проведения интервью пенсионному законодательству РФ, подразумеваются женщины и мужчины после 55 и 60 лет соответственно. Цель: показать возможности, способствующие активному долголетию, которые проявляются благодаря участию в показах мод.

Методология и источники. Всего было проведено 32 интервью с москвичами старшего возраста, принимающими/принимавшими когда-либо участие в программе «Московское долголетие». У автора не было задачи получить информацию об их увлечении модой и участии в модных показах, не было и ни одного вопроса, затрагивающего данную тематику. Но ответы периодически возникали сами. Также проводился вторичный анализ имеющихся публикаций по теме исследования, сравнительный анализ и обобщение данных, анализ статистики.

Результаты и обсуждение. В ходе интервью с людьми старшего возраста автор зафиксировал возможности, способствующие активному долголетию, которые проявляются благодаря увлечению модой. Многочасовые репетиции, постоянные занятия и тренировки модельного шага положительно сказываются на осанке и фигуре, помогают похудеть и даже улучшить здоровье. Снятие зажимов в теле и приобретение навыков фотопозирования способствуют новому восприятию себя и большей уверенности, мотивируют развиваться. Появляется новый стиль и красивые фотографии как память о проведенном времени; проявляются творческие качества и формируется сообщество по интересам. Люди старшего возраста ощущают свою важность, нужность, видимость для общества, признаются, что исполнили мечту детства, юности.

Заключение. Информанты отмечали, что стали выглядеть и чувствовать себя моложе. Полученные навыки и первые результаты по ощущению себя другими, не такими, как в обычной жизни, задают вектор дальнейшего развития, появляются новые планы и жизненные горизонты, способствующие активному долголетию.

Ключевые слова: старший возраст, активное долголетие, мода, возрастная модель, fashion-досуг, макияж, стиль

Для цитирования: Корнилова М. В. Fashion-досуг в старшем возрасте: новые возможности для активного долголетия // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 73–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-73-85.

© Корнилова М. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Fashion-Leisure Time for Elderly: New Opportunities for Active Longevity

Marina V. Kornilova

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia,
mmrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9989-6884>*

Introduction. The article analyzes a relatively new hobby for elderly: participation as models in fashion shows. According to the pension legislation of Russia at the time of the interview, older people are women over 55 and men 60 years old. Objective of the research: to show the opportunities that appear by participation in fashion shows that contribute to active longevity.

Methodology and sources. A total of 32 interviews were conducted with older Muscovites who have ever participated (or are currently participating) in the Moscow Longevity program. The author did not intend to obtain information about their passion for fashion and participation in fashion shows, and there was no question touching this topic. However, the answers periodically arose on their own. A secondary analysis of available publications on the topic of the study, a comparative analysis and generalization of data, and an analysis of statistics were also conducted.

Results and discussion. During interviews with seniors, the author recorded opportunities that contribute active longevity, which are manifested through passion for fashion. Many hours of rehearsals, constant classes in modeling have a positive effect on shape and even help to lose weight, improve health. Removing clamps in the body and acquiring photo posing skills contribute to a new perception of oneself and greater confidence, and motivate the development. A new style and beautiful photographs appear, as a memory of the time spent; creative qualities are revealed and a community of interests is formed. Elderly feel their importance, visibility for society, admit that they have fulfilled the dream of childhood and/or youth.

Conclusion. Informants noted that they began to look and feel younger. The acquired skills and the first results, in feeling different, not like in common life, set the vector of further development, new plans and life horizons appear, contributing to active longevity.

Keywords: older age, active longevity, fashion, age model, fashion leisure, makeup, style

For citation: Kornilova, M.V. (2025), "Fashion-Leisure Time for Elderly: New Opportunities for Active Longevity", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 73–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-73-85 (Russia).

Введение. Во всем мире людей старше 60 лет принято относить к «третьему возрасту» [1]. В России данная возрастная категория называется «пожилые люди», и этот период до сих пор стереотипно ассоциируется со снижением активности и интенсивности жизни, окончанием жизненного пути [2–4]. Связано это и с возрастом выхода на пенсию: по новому законодательству в 60 лет – для женщин и в 65 лет – для мужчин. Для России это скорее правило. Исключение как раз составляют мегаполисы: Москва, Санкт-Петербург и другие российские города-миллионники, социальная политика которых предполагает продвинутые по организации программы активного долголетия.

Активизировать и разнообразить досуг москвичей старшего возраста помогают программа мэра «Московское долголетие» (старт: 2018 г.) и центры «Московское долголетие» (старт: 2019 г.). В январе 2024 г. завершился важный этап их консолидации.

Методология и источники. Материалом для статьи выступает опыт Москвы, так как автор живет и работает в столице России. Представленные данные не претендуют на абсол-

ютную исследовательскую полноту и репрезентативность. Это, скорее, попытка социологического осмысления увлечения модой как новой формы досуга для старших.

Далее будут представлены небольшие отрывки из интервью 2020 г., проведенных автором по теме активного долголетия и об участии в программе «Московское долголетие» в частности. Всего было проведено 32 глубинных интервью. Возраст информантов: от 55 до 80 лет¹. Особенности проведения: апрель – май 2020 г. в онлайн-режиме (из-за острой фазы пандемии коронавируса). Формат получения данных: аудио- и видеобеседы в мессенджере What'sApp.

У автора не было задачи получить информацию об увлечении модой и участии в модных показах людей старшего возраста, не было и ни одного вопроса в бланке интервью, затрагивающего данную тематику. Но ответы по данной теме периодически возникали сами.

Интервьюер: Как Вы узнали о программе «Московское долголетие»?

Надежда, 62 года: Ну, во-первых, это везде как-то реклама идет, и так как я закончила курсы моделей, там у нас была Диана, и девочки которых я знаю, участницы. Диана вообще победительница вот этого конкурса «Московское долголетие» («Супер-бабушка», прим. автора), поэтому в общем-то я 2 года как в курсе этой программы.

Поскольку во многих интервью информанты прямо или косвенно сами инициировали обсуждение аспекта активного долголетия, связанного с модой, целесообразно представить полученные данные, хотя бы для того чтобы показать, что интерес к такому хобби среди людей старшего возраста был уже тогда (4 года назад).

Первое модельное агентство для людей этого возраста «Олдушка» было организовано в 2016 г. в Москве фотографом Игорем Гаваром. Его название представляет симбиоз русского «бабушка» и английского “old” («старый», «пожилой»). Попасты в агентство могут не все, концепция: «чем старше, тем лучше», «чем больше морщин, тем красивее»². Стереотипная пропаганда гонки за молодостью отсутствует, скорее наоборот, подчеркиваются возрастные изменения. Показывается, что естественное старение – это красиво. Модели агентства получают гонорар за участие в модных показах и съемках.

Есть и другие крупные частные инициативы, позволяющие людям старшего возраста проявлять себя на подиуме, но уже только в форме досуга, т. е. интересного проведения свободного времени.

«Подиум зрелой красоты», проводимый ежегодно Анастасией Лазибной, пользуется большой популярностью у участников. Первые несколько лет данный проект осуществлялся только в Москве и Санкт-Петербурге, затем и в региональных центрах: Самаре, Воронеже, Туле, Красноярске, Сочи, Нижнем Новгороде, Казани. В 2019 г. автору удалось принять участие в данном мероприятии наравне со старшими, поскольку организаторы расширили концепт и включили людей более молодого возраста – тогда мероприятие называлось «Подиум зрелой красоты и молодости».

¹ Несмотря на увеличение наступления пенсионного возраста женщин до 60 лет, участниками программы «Московское долголетие», согласно предшествующим нормам пенсионного законодательства и переходному периоду, по-прежнему может стать любая женщина, начиная с 55 лет.

² Из интервью проведенного автором в 2020 г. с И. Бельшевой, которая входила в состав моделей агентства «Олдушка» на начальном этапе.

14 августа 2023 г. на Московском урбанистическом форуме был проведен большой показ мод «Мастерская дизайнеров» с участием только возрастных моделей – членов проекта «Московское долголетие» из школы «Королевская осанка».

Кроме того, в рамках реализации «Стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года» ежегодно в октябре проводится форум «Старшее поколение». В 2023 г., помимо обширной деловой, научной и выставочной программы, в рамках форума был также организован показ мод с участием возрастных моделей Санкт-Петербурга.

Надо отметить и появление городского конкурса красоты для старших в 2022 г. при поддержке правительства Москвы. Автор была в составе жюри. В 2023 г. в центрах «Московское долголетие» выбирали не только «Серебряную королеву», но и «Серебряного короля». На конкурс было подано свыше 1500 заявок, в финал вышли 22 участника: по два из каждого административного округа столицы.

И еще одна значимая тенденция, о которой уже упоминалось в контексте модельного агентства «Олдушка»: «чем старше, тем лучше». Поэтому вариант, когда женщина в 55–60 лет прекрасно выглядит и живет активной жизнью уже не очень интересен. Самое большое внимание фотографов и зрителей получает категория моделей 70+.

По данным Росстата на январь 2024 г., доля численности населения России в возрасте старше трудоспособного составляла 23,7 % (или 34,6 млн чел.). Всего в Москве проживает 13,1 млн чел. Из них 3,4 млн – в возрасте старше трудоспособного, а это 26,2 %, т. е. каждый 4-й житель. Численность москвичей старше трудоспособного возраста сопоставима с аналогичными показателями по округам страны (в Северо-Западном федеральном округе – 3,4 млн чел.), а некоторые даже превосходит (например, в Уральском – 2,7 млн, Северо-Кавказском – 1,7 млн, Дальневосточном – 1,6 млн чел. соответственно) [5].

Доля людей старшего возраста в общей структуре населения столицы ежегодно растет, постепенно меняются и потребности пожилых: кто-то хочет продолжать работать, кто-то начать учиться, есть и такие, кто желает весело и интересно проводить время на пенсии. Все это в целом характеризуется как вариант «успешного» [6, 7], «благополучного» [8] старения.

Галина, 67 лет: ... скажу честно, когда я записалась (в программу «Московское долголетие», прим. автора), мне вообще хотелось везде. И в первый год я моталась везде – и утром, и вечером, и утром, и вечером, и вдруг в мае я уехала на дачу, и наступили праздники, у вдруг у меня такое ощущение, что никуда не надо бежать? А самый ужас был, когда я вышла из метро и резко смотрю вниз – есть ли на мне брюки? И я поняла, всё, я устала. Поэтому настолько много всего интересного, что просто нет на это жизненных сил, потому что я покупаю еще как минимум два абонеента в сезон – это музыка, много друзей, с которыми хочется встретиться, дом, который требует много внимания. И поэтому я в этом году очень так аккуратненько себе выбрала три направления – плавание, декупаж и зумба. И я еще в модели подалась. Короче мне хватило, все, достаточно.

Людмила, 73 года: А потом меня понесло в другие места. Я пошла учиться в Дом моды В. Зайцева. Я пошла еще учиться к другим топовым моделям, учиться на фотопозирование, <...> потом меня пригласили... в «Олдушке» еще в агентство, там я еще с ними была и на телевизионных программах была <...>, а потом мы уже участвовали (в показах мод, прим. автора), вот эти «Шапо» (крупнейшая ежегодная выставка головных уборов до 2023 г., прим. автора), с нашими дизайнерами.

В рассуждениях о взаимосвязи fashion-досуга и активного долголетия автор опирается на интерпретацию успешного старения Роберта Хевигхерста [6] (а в нашей стране в широком смысле это приравнивается к активному долголетию [9–11]). Концепция была разработана в США еще в середине прошлого века. Успешная старость представлена как активное вовлечение в общественную жизнь и постоянное развитие: интеллектуальное, физическое, эстетическое, а вхождение в новую социальную роль (роль пожилого человека) сопровождается появлением новых интересов, увлечений и хобби.

В качестве нового интереса, формы досуга автор исследует увлечение модой, точнее участие в показах мод. В русском языке слово “fashion” означает работу модельера, показ мод, создание стильных образов.

О том, что людям свойственно примерять на себя разные образы и играть свой «спектакль», обдумывая реакцию на него других людей, для взаимного производства впечатлений и самовыражения – основная идея драматургического подхода Ирвина Гофмана. В книге «Представление себя другим в повседневной жизни» Гофман любое социальное образование рассматривает с точки зрения ценностей, «свойственных модам, обычаям и проявлениям вкуса, вежливости и приличия, конечным целям и нормативным ограничениям на выбор применяемых средств» [12, с. 285].

Жан Габриэл Тард в работе «Законы подражания» показал, что человеческое поведение строится на имитации, или подражании. Мода – частный случай подражания и форма взаимодействия между людьми [13].

Рассмотрим работы российских исследователей о восприятии моды и стиля людьми старшего возраста в контексте активного долголетия.

Ксения Мануильская охарактеризовала моду как «совокупность действий, направленных, прежде всего, на внешние проявления личности». Она отмечает, что мода и стиль выступают одними из «стержней активного долголетия» [14, с. 69–70].

Альфия Низамова рассматривала эстетизацию старения через трансформацию внешнего вида. Мода одновременно выступает как «средство социального контроля и источник эмоциональной поддержки» [15, с. 573].

Интересный исследовательский кейс содержится в работе А. В. Винокуровой о повседневных практиках женщин в старшем возрасте на примере малых городов Приморского края. Она выделила три группы: «дачницы», «ЗОЖницы» и «модницы». Группа «модниц» характеризуется более высоким уровнем дохода и «репрезентирует повседневные практики, связанные с модой и красотой». Они посещают кофейни и кинотеатры, пользуются услугами индустрии красоты (маникюр, уходовые процедуры для лица и волос), любят шопинг [16, с. 200].

Выбору темы также поспособствовали результаты авторских интервью 2020 г. о программе «Московское долголетие» (об этом было упомянуто в начале статьи).

Во-первых, необходимо отметить внешний вид участниц. Поскольку интервью проводились по видеосвязи, автор отметила прежде всего элегантную одежду, а также наличие украшений, маникюра, причёски, макияжа [17].

Надежда, 70 лет: ... ты знаешь, я звоню на Пасху маме (*возраст 90 лет, прим. автора*) поздравить ее, а она мне говорит: «Ты уже все? Привела себя в порядок, можешь уже разговаривать?» Все, я должна была привести в порядок, вплоть до духов, и тогда я могу с ней разговаривать.

Несмотря на отсутствие личных контактов и возможности выходить на улицу (исследование проводилось в первую волну распространения пандемии коронавируса), участницы старались сохранить ухоженный внешний вид.

Людмила, 73 года: ... с утра хорошая легкая зарядка прямо в постели, потом я встаю, потом у меня завтрак, потом у меня уход за лицом обязательно, косметический, и легкие упражнения, массажики – это как два обязательных ритуала с утра <...> И обязательно вечерний уход: тело и лицо, и руки, все в комплексе.

Во-вторых, информантки связывали активное долголетие с продлением молодости и красоты, возможности быть «на виду» (значимыми для общества и семьи), в хорошей физической форме и с интересными занятиями по программе «Московское долголетие», среди которых была и есть возможность проявить себя в модной индустрии.

Интервьюер: Знаете ли Вы о программе «Московское долголетие»?

Ирина, 70 лет: Знаю, столкнулась с ней в прошлом году. Когда начала заниматься как хобби моделингом и закончив курсы Вячеслава Зайцева, я там как раз познакомилась с возрастными женщинами, которые как раз ходили в «Московское долголетие». И я через них узнала, что есть такие программы и что этими программами в районах занимаются центры социального обслуживания, и я пошла написала заявление, посмотрела программы, которыми можно заниматься и начала осваивать эти программы.

Ольга, 66 лет: Меня Ирина пригласила. И спасибо ей. Я ей очень благодарна. Она мне говорит: ты не хочешь там пойти на наше дефиле – тоже там бесплатно. Я говорю: ну давай попробую.

Таким образом, старший возраст – это не только увядание и потери, но и «некоторые возможности, которые можно пробовать расширять, для того чтобы все возраста и любые состояния в старшем возрасте могли давать большее качество жизни» [18].

Результаты и обсуждение.

В ходе интервью со старшими автор зафиксировал возможности, способствующие активному долголетию, которые проявляются благодаря увлечению модой.

1. Трансформация внешнего вида (снижение массы тела). Участие в модных показах – это не только красиво, но еще и физически затратно. Приравнивать данный вид активности к тренировкам в спортивном зале некорректно, но многочасовые репетиции, постоянные занятия и тренировки модельного шага положительно сказываются на осанке и фигуре в целом и даже способствуют снижению веса.

Людмила 73 года: И плюс сейчас есть программа обучение дефиле в ЦСО «Тверской», куда тоже ходим тренируемся, вот именно дефиле, и вот она нас так в форме держит во всеоружии. И мне этого достаточно вполне. Я очень довольна и по времени, и по месту занятий. Все очень доступно.

Примеры заметных внутренних и внешних изменений появляются регулярно. Преображение продиктовано еще и негласными «требованиями» сообщества, ориентацией на «коллег по цеху», желанием соответствовать, быть не хуже.

2. Решение узконаправленных проблем со здоровьем. В практике автора встречались женщины, которым нужно было по определенным медицинским показаниям много ходить. При этом просто гулять по улице не хотелось, было некогда и не с кем, и как вариант решения проблемы – ходить с пользой: сначала на двухчасовые занятия дефиле, а затем на показы мод.

3. Приобретение и развитие новых телесных навыков, чтобы выглядеть молодо и красиво. Для модели очень важно уметь правильно и уместно двигаться на показах мод, показывать искренние эмоции и уверенно позировать перед камерой.

Ольга, 59 лет: В «Королевской осанке» (один из клубов программы «Московское долголетие», прим. автора) как раз получилось так, что нам дали более сложную схему, там есть и поворот «Наоми», он не простой, и пластика тела, правильно научиться улыбаться, чтобы это было не просто «Арлекино» на подиуме, а очень этично, деликатно, хорошо смотрелось. Поскольку улыбаться – это тоже надо подойти к зеркалу и заниматься у зеркала, фотопозирование – не только техника, но и что тебе подойдет, потому что техника – это для всех, а вот то, что приемлемо конкретно для тебя и так скажем возрастной модели, здесь нужно очень грамотно подобрать то, что будет хорошо смотреться.

Снятие зажимов в теле и приобретение навыков фотопозирования способствуют новому восприятию себя и большей уверенности, мотивируют развиваться. А это один из принципов активного долголетия.

4. Новый стиль: макияж, одежда, образ в целом. Модные тренды внешнего вида регулярно обновляются. Появляются новые стили в одежде, входят в моду разнообразные ткани и их сочетания в костюме, стираются рамки возраста – кому можно и нельзя носить ту или иную одежду. На первый план выходит желание человека выглядеть так, как хочется или всегда хотелось, в соответствии с модными тенденциями и стилями.

Ольга, 59 лет: Как раз вот стали говорить о стиле, разбирать гардероб. Какие виды стиля и что можно отнести к этому стилю. Как лучше одеваться людям в элегантном возрасте. Пусть пожилые даже, меня это не смущает. Это называется пожили и готовы еще пожить – у меня другое восприятие. И пожить счастливо, позитивно, здорово и здорово. Тут разные направления предлагаются. Я стала тоже в Интернете и на различных страничках в Инстаграм¹ смотреть. Тут же Ютуб отреагировал: раз Вам интересно про стили, мы Вам будем пополнять Вашу копилочку. Это еще как можно переключить что-то в гардеробе у нас было занятие. Это и знание, и навыки.

Меняются и технологии нанесения макияжа. Появляются новые косметические продукты, которыми, разумеется, нужно учиться пользоваться. В тренде «возрастной макияж» с лифтинг-эффектом, что очень важно именно в зрелом возрасте.

Лариса, 62 года: Потом у нас вдруг появился Техноград на ВДНХ. Вы представляете откуда я еду специально в Техноград? Там у нас были курсы визажа. Так как стала ходить на Ваше дефиле, краситься, я особо никогда не красилась, но тут уже жизнь заставила. Там прекрасные были курсы месячные, «Персона» организовала, там очень хороший визажист Оксана Худюкова, которая между прочим красит всех наших артистов периодически. Она, вообще, конечно, шикарно выглядит, опять же нашего возраста. И тоже было очень интересно. По крайней мере я поняла, как это делать. И я уже совершенно спокойно себя крашу, и когда у нас там в театральной студии и девчонок подкрашиваю. Тут такая жизнь, ключом бьет!

Полученные навыки и новые ощущения себя другим, не таким как в обычной жизни, помогают двигаться дальше, строить новые карьерные планы, способствующие активному долголетию.

¹ Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации с марта 2022 г. Принадлежит экстремистской организации.

5. Проявление творческих качеств («из модели – в дизайнеры»). Такой вид восходящей социальной мобильности также характерен для женщин старшего возраста, интересующихся модой. Приобщение к миру моды и красоты, как правило, происходит через демонстрацию дизайнерских коллекций одежды в роли манекенщицы.

Марина, 57 лет: Сейчас я вот занимаюсь и валянием, и модельным бизнесом, очень мне понравилось. Это то что надо, то, чего не хватало. Меня всегда бросало и шатало из стороны в сторону и излишняя экзальтированность она на подиуме ушла, я надеюсь.

Далее приходит понимание, что собственное умение шить, вязать, которое имеется почти у всех женщин исследуемой возрастной группы, можно реализовать таким же образом.

Надежда, 70 лет: Во-первых, я вяжу, вдобавок ко всему. И очень неплохо. Я когда вяжу дочке кофточки, ее спрашивают: «Это у тебя Дольче–Габбана?»

Автору известны примеры очень удачных и стилистически сложных коллекций одежды, которые были созданы женщинами, изначально пришедшими в модную индустрию для того, чтобы попробовать себя в качестве моделей.

6. Красивые фотографии как память о проведенном времени. Уже после мероприятия многие участницы признаются, что с удовольствием смотрят на собственные фотографии. Даже если за плечами уже десятки показов мод, полюбоваться на себя в самых разных образах – вот основная функция полученного фотоматериала.

Лариса, 62 года: Я звезда экрана, еще тут по телевизору будет «Угадай кино». Я выиграла там случайно. <...> А вот помнишь ты нам ссылку присылала из той АМЕДИА (*Российская кинокомпания, прим. автора*), это же прям рядом со мной. Там из тебя красавицу делают три часа, приходишь домой, всем фото отсылаешь.

Многие бережно хранят воспоминания о самом первом участии, освежить которые помогают фотографии. Фотография как социальный конструкт формирует социальную реальность, выступает не только «как способ сохранения и передачи памяти и реальных событий», но и как «способ конструирования и преобразования реальности» [19, с. 14–15].

Руфия, 56 лет: А знаете, как у меня с восторгом мои же внуки... Они же привыкли, что я вот так в халатике. А когда были наши фотографии от «нашего-вашего» проекта и когда я в Инстаграм их выкладывала, в «Одноклассники», и внуки когда смотрели – они удивлялись и говорили: «Бабуля, это что ли ты?»

Просматривая фотографии, участницы часто отмечают, что выглядят на них лучше, чем в обычной жизни. И связано это не только с положительными эмоциями, испытываемыми в момент фотографирования, но и с профессиональным макияжем, подчеркивающим достоинства и маскирующим возрастные изменения. Профессиональный свет и художественная ретушь фотографий также способствует внешнему преображению.

7. Сообщество по интересам. Там понимают и разделяют увлечения, а это очень нужно в любом возрасте. Но в такой неоднозначно воспринимаемой социумом теме быть в своей среде особенно важно.

Марина, 57 лет: Я, кстати, после первого занятия по йоге пулей полетела на Ваше занятие (*автор разработала и уже шестой год ведет свой курс для женщин старшего возраста «Модели без границ», прим. автора*), Боже мой, какое счастье, что у меня есть вот эта Ваша школа моделей с совершенно другими людьми, и не выслушивать про какие-то проблемы с суставами, еще с чем-то.

Еще пять лет назад женщин, увлекающихся модой и красотой в старшем возрасте, были единицы. Сейчас это целые сообщества, насчитывающие от нескольких десятков до сотен тысяч человек.

Светлана, 55 лет: <...> Появилась куча свободного времени. И вот мы стали моделями – все три подружки.

Очень часто «освоение» новых интересов происходит в уже знакомой компании, когда женщины подают пример подругам, уже имея некоторый опыт, или же решают заняться чем-то новым вместе с подругами, т. е. одновременно.

8. Важность, нужность, видимость для общества. Помимо слома стандартных рамок, где данный вид деятельности считался возможным только для молодых, элементом признания и принятия обществом выступает сам факт наличия подобных мероприятий для людей старшего возраста. И этим людям хотелось бы, чтобы учитывались именно их потребности.

Лариса, 62 года: Пригласили молодых артистов из Большого театра. И на хорошей сцене, и с кусочками из фильма, и вели великолепно. И пели, и играли, и танцевали. Но нет обратной связи от пенсионеров. Вот я когда была на Проспекте Мира, там и керлинг, и горные лыжи, а я считаю, что для пенсионеров это все не надо. А надо спросить людей, что они сами хотят.

Стереотипность восприятия досуга в старшем возрасте, до сих пор часто ассоциируемого, например, с просмотром телевизора, также необоснованна, как и попытки включить пенсионеров в новомодные виды отдыха и спорта, доступные пенсионерам-иностранцам. А тема поддержания красоты, молодости, ухода за собой и своим телом близка и насущна. Женщина в любом возрасте хочет чувствовать себя женщиной, и достигается это в том числе за счет внимания к ней и комплиментов ее внешнему виду в процессе подготовки и участия в модных показах.

Ольга, 59 лет: Ко мне даже обратилась одна дизайнер, она сама худенькая, шила для худенькой модели очень модный стильный жакет: когда полетите в Париж, я бы Вас попросила «выгулять» его, где-то пофотографироваться.

Любой интерес, а особенно от дизайнеров одежды, вызывает восторг и удивление. Очень показателен пример, когда костюм, сшитый в единственном экземпляре, выступает как фактор значимости модели и доверия дизайнера, особенно если он шит для конкретной модели.

9. Исполнение мечты детства, юности. Практически все девочки в детстве с удовольствием примеряли мамины платья, надевали туфли и позировали перед зеркалом. А в юности у некоторых даже была мечта попасть в Дом моды и быть манекенщицей. Большинство со временем переросли свою мечту, отдав во взрослой жизни предпочтение другому роду деятельности. Но всегда были, есть и будут женщины, которые хотели бы проявить себя в данной сфере, но не смогли по ряду причин: не позволили родители, муж, наличие маленьких детей и пр. А сейчас для многих из них появилась такая возможность благодаря новому тренду на возрастных моделях.

Лариса, 56 лет: Вот, например, танцами я занялась, т. е. осуществлением своей мечты, и этого не надо бояться, это всё хорошо. Сейчас очень много бесплатных площадок, где ты можешь себя выразить. У вас вот тоже, будем говорить, мы прошли начало, что нас подтолк-

нуло к активной жизни, т. е. мы уже думали, что все – молодость прошла и на подиум ты никогда не выйдешь, а тут бац, оказывается, это только начало. То есть можно добиваться всего, чего хочешь, ну это нормально. Хочешь на палках занимайся, хочешь в кружки ходи. Ну все что хочешь ты делай, у тебя сейчас полно времени.

Полученные в ходе интервью в 2020 г. данные побудили автора на проведение отдельного исследования об участии людей старшего возраста в показах мод.

В июле – сентябре 2024 г. автор организовала фешн-интервью с женщинами и мужчинами старшего возраста – активными участниками модных показов. В 2025 г. планируется проведение фокус-групп с лидерами клубов центров «Московское долголетие» в тематике моды (дефиле, макияж, стиль, дизайн одежды и аксессуаров).

Заключение. Одним из неожиданных результатов интервью об активном долголетии с людьми старшего возраста стало обсуждение влияния моды и опыта моделинга на жизнь в целом. В гайде интервью не было ни одного вопроса про fashion-досуг, но информанты отмечали, что участие в программе «Московское долголетие» было продиктовано именно желанием заниматься моделингом, т. е. мотивацией вступления в программу стала информация о возможности заниматься подиумным шагом, осваивать тонкости выбора стиля и нанесения макияжа в клубах центров «Московское долголетие» и других учреждениях.

Жизненное пространство женщин старшего возраста, как правило, ограничено стандартными ролями, которые связаны с работой, семьей, друзьями. Это маленький мир уже взрослой женщины, который в какой-то момент хочется расширить. Каждая представительница прекрасного пола сама вправе выбирать себе хобби и увлечения, но все, что связано со сценическим искусством, традиционно привлекает повышенное внимание, особенно изначально творческих людей. Такая форма досуга помогает в прямом смысле попасть в другой мир (эпоху, время) за счет соответствующего костюма и атмосферы, а также познакомиться с участницами, разделяющими подобные интересы. Возможность пожить «иной жизнью» – яркой, насыщенной и даже сказочной, помогает отвлечься от каждодневной домашней и жизненной рутины, а новые образы поднимают самооценку и позволяют взглянуть на себя с непривычной стороны, почувствовать себя молодой и видимой – для общества, социального круга, семьи.

Согласно концепции успешного старения Роберта Хевигхерста, старший возраст – это период появления новых возможностей и предпочтений, активное вовлечение в общественную жизнь и постоянное развитие. В ходе интервью автор получил данные о том, как увлечение модой в старшем возрасте способствует активному долголетию (успешному старению). За счет занятий подиумной походкой (дефиле) укрепляется мышечный корсет, подтягивается тело и фигура в целом, улучшается осанка. Такие занятия также способствуют снижению массы тела. Снятие зажимов, получение знаний о том, как выгодно подчеркнуть природные достоинства и нивелировать недостатки фигуры и лица способствуют укреплению самооценки и дают уверенность женщинам. Многие, благодаря участию в модных показах, впервые только после 50 лет сталкиваются с профессиональным макияжем. Видя свое преобразование, женщины нередко стремятся двигаться дальше. Например, хотят работать с новыми косметическими продуктами, заниматься ежедневным уходом и т. д. Полученные навыки и первые результаты по ощущению себя другими, не такими как в обычной жизни,

задают вектор дальнейшего развития, появляются новые планы и жизненные горизонты, способствующие активному долголетию.

Уникальная одежда, созданная руками дизайнера в единственном экземпляре для показов мод, помогает почувствовать себя особенной, достойной, ценной. Подиумные коллекции позволяют примерить на себя самые разные образы и стили, которые впоследствии люди старшего возраста могут внедрить в повседневную жизнь.

Нередко приходит понимание, что собственное чувство стиля, умение шить и вязать, которые имеются почти у всех женщин исследуемой возрастной категории, можно развивать таким же образом, создавая собственные коллекции одежды для людей старшего возраста.

После любого показа мод у всех моделей остается большое количество фото- и видеоматериала. Такая память о проведенном времени греет душу самым участникам, вызывает интерес у потенциальных моделей.

Еще пять лет назад людей старшего возраста, увлекающихся участием в показах мод, были единицы, а сейчас это целые сообщества, насчитывающие от нескольких десятков до сотен тысяч человек. Поскольку популярность такого вида хобби растет, необходимо дальнейшее изучение самых разных аспектов данной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Laslett P. The third age, the fourth age and the future // *Ageing & society*. 1994. Vol. 14, iss. 3. P. 436–447. DOI: 10.1017/S0144686X00001677.
2. Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1 (86). С. 5–18. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1.
3. Рогозин Д. Что делать со стареющим телом? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. Т. XXI, № 2. С. 133–164. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.2.5.
4. Шмерлина И. А. Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // *Социологический журнал*. 2014. № 1. С. 72–86. DOI: 10.19181/socjour.2014.1.482.
5. Старшее поколение. Демографические показатели. Численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 26.06.2024).
6. Havighurst R. J. Successful aging // *The Gerontologist*. 1961. Vol. 1, no. 1. P. 8–13.
7. Franklin N. C., Tate Ch. A. Lifestyle and Successful Aging: an Overview // *American J. of lifestyle Medicine*. 2009. Vol. 3, iss. 1. P. 6–11. DOI: 10.1177/1559827608326125.
8. Альмуханов К. Г. Благополучное старение: ретроспективный анализ и современное состояние // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8-1. С. 212–216.
9. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1. С. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209.
10. Корнилова М. В. «Активное долголетие»: поиск ответов на новые вызовы (на примере программы «Московское долголетие») // *Дискурс*. 2023. Т. 9, № 6. С. 74–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89.
11. Корнилова М. В. Особенности восприятия активного долголетия старшим поколением // *Социальное время*. 2023. № 3 (35). С. 86–102. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.86.
12. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
13. Тард Ж.-Г. Законы подражания / пер. с фр. М.: Академический Проект, 2011.

14. Мануильская К. М. Мода и стиль как один из факторов активного долголетия // *Человек*. 2018. № 2 (28). С. 66–78.

15. Низамова А. Э. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14, № 4. С. 569–585.

16. Винокурова А. В. Пожилые горожане: повседневные практики лиц старшего возраста (на примере малых городов Приморского края) // *Старшее поколение современной России: материалы междунар. науч.-практ. конф., Н. Новгород, 13–14 окт. 2021 / ННГУ, Н. Новгород, 2021*. С. 197–200.

17. Корнилова М. В. Пожилые москвичи и пандемия: время новых возможностей? // *Социальная политика и социология*. 2023. Т. 22, № 1 (146). С. 84–92. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-84-92.

18. Будущее старости: изменение наших представлений о пожилых людях, их образе жизни, потребностях и потенциале // *VK Видео*. ВЦИОМ. 20.09.2022. URL: https://vk.com/video-28944118_456239282 (дата обращения: 25.05.2024).

19. Колесникова Д. А. Фотография как способ конструирования социальной реальности: автореф. дис. ... канд. философ. наук / СПбГУ. СПб., 2011.

Информация об авторе.

Корнилова Марина Валерьевна – кандидат социологических наук (2012), старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия. Автор более 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: активное долголетие, качество жизни, социальная защита и социальные риски пожилых.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.12.2024; принята после рецензирования 31.01.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.*

REFERENCES

1. Laslett, P. (1994), "The third age, the fourth age and the future", *Ageing & Society*, vol. 14, iss. 3, pp. 436–447. DOI: 10.1017/S0144686X00001677.

2. Grigorieva, I.A. (2018), "Elderly women: over the hill – age-and gender-wise", *Woman in Russian Society*, no. 1 (86), pp. 5–18. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1.

3. Rogozin D. (2018), "What to do with an aging body?", *The J. of sociology and social anthropology*, vol. XXI, no. 2, pp. 133–164. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.2.5.

4. Shmerlina, I.A. (2014), "Peculiarities of age self-identification in the late adulthood", *Sociological J.*, no 1, pp. 72–86. DOI: 10.19181/socjour.2014.1.482.

5. "Older generation. Demographic indicators. Population of the Russian Federation", *Federal State Statistics Service*, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 26.06.2024).

6. Havighurst, R.J. (1961), "Successful aging", *The Gerontologist*, vol. 1, no. 1, pp. 8–13.

7. Franklin, N.C. and Tate, Ch.A. (2009), "Lifestyle and Successful Aging: an Overview", *American J. of Lifestyle Medicine*, vol. 3, iss. 1, pp. 6–11. DOI: 10.1177/1559827608326125.

8. Almukanov, K.G. (2014), "Successful aging: a retrospective analysis and the present condition", *Fundamental research*, no. 8–1, pp. 212–216.

9. Kalachikova, O.N., Korolenko, A.V. and Naczun, L.N. (2023), "Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209.

10. Kornilova, M.V. (2023), "Active Longevity": Searching for Answers to New Challenges (on the Example of the Program "Moscow Longevity"), *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 74–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89.

11. Kornilova, M.V. (2023), "Active longevity features of perception by the older generation", *SocioTime*, no. 3 (35), pp. 86–102. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.3.86.
12. Goffman, E. (2000), *The Presentation Self in Everyday Life*, Transl. by Kovalev, A.D., KANON-press-C, Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
13. Tarde, G. (2011), *Les lois de l'imitation*, Transl., Akademicheskii Proekt, Moscow, RUS.
14. Manuil'skaya, K.M. (2018), "Fashion and style as factors of active longevity", *CheLovek*, no. 2 (28), pp. 66–78.
15. Nizamova, A.E. (2016), "Active Ageing and Outward Appearance: How do Theoretical Conceptions Affect self-Perception in Old Age?", *The J. of Social Policy Studies*, vol. 14, no. 4, pp. 569–585.
16. Vinokurova, A.V. (2021), "Elderly townies: everyday practices of aged persons (on the example of Primorye territory towns)", *The Older Generation of Modern Russia, Proc. of the Int. Scientific-Practical Conf.*, N. Novgorod, RUS, 13–14 Oct. 2021, pp. 197–200.
17. Kornilova, M.V. (2023), "Elderly Muscovites and the Pandemic: a Time of New Opportunities?" *Social policy and sociology*, vol. 22, no. 1 (146), pp. 84–92. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-84-92.
18. "The future of old age: changing our perceptions of older people, their lifestyle, needs and potential", *VK Video, VTsIOM*, 20.09.2022, available at: https://vk.com/video-28944118_456239282 (accessed 25.05.2024).
19. Kolesnikova, D.A. (2011), "Photography as a way of constructing social reality", Abstract of Can. Sci. (Philosophy) dissertation, SPbSU, SPb., RUS.

Information about the author.

Marina V. Kornilova – Can. Sci. (Sociology, 2012), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 24/35, bldg 5, Krzhizhanovsky str., Moscow 117218, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: active longevity, quality of life, social protection and social risks of the elderly.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.12.2024; adopted after review 31.01.2025; published online 21.04.2025.*

Оригинальная статья
УДК 329.1/.6
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-86-97>

Социальные медиа в политических коммуникациях правых шведских партий

Алексей Юрьевич Колянов¹, **Михаил Сергеевич Матвеев²**,
Дмитрий Геннадиевич Черкасов³

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ aikolianov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>

²mikhail.matveev97@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5378-6559>

³mitya-cher2801@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6360-5547>

Введение. Институализация социальных медиа как главного коммуникативного пространства современности очевидным образом способствовала вовлечению политических партий в новые форматы взаимодействия с аудиторией. Распространение популизма, ставшее возможным благодаря новым технологиям, сегодня можно рассматривать как разновидность агрессивного интернет-продвижения партийных лозунгов и идеологий. Развитие и совершенствование подобных методов воздействия на электорат остается актуальной проблемой, требующей научного анализа. В настоящей статье предметом исследования стали особенности использования социальных медиа в политических коммуникациях правых партий Швеции.

Методология и источники. Теоретико-методологической базой исследования послужили функциональный (К. Лоусон) и идеологический (К. фон Бейме) подходы к исследованию политических партий. Эмпирические данные, собранные в онлайн-сообществах, обрабатывались с помощью качественно-количественного контент-анализа. Для сбора информации на языке Python был написан программный продукт, взаимодействующий с интернет-ресурсами при помощи библиотек requests и pandas. Полученные данные позволили рассчитать коэффициент вовлеченности (ER) и коэффициент привлекательности онлайн-сообществ (LR) для фиксации обратной связи на публикации.

Результаты и обсуждение. В контексте политических событий 2021–2022 гг. партии «Шведские демократы» и «Христианские демократы» концентрировались на популистской повестке, затрагивая проблемы преступности, кризиса мультикультурализма, последствий эпидемии Covid-19 и недовольства общества миграционной политикой, что в итоге привело к росту популярности правоконсервативных партий, о чем свидетельствуют результаты парламентских выборов 2022 г.

Заключение. Комплексный анализ содержания онлайн-сообществ шведских правых партий позволил изучить цифровые следы публикаций в социальных медиа, а также выявить и ранжировать по частоте лексемы, используемые для воздействия на аудиторию. На основании полученных сведений были выявлены техники влияния, способствовавшие росту интереса шведского электората к правоконсервативным идеям.

Ключевые слова: политическая регионалистика, политические коммуникации, Швеция, политические партии, партийные системы, правые политические партии, социальные медиа

© Колянов А. Ю., Матвеев М. С., Черкасов Д. Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Колянов А. Ю., Матвеев М. С., Черкасов Д. Г. Социальные медиа в политических коммуникациях правых шведских партий // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-86-97.

Original paper

Social Media in Political Communication of Swedish Right-Wing Parties

Alexey Yu. Kolianov^{1✉}, **Mikhail S. Matveev**², **Dmitry G. Cherkasov**³

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*aikolianov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>*

²*mikhail.matveev97@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5378-6559>*

³*mitya-cher2801@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6360-5547>*

Introduction. The institutionalization of social media as the main communicative area of modern life forces political parties to be involved in new formats of interaction with the audience. The spread of populism, made possible thanks to new technologies, can be considered today as a kind of aggressive Internet promotion of party slogans and ideologies. The development and improvement of such methods of influencing remains an important problem that requires scientific analysis. In this article, the peculiarities of social media use in political communications of right-wing parties in Sweden became the subject of the research.

Methodology and sources. The theoretical and methodological basis of the study was the functional (K. Lawson) and ideological (K. von Beyme) approaches to the study of political parties. Empirical data collected in online communities were processed using content analysis and qualitative-quantitative analysis methods. A software product using Python was written to collect the information, interacting with online resources using requests and pandas libraries. The obtained data allowed us to calculate the engagement ratio (ER) and the attractiveness ratio of online communities (LR) to capture feedback on publications.

Results and discussion. In the context of political events between 2021 and 2022, the Sweden Democrats and Christian Democrats parties focused on a populist agenda, addressing crime, the crisis of multiculturalism, the consequences of the Covid-19 epidemic and public dissatisfaction with migration policy, which eventually led to an increase in the popularity of right-conservative parties, as evidenced by the results of the parliamentary elections

Conclusion. A comprehensive content analysis of Swedish right-wing parties' online communities allowed us to examine the digital footprints of social media publications and to identify and rank by frequency the lexemes used to influence the audience. Based on the findings, influence techniques were identified that contributed to the Swedish electorate's growing interest in right-conservative ideas.

Keywords: political regionalism, political communication, Sweden, political parties, party systems, right-wing political parties, social media

For citation: Kolianov, A.Yu., Matveev, M.S. and Cherkasov, D.G. (2025), "Social Media in Political Communication of Swedish Right-Wing Parties", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-86-97 (Russia).

Введение. Политические партии в динамике (как субъекты, активно функционирующие в политической системе) рассматриваются в работах таких ученых, как П. Берлин, К. Лоусон (функциональный подход), К. фон Бейме (идеологический подход). В частности, П. Берлин определял партии как «свободные организации массы для достижения опреде-

ленной социальной или политической цели» [1, с. 15]. К. Лоусон в работе 1976 г. «Сравнительное исследование политических партий» отмечает, что политические партии обычно выступают главными «проводниками» («suppliers») политической информации для общества. Эта информация может быть достоверной, недостоверной или достоверной лишь отчасти, однако именно таким образом политические партии, оперируя большими массивами данных, стараются выполнять функции формирования общественного мнения и сплочения разных по своим политическим убеждениям индивидов [2, с. 1].

К. фон Бейме акцентировал внимание на идеологических и мировоззренческих аспектах, определяя политическую партию «как группу единомышленников, которые действуют сообща для достижения общих политических целей» [3, S. 343]. Отечественный исследователь нормативных статусов политических партий Ю. А. Юдин в качестве одного из основных квалифицирующих признаков партий выделял объединение индивидов на основе общности политических взглядов, признания определенной системы ценностей, находящих воплощение в партийной программе [4]. Другой российский ученый Р. Ф. Матвеев рассматривал партию как «организацию, соединяющую общественное движение и течение общественно-политической мысли» [5, с. 107].

В русле данных подходов можно сказать, что информация и идеология в политических коммуникациях партий неотделимы друг от друга, поэтому социальные формы производства и потребления информации неизбежно определяют ее идеологический характер.

Совпавший с интенсивным развитием технологий социальных коммуникаций в первые десятилетия XXI в. «правый поворот» в мировой политике на фоне кризиса неолиберализма привел к бурному росту популизма в партийной риторике и, как следствие, прорыву «правых» в национальные парламенты стран Европы, Америки и Азии. В этом контексте опыт Швеции, названной в 1936 г. американским журналистом М. Чайлдсом страной «срединного пути» («middleway») за успешно найденный компромисс между радикальным американским либерализмом и не менее радикальным советским социализмом, представляется не только интересным, но и репрезентативным. К тому же, поскольку исследования активности правых чаще всего проводятся на примерах США и Великобритании, гораздо любопытнее становится изучение шведской политической системы, превратившейся сегодня из умеренно-плюралистической корпоративной демократии в точку кипения идеологического экстремизма.

Исследование роли социальных медиа в политических коммуникациях шведских партий интересно по нескольким причинам. Политическая система Швеции ориентирована на партии, а не на кандидатов, поэтому исторически в стране существовало много партий, идеологически не сильно отличающихся друг от друга. В Швеции достаточно высокий уровень доверия к СМИ (в отличие от англо-саксонских стран) и высокий уровень развития технологий. Население очень быстро начинает использовать технологические новшества, и политики далеко не отстают от своих сограждан. Популярные социальные сети Facebook и Instagram¹, Twitter (сейчас – X), приложение TikTok, сайт Reddit, мессенджеры WhatsApp и Viber являются новыми пространствами политической коммуникации. Наконец, Швеция стала одним из очагов мультикультурализма, приняв сравнительно большую долю беженцев

¹ Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации с 21 марта 2022 г. Принадлежит экстремистской организации.

во время кризиса 2015 г., однако теракт 2017 г., предположительно связанный с радикальными экстремистскими организациями исламистского толка, ухудшил отношение шведов к мигрантам. На этом фоне и в немалой степени благодаря активному использованию социальных медиа последовательно происходит сдвиг к усилению в правых и ультраправых силах, квинтэссенцией чего становится попадание по итогам нескольких парламентских выборов правых консерваторов в Риксдаг.

В статье анализируется активность шведских правоконсервативных партий в социальных медиа и ее влияние на внутривнутриполитические процессы. Предметом исследования являются особенности использования социальных медиа в политических коммуникациях двух шведских партий – «Христианские демократы» (Kristdemokraterna) и «Шведские демократы» (Sverigedemokraterna).

Методология и источники. Основой исследования является комплексный анализ активности онлайн-сообществ шведских правоконсервативных политических партий, представленных в Риксдаге с целью выявления степени вовлеченности шведского социума в политические процессы. Также немаловажно изучить активность применения политических технологий в онлайн-медиа-сфере современной Швеции и оценить результаты их имплементации.

Эмпирической частью исследования служит качественно-количественный контент-анализ 908 публикаций в сообществах «Kristdemokraterna» и «Sverigedemokraterna», а также цифровые следы членов сообществ за два периода: политический кризис 2021 г., выборы 2022. Для получения данных на языке Python был написан программный продукт, который взаимодействует с интернет-ресурсами с помощью библиотеки requests. Для последующего анализа онлайн-поведения использовались библиотека pandas, а также коэффициент вовлеченности (ER) и коэффициент привлекательности (LR) для фиксации обратной связи на публикации.

Результаты и обсуждение. На сегодняшний день в Риксдаге сложилось представительство большинства слоев населения и различных течений всего политического спектра – от социалистических до правоконсервативных партий. В шведском парламенте представлены восемь партий: «Социал-демократическая партия Швеции» (СДПШ), «Шведские демократы» (ШД), «Умеренная коалиционная партия» (УКП), «Левая партия» (ЛП), «Партия Центра» (ПЦ), «Христианские демократы» (ХД), «Партия зеленых» (ПЗ), «Либералы» (Л) [6].

Помимо традиционных главных политических сил выделяется также отдельная группа радикально националистических или правоконсервативных движений и партий, поддерживаемых электоратом с конца прошлого века. Фактором возвышения подобных партий стал провал национальной политики мультикультурализма на фоне негативных последствий глобализации.

Более умеренной правой политической партией, появившейся в Риксдаге в конце XX в., была партия «Христианские демократы», исторически ставшая первой шведской партией, позиционирующей себя в качестве правых консерваторов.

Однако из правых до парламентского уровня смогла подняться лишь партия «Шведские демократы» с ее критикой мультикультурализма и идеями защиты национальной культуры. В отличие от ХД результаты голосования ШД с каждым разом были все лучше. Привлекая избирателей обещаниями радикальных решений проблем слабо контролируемой иммиграция и растущей преступности, ШД постепенно стали регулярно входить в тройку победителей [7, с. 226].

Динамику общественных настроений в Швеции можно проследить по результатам парламентских выборов. В 2010 г. ШД, представлявшие наиболее радикальную и консервативную часть политического спектра, впервые прошли в Риксдаг, преодолев минимальный порог голосов в 4 %. В 2014 г. ШД набрали уже около 13 % голосов, став третьей по объему полученных голосов партией в Риксдаге. В 2018 г. партия набрала 17,5 % голосов, а в 2022 г. ШД стали второй по значению политической силой страны, набрав уже 20,5 % от всех голосов [8].

В политической борьбе в современной Швеции задействовано множество способов привлечения избирателей и борьбы за их голоса на будущих выборах. Одним из самых распространенных способов привлечения новых избирателей является активная партийная работа с молодым поколением. Для этого у каждой парламентской политической партии Швеции существуют молодежные отделения, называемые «*ungdomsförbund*». В частности, лидер ШД Йимми Акессон является выходцем из молодежного крыла партии. Все партии Швеции, представленные в Риксдаге, ведут активную работу над формированием общественного мнения и аккумуляцией избирателей в рамках электоральных циклов. К широкому списку методов взаимодействия политических партий с населением относятся публикации в социальных сетях, размещение информации на официальных сайтах, взаимодействие со шведскими новостными телеканалами и газетами, а также проведение предвыборной агитации [9].

Самым распространенным методом продвижения политической агитации в современной медиасфере является поддержание динамичной работы онлайн-сообществ в социальных сетях и специализированных ресурсах. Онлайн-сообщества представляют собой особое публичное пространство, обращаясь к которому избиратели могут получить ответы на вопросы об успешности политических лидеров, движений и организаций, обсудить насущные общественные проблемы, а также сформировать собственное представление относительно сложившейся в стране политической ситуации.

Для анализа были выбраны официальные онлайн-сообщества ШД и ХД, а также аккаунты лидеров партий в Facebook, Instagram, X (ранее Twitter) и политические «сабредиты» на форуме Reddit. Изучались два важнейших периода в политической жизни современной Швеции: период правительственного кризиса 2021 г., а также парламентские выборы 2022 г. и начало нового электорального цикла в политической системе.

Перечисленные ранее ресурсы объединяет наличие API (application programming interface) – интерфейса прикладного программирования. Наша программа, взаимодействуя с API с помощью библиотек, отсылала запрос на сервер и получала в качестве ответа JSON-объект, т. е. данные в текстовом формате JavaScript. Массив данных обрабатывался с помощью метода качественно-количественного контент-анализа. Сегодня в цифровой политической коммуникации резко упростилась фиксация обратной связи на коммуникативное воздействие с помощью «цифровых следов» (digital footprint) – данных, характеризующих активность пользователя в социальной сети [10]. Таким образом, можно измерить глубину коммуникативного эффекта. Благодаря цифровым следам взаимодействие становится видимым, а основными индикаторами становятся формальные показатели внутри ресурсов: лайки, репосты и т. д. Мы попытались выявить самые распространенные тематические паттерны виртуальных сообществ и характер обратной связи.

Хронологически стоит начать с правительственного кризиса в Швеции в июне 2021 г., связанного с неудачей правительства в получении поддержки для бюджета, что привело к отставке премьер-министра Стефана Лёвена и утверждению на пост лидера СДПШ и премьер-министра Магдалены Андерссон [11, 12]. Таким образом, был охвачен период с конца июня до начала октября 2021 г., когда завершился процесс формирования нового правительства. За это время в сообществе «Sverigedemokraterna» (Facebook) было опубликовано 344 поста.

Контент-анализ выделил следующие лексемы: самым популярным стало название партии «Sverigedemokraterna» (SD) – 71 пост, на втором месте – лидер ШД Йимми Акессон – 39 постов. Далее – лексемы, которые призывают голосовать Val/Valet (голосование) – 32 поста, и акцент на упоминании партии как социально-политической общности – 53 лексемы. Кроме того, в 18 постах содержалось упоминание конкурирующей левоцентристской политической партии социал-демократов – 18 лексем. Другой основной лексемой анализируемого сообщества стала Brott (преступность) – она встречалась в 22 публикациях. Публикации, посвященные исламу, встречались в пяти постах; темы, связанные с миграцией, – в 21. Полные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1. Основные лексемы в двух сообществах в первый анализируемый период
Table 1. The basiclexemes in two online-communities in the first analyzed period

Лексема	Sverigedemokraterna	Kristdemokraterna
Socialdemokraterna (S)	18	8
Sverigedemokraterna (SD)	71	2
Islamism (ислам)	3	0
Invandrare (migration) (иммигранты)	17	2
Brott (преступность)	22	11
Röst (голосуйте)	28	5
Jimmie Åkesson (Йимми Акессон лидер «Шведских демократов»)	39	0
Val/Valet (голосование)	32	13
Europa	10	0
Svenskar (шведы)	10	2
Muslim (мусульмане)	2	0
Länder/landet (страны)	13	1
Parti/Partier (партия/партии)	53	25
Skola (школа)	10	5
Sjukvård (здравоохранение)	0	3
Magdalena Andersson (лидер социал-демократов)	4	2
Epidemi (эпидемия)	0	0
Covid-19	1	0

Виртуальное сообщество ХД (Kristdemokraterna) за выбранный период опубликовало 57 постов, но, несмотря на меньшую активность, можно выявить определенные сходства с ШД. Опуская популярные лексемы (Val/Valet, названия партий и т. д.), наиболее распространенными стали лексемы «преступность» (Brott) – 11 постов, «школа» (Skola) – 5 лексем, связанных с иммигрантами – 2 поста. Также встречаются упоминания ШД и конкурирующих социал-демократов. При этом левоцентристская политическая партия занимает в информационном повестке ХД гораздо большую роль (8 из 57 постов), чем у «Sverigedemokraterna». Уникальной лексемой для ХД стало «здравоохранение» – 3 поста.

Таким образом, политический кризис 2021 г. так или иначе актуализировал вопросы голосования внутри Риксдага в рамках избрания нового премьер-министра и принятия новой программы государственного бюджета на фоне ослабления политических позиций Социал-демократической партии Швеции. Эмпирический анализ показал, что сообщества двух партий следуют заданной смысловой стратегии: фокус на проблемах преступности и миграции. Зачастую подобные вопросы поднимаются в критическом ключе, направленном на спекуляцию над действиями более крупной и популярной партии социал-демократов. Самыми популярными постами ШД в исследуемый период стали публикация с радикальным призывом реформы шведской социальной сферы (2349 лайков) и публикация с объявлением формального вотума недоверия премьер-министру Стефану Лёвену и обращением к общественности поддержать решение ШД (2317 лайков).

Далее анализировались количественные данные обратной связи. Поскольку сообщества тяжело сравнивать из-за различий в публикационной активности, использовались социологические метрики, учитывающие разницу как в аудитории, так и в количестве постов: коэффициент вовлеченности (ER) и коэффициент привлекательности (LR) [13, 14].

Формулы для получения коэффициентов представлены ниже:

ER = цифровые следы (лайки + репосты + комментарии) / количество участников сообщества * 100 %;

LR = цифровые следы (лайки) / число постов / количество участников сообщества * 100 %.

Результаты применения коэффициентов для набора лексем для каждого сообщества приведены в табл. 2.

Таблица 2. Применение коэффициентов для лексем в первый анализируемый период
Table 2. Application of the coefficients for lexemes in the first analyzed period

Лексема	Sverigedemokraterna		Kristdemokraterna	
	ER	LR	ER	LR
Socialdemokraterna (S)	1.023	0.9122	2.9447	2.546
Sverigedemokraterna (SD)	1.2182	1.1044	4.2602	3.6186
Islamism (ислам)	1.2634	1.1714	0	0
Invandrare (migration) (иммигранты)	1.2247	1.1277	3.7732	3.2299
Brott (преступность)	1.2386	1.1011	2.2183	1.8784
Röst (голосуйте)	1.5533	1.4123	3.1092	2.6098
Jimmie Åkesson (Йимми Акессон, лидер «Шведских демократов»)	1.469	1.355	0	0
Val/Valet (голосование)	1.4245	1.2929	2.7524	2.4239
Europa	1.3575	1.2115	0	0
Svenskar (шведы)	1.5472	1.3646	2.2249	1.7886
Muslim (мусульмане)	0.7243	0.607	0	0
Länder/landet (страны)	1.2725	1.1315	1.1543	1.0018
Parti/Partier (партия/партии)	1.1233	1.0244	2.3776	2.0433
Skola (школа)	1.0897	1.0113	2.8915	2.392
Sjukvård (здравоохранение)	0	0	3.0167	2.6602
Covid-19	1.9848	1.7522	0	0
Magdalena Andersson (лидер социал-демократов)	1.2804	1.0411	2.1826	1.8024

Наибольшую ответную реакцию у аудитории на информационное воздействие в двух сообществах вызывали посты, содержащие лексему Röst («голосуйте»), а также публикации с лексемой Svenskar («шведы»). Отдельно стоит отметить, что аудитория разных сообществ

по-разному реагирует на некоторые тематики, например, сильную реакцию вызвала лексема Sjukvård («здравоохранение») у ХД, тогда как «Шведские демократы» данной тематики в отчетные период не касались. Аналогично можно сказать и о другой актуальной тематике в 2021 г. – Covid-19. У первого сообщества она заняла 2-е место в контексте обратной связи, что можно видеть в табл. 3.

Таблица 3. Основные лексеммы в двух сообществах во второй анализируемый период
Table 3. The basic lexemes in two online-communities in the second analyzed period

Лексема	Sverigedemokraterna	Kristdemokraterna
Socialdemokraterna (S)	25	20
Sverigedemokraterna(SD)	42	2
Islamism (ислам)	2	1
Invandrare(migtation)(иммигранты)	11	0
Brott (преступность)	25	19
Röst (голосуйте)	28	5
Jimmie Åkesson (Йимми Акессон, лидер «Шведских демократов»)	44	0
Val/Valet (голосование)	53	17
Europa	14	1
Svenskar (шведы)	11	4
Muslim (мусульмане)	1	0
Länder/landet (страны)	15	3
Parti/Partier (партия/партии)	64	32
Skola (школа)	8	4
Sjukvård (здравоохранение)	9	15
MagdalenaAndersson (лидер социал-демократов)	17	10
Epidemi (эпидемия)	0	0
Covid-19	0	0

Второй период – с августа по октябрь 2022 г. – совпал с проведением парламентских выборов. В сообществе Facebook «Sverigedemokraterna» было опубликовано 349 постов, в сообществе «Kristdemokraterna» – 158 записей.

Примечательно, что большинство лексем здесь повторяются, кроме связанных с пандемией. Продолжается критика лидирующих социал-демократов и их лидера М. Андерсон. Так же, как и в прошлый раз активную обратную связь вызвала лексема Skola. Реакцию общественности можно объяснить длительными реформами школьного образования, инициированными социал-демократами. За исследуемый период только по вопросу реформы школьного образования в Риксдаге было вынесено более 320 решений [15]. Данные по второму периоду представлены в табл. 4.

Таблица 4. Применение коэффициентов для лексем во второй анализируемый период
Table 4. Application of the coefficients for lexemes in the second analyzed period

Лексема	Sverigedemokraterna		Kristdemokraterna	
	ER	LR	ER	LR
Socialdemokraterna (S)	2.4458	2.0392	1.4241	1.1622
Sverigedemokraterna (SD)	1.8827	1.5587	6.0948	5.3691
Islamism (ислам)	1.6793	1.5823	1.3666	1.1802
Invandrare(migtation) (иммигранты)	2.0504	1.7828	0	0
Brott (преступность)	2.1436	1.9158	1.6779	1.4419
Röst (голосуйте)	2.2658	1.9769	1.9733	1.6454
Jimmie Åkesson (Йимми Акессон, лидер «Шведских демократов»)	1.8698	1.609	0	0
Val/Valet (голосование)	1.8465	1.5477	2.0386	1.7956
Europa	1.2503	1.0653	0.5933	0.5043

Окончание таблицы 4
End of table 4

Лексема	Sverigedemokraterna		Kristdemokraterna	
	ER	LR	ER	LR
Svenskar (шведы)	2.2157	1.8107	2.5871	2.2338
Muslim (мусульмане)	2.201	2.0747	0	0
Länder/landet (страны)	1.8517	1.5939	1.6181	1.325
Parti/Partier (партия/партии)	1.8093	1.5668	2.2612	1.9134
Skola (школа)	2.7515	2.2493	3.7879	3.3239
Sjukvård (здравоохранение)	2.353	2.0853	1.4876	1.2425
Covid-19	0	0	0	0
Magdalena Andersson (лидер социал-демократов)	2.3113	1.9772	1.3056	1.0715

Накануне выборов почти все шведские партии акцентировали внимание на злободневных проблемах преступности, здравоохранения, социальной интеграции иммигрантов. СДППШ агитировала за снижение уровня преступности, увеличение рабочих мест и возобновление развития атомной энергетики. Умеренные построили свою кампанию на основе антимиграционной политики, ограничении цен на электроэнергию и укреплении обороноспособности Швеции за счет вступления в НАТО [16]. ШД имели схожую программу, отличающуюся только степенью радикализации миграционной политики (снижение уровня миграции до «близкого к нулю», введение более длительных сроков тюремного заключения) [17]. Йимми Акессон также заявил о своей поддержке ужесточения разрешений на работу. Опросы общественного мнения в августе показали рост поддержки ШД, благодаря их жесткой позиции в отношении преступности и иммиграции [9]. Несмотря на то, что по итогам выборов партия ШД не смогла войти в состав правительства, число голосов, полученных партией на выборах, позволило ей выторговать в рамках соглашения значительные преференции. ШД получили ключевые позиции в парламентских комитетах и пост вице-спикера в Риксдаге, а также смогли определять проводимую новым правительством политику в сфере миграционной, экономической и социальной политики [18].

Заключение. Таким образом, конечный результат выборов можно считать успехом ШД, обеспеченным комплексным применением политических технологий, к которым относится активное взаимодействие с электоратом в социальных медиа. В период парламентского кризиса лета 2021 г. ШД, помимо непосредственной инициации процедуры выражения вотума недоверия премьер-министру Стефану Лёвену, организовали масштабную медиакампанию по дискредитации СДППШ. Это вызвало широкий общественный резонанс, отразившийся на количестве лайков, комментариев и репостов публикаций. Схожие тенденции общественного интереса наблюдаются и в социальных сетях ХД, однако по результатам выборов избиратели ХД предпочли более радикальные предложения ШД.

Особый интерес у электората вызвали вопросы преступности и кризиса политики мультикультурализма, на которых построили свою предвыборную кампанию как умеренные, так и правоконсервативные силы. В 2021 г. общественность обращала большее внимание на вопросы, связанные с реформой системы здравоохранения, вызванной эпидемией Covid-19. В 2022 г. внимание электората привлекали меры социальной поддержки иммигрантов и реформа системы образования. Многие социальные вопросы, обсуждаемые в социальных медиа, нашли отражение в пунктах «Соглашения Тидё», составленного ШД. В итоге, характерная коммуникационная политика способствовала росту популярности правоконсервативных партий, что подтвердили результаты парламентских выборов 2022 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основы теории политических партий / А. Ю. Ашкерев, М. А. Бударрагин, Н. В. Гараджа и др.; под ред. С. Е. Заславского. М.: Европа, 2007.
2. Lawson K. The Comparative Study of Political Parties. NY: St. Martin's Press, 1976.
3. Von Beume K. Partien In Westlichen Demokratien. München: Piper, 1982.
4. Юдин Ю. А. Политические партии и право в современном государстве. М.: Форум-Инфра-М, 1998.
5. Матвеев Р. Ф. Теоретическая и практическая политология. М.: РОССПЭН, 1993.
6. Ledamöter och partier // Sveriges Riksdag. URL: <https://www.riksdagen.se/sv/ledamoter-partier/> (дата обращения: 20.10.2024).
7. Bolin N. Målsättning riksdagen: ett aktörsperspektiv på nya partiers inträde i det nationella parlamentet. Umeå: Umeå universitet, 2012.
8. Valresultat 2022 // Valmyndigheten. 11.09.2022. URL: <https://www.val.se/val2022> (дата обращения: 25.10.2024).
9. Vårpolitik // Kristdemokraterna. URL: <https://kristdemokraterna.se/var-politik> (дата обращения: 22.10.2024).
10. Николаенко Г. А. Перспективы использования цифровых следов исследователей для анализа их коммуникативных стратегий (на примере социальной сети ResearchGate) // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 2. С. 93–109. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12005.
11. Statsministerns frågestund // Sveriges Riksdag. 17.06.2021. URL: https://www.riksdagen.se/sv/webb-tv/video/statsministerns-fragestund/statsministerns-fragestund_H8C120210617sf (дата обращения: 02.11.2024).
12. Magdalena Andersson vald till ny S-ledare // Expressen. 04.11.2021. URL: <https://www.expressen.se/nyheter/magdalena-andersson-vald-till-ny-s-ledare/> (дата обращения: 02.11.2024).
13. Телевной А. Д., Хлопотов М. В. Исследование тематических профилей и способов расчета вовлеченности аудитории в сообщества социальной сети «ВКонтакте» // Вестн. Евразийской науки. 2018. Т. 10, № 2. URL: <https://esj.today/PDF/43ITVN218.pdf> (дата обращения: 02.11.2024).
14. Палачева Ю. А. Применение коэффициента вовлеченности (engagement rate) для оценки эффективности ведения аккаунтов в социальных сетях кандидатов в депутаты на выборах в Государственную думу // Философия и культура информационного общества: тез. докл. Девятой междунар. науч.-практ. конф., СПб., 18–20 нояб. 2021 г. / ГУАП. СПб., 2021. С. 163–166.
15. Kammarens protokoll. Skola // Sveriges Riksdag. URL: <https://www.riksdagen.se/sv/sok/?avd=dokument&sok=Skola&riksmote=2019%2F20%2C2020%2F21%2C2021%2F22&doktyp=prot> (дата обращения: 25.11.2024).
16. Swedish PM rejects referendum on possible NATO membership // Reuters. 28.04.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/swedish-pm-rejects-referendum-possible-nato-membership-2022-04-28/> (дата обращения: 07.11.2024).
17. Sverigedemokraterna Valmanifest. 2022 // Sverigedemokraterna. URL: <https://sd.se/wp-content/uploads/2022/08/valmanifest.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).
18. Tidögranskningen // Civil Rights Defenders. 24.10.2022. URL: https://crd.org/wp-content/uploads/2022/10/Civil-Rights-Defenders_Tidogranskningen.pdf (дата обращения: 11.11.2024).

Информация об авторах.

Колянов Алексей Юрьевич – кандидат политических наук (2007), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, политическая лингвистика, медиаисследования.

Матвеев Михаил Сергеевич – магистр социологии (2023), ассистент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: социальная коммуникация, социальные сети, технологии и общество.

Черкасов Дмитрий Геннадиевич – магистр регионоведения (2023), аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Область научных интересов: политология, политические технологии, внутренняя политика зарубежных стран.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.01.2025; принята после рецензирования 28.01.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.

REFERENCES

1. Ashkerov, A.Yu., Budaragin, M.A., Garadzha, N.V. et al. (2007), *Osnovy teorii politicheskikh partii* [Fundamentals of the theory of political parties], in Zaslavskii, S.E. (ed.), Europa, Moscow, RUS.
2. Lawson, K. (1976), *The Comparative Study of Political Parties*, St. Martin's Press, NY, RUS.
3. Von Beume, K. (1982), *Partien In Westlichen Demokratien*, Piper, München, GER.
4. Yudin, Yu.A. (1998), *Politicheskie partii i pravo v sovremennom gosudarstve* [Political parties and law in a modern state], Forum-Infra-M, Moscow, RUS.
5. Matveev, R.F. (1993), *Teoreticheskaya i prakticheskaya politologiya* [Theoretical and practical political science], ROSSPEN, Moscow, RUS.
6. "Ledamöter och partier", *Riksdagen*, available at: <https://www.riksdagen.se/sv/ledamoter-partier/> (accessed 20.10.2024).
7. Bolin, N. (2012), *Målsättning riksdagen: ett aktörsperspektiv på nya partiers inträde i det nationella parlamentet*, Umeå universitet, Umeå, SWD.
8. "Valresultat 2022" (2022), *Valmyndigheten*, 11.09.2022, available at: <https://www.val.se/val2022> (accessed 25.10.2024).
9. "Vårpolitik", *Kristdemokraterna*, available at: <https://kristdemokraterna.se/var-politik> (accessed 22.10.2024).
10. Nikolaenko, G.A. (2019), "The Perspectives of Using Digital Traces of Researchers for Analyzing their Communication Strategies (by the Example of the Social Network "ResearchGate")", *Sociology of science and technology*, vol. 10, no. 2, pp. 93–109. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12005.
11. "Statsministerns frågestund" (2021), *Sveriges Riksdag*, 17.06.2021, available at: https://www.riksdagen.se/sv/webb-tv/video/statsministerns-fragestund/statsministerns-fragestund_H8C120210617sf (accessed 02.11.2024).
12. "Magdalena Andersson vald till ny S-ledare" (2021), *Expressen*, 04.11.2021, available at: <https://www.expressen.se/nyheter/magdalena-andersson-vald-till-ny-s-ledare/> (accessed 02.11.2024).
13. Televnoy, A.D. and Khlopotov, M.V. (2018), "The study of thematic profiles and ways to calculate audience involvement in community social network "VKontakte"", *The Eurasian Scientific J.*, vol. 10, no. 2, available at: <https://esj.today/PDF/43ITVN218.pdf> (accessed 02.11.2024).
14. Palacheva, Yu.A. (2021), "Usage of the engagement rate to assess the effectiveness of maintaining accounts in social networks of deputy candidates in the elections to the State duma", *Philosophy and culture of the information society, The Ninth Int. Scientific and Practical Conf.*, SPb., RUS, 18–20 Nov. 2021, pp. 163–166.
15. "Kammarens protokoll. Skola", *Sveriges Riksdag*, available at: <https://www.riksdagen.se/sv/sok/?avd=dokument&sok=Skola&riksmote=2019%2F20%2C2020%2F21%2C2021%2F22&doktyp=prot> (accessed 25.11.2024).

16. "Swedish PM rejects referendum on possible NATO membership", *Reuters*, 28.04.2022, available at: <https://www.reuters.com/world/europe/swedish-pm-rejects-referendum-possible-nato-membership-2022-04-28/> (accessed 07.11.2024).

17. "Sverigedemokraterna Valmanifest" (2022), *Sverigedemokraterna*, available at: <https://sd.se/wp-content/uploads/2022/08/valmanifest.pdf> (accessed 07.11.2024).

18. "Tidögranskningen", *Civil Rights Defenders*, 24.10.2022, available at: https://crd.org/wp-content/uploads/2022/10/Civil-Rights-Defenders_Tidogranskningen.pdf (accessed 11.11.2024).

Information about the authors.

Alexey Yu. Kolianov – Can. Sci. (Policy, 2007), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: political philosophy, political linguistics, media philosophy.

Mikhail S. Matveev – M. Sci. (Sociology, 2023), Assistant at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: social communication, social networks, technology and society.

Dmitry G. Cherkasov – M. Sci. (Regional studies, 2023), Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: political science, political technologies, domestic politics of foreign countries.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.01.2025; adopted after review 28.01.2025; published online 21.04.2025.*

Оригинальная статья
УДК 316.4.051.62
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-98-113>

Социальное восприятие технологий управленческого общения студентами инженерных специальностей: итоги пилотажного исследования (часть 1)

Павел Петрович Дерюгин¹✉, Сергей Дмитриевич Куражев², Александр Владимирович Павлов³, Даниил Александрович Лебединцев⁴

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

⁴Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹✉ ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²serga-98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8355-8457>

³aliexandr-pavlov-2000@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3548-7122>

⁴daniil.al1997@gmail.com

Введение. Освоение студентами инженерных специальностей технологий управленческого общения выступает одним из важных условий построения карьеры. Но далеко не все выпускники инженерных факультетов обладают такими практическими навыками. В значительной степени это обстоятельство обусловлено отсутствием методик диагностики успешности освоения этих методов.

Методология и источники. Теоретическая рамка методики эмпирического исследования выстраивается на идеях интеракционистских концепций общения, включающих работы И. Гофмана, Д. Мида и Г. Гарфинкеля, а также теорий ритуального взаимодействия Р. Коллинза и эмоционального интеллекта Д. Тернера. В качестве базового инструментария технологии диагностики использован опросник В. Дж. Редди, который адаптирован под интересы исследования.

Результаты и обсуждение. Полученные результаты могут быть представлены тремя основными выводами: во-первых, наибольшее единство восприятия методов управленческой коммуникации характеризует стремление обеспечивать эмоциональный комфорт общения; во-вторых, следующий уровень единства в восприятии технологий общения ориентирован на рациональное лидерство; в-третьих, низший уровень единства включает спорные приемы общения, которые по-разному понимаются респондентами.

Заключение. Формирование методики диагностики технологий управленческого общения имеет хорошую перспективу в отношении диагностики особенностей общения студентов различных профилей подготовки, а также особенностей восприятия управленческого общения студентами из разных стран, обучающихся в российских университетах.

Ключевые слова: технологии управленческого общения, сравнительный анализ, теории коммуникации, социальное восприятие, диагностика

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

© Дерюгин П. П., Куражев С. Д., Павлов А. В., Лебединцев Д. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Социальное восприятие технологий управленческого общения студентами инженерных специальностей: итоги пилотажного исследования (часть 1) / П. П. Дерюгин, С. Д. Куражев, А. В. Павлов, Д. А. Лебединцев // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 98–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-98-113.

Original paper

Social Perception of Managerial Communication Technologies by Engineering Students: Results of a Pilot Study (Part 1)

Pavel P. Deriugin¹, **Sergei D. Kurazhev²**, **Alexander V. Pavlov³**,
Daniil A. Lebedintsev⁴

¹*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

⁴*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

¹✉ ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²serga-98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8355-8457>

³aliexandr-pavlov-2000@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3548-7122>

⁴daniil.al1997@gmail.com

Introduction. Mastering managerial communication technologies by engineering students is one of the important conditions for building a career. At the same time, not all graduates of engineering faculties have such practical skills. To a large extent, this circumstance is due to the lack of diagnostic methods for the success of mastering such methods.

Methodology and sources. The theoretical framework of the empirical research methodology is based on the ideas of interactionist concepts of communication, including the works of I. Hoffman, D. Mead and G. Garfinkel, as well as the theories of ritual interaction by R. Collins and emotional intelligence by D. Turner. The V.J. Reddy questionnaire, which is adapted to the interests of the study, was used as a basic diagnostic technology toolkit.

Results and discussion. The results obtained can be represented by three main conclusions: firstly, the greatest unity of perception of managerial communication methods characterizes the desire to ensure emotional comfort of communication; secondly, the next level of unity in the perception of communication technologies is focused on rational leadership; thirdly, the lowest level of unity includes controversial communication techniques that are understood differently by respondents.

Conclusion. The formation of a methodology for diagnosing managerial communication technologies has a good prospect in terms of diagnosing the communication characteristics of students of various training profiles, as well as the perception of managerial communication by students from different countries studying at Russian universities.

Keywords: managerial communication technologies, comparative analysis, communication theory, social perception, diagnosis

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 24-18-00261 “The sociostructural model of the transition of Russian society to the mode of augmented modernity”).

For citation: Deriugin, P.P., Kurazhev, S.D., Pavlov, A.V. and Lebedintsev, D.A. (2025), “Social Perception of Managerial Communication Technologies by Engineering Students: Results of a Pilot Study (Part 1)”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 98–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-98-113 (Russia).

Введение. Интерактивный характер профессиональной среды инженерной деятельности признается ее имманентным свойством [1, с. 148], поскольку значительная часть времени практической деятельности инженера неизбежно связана с коммуникативным процессом [2, с. 9; 3, с. 21]. По данным Е. Даниловой и З. Пудловски, у инженеров до 80 % времени уходит на коммуникации [4]. Наряду с этим далеко не каждый выпускник университета обладает практическими навыками управленческого общения [5, с. 71–72]. Как показывают результаты эмпирических исследований, коммуникативные навыки оцениваются руководителями организаций и инженерами-практиками заметно выше, чем студентами. Более того, как оказалось, коммуникативные навыки еще ниже оценивались преподавателями [5, с. 71–72].

По нашим данным, формально от 73 до 87 % респондентов-студентов признают актуальность навыков управленческого общения. Примерно такие же данные фиксируются и в результатах других исследований. Наряду с этим для практического управления мало обладать только общими представлениями о коммуникациях, важно знание конкретных приемов и технологий, например ведения переговоров и проведения совещаний [6]. К тому же, в современном учебном процессе нередко складывается ситуация, когда информационные технологии фактически заменяют необходимость непосредственного межличностного контакта [7, с. 129–130]. Тем самым снижается не только коммуникативная культура выпускника, но и формирование навыков практических коммуникаций [8, с. 33–36], снижается влияние образовательной среды на интерактивность студентов [9, с. 48–50]. Как справедливо подчеркивается в [1, с. 148], цифровые интерактивные среды несут в себе множество угроз для социума, человеческой личности и способности к общению в системе инженерной подготовки. В целом неразвитость практик общения выступает препятствием построения профессиональной карьеры инженера [4].

Основная проблема исследования складывается как противоречие между формальным признанием важности коммуникативных навыков в подготовке инженеров – с одной стороны, и фактическим восприятием студентами инженерных специальностей практических приемов, способов и технологий управленческого общения – с другой. В изучении этого рассогласования заключается важная задача настоящего пилотажного исследования – построение и апробация методики, нацеленной на выявление конфликта восприятия конкретных методов и приемов коммуникации в процессе подготовки молодых инженеров. Цели исследования – формирование концептуальной основы методики диагностики освоения приемов и технологий управленческой коммуникации, апробация методики, обобщение и систематизация выводов об особенностях восприятия технологий управленческого общения студентами инженерных профилей подготовки. Гипотетически можно предположить, что студенты инженерных специальностей будут более ориентированы на бытовые представления об управленческих коммуникациях, т. е. на приемы и способы общения, позволяющие поддерживать позитивный фон и комфорт всяческих контактов (эмпатия, рефлексия), и значительно менее – на те приемы общения, которые важны для управления и достижения конкретного результата, или, как пишет О. И. Васильева, на «коммуникативную рациональность» [1, с. 147]. Новизна работы заключена в адаптации существующих подходов к диагностике технологий управленческого общения, а также в дополнении полученных результатов методами сетевого анализа.

Теоретическая рамка работы выстраивается на основании обобщений четырех групп концепций. Во-первых, это интеракционистские теории коммуникации [10]. Прежде всего, это И. Гофман, Д. Мид и Г. Гарфинкель, рассматривающие коммуникацию в терминах микро-социологии, посредством которых реализуется социальное взаимодействие [11]: идеи о «сценариях» приспособления к обществу [12, с. 205–207], восприятие социального мира через мир символов [13], наличие некоторых правил общения, принимаемых на веру [14]. Во-вторых, это теория ритуального взаимодействия Р. Коллинза [15], реализуемого через способы общения как «ритмическое вовлечение» и «физическое соприсутствие лицом к лицу», как «основополагающий элемент ритуала взаимодействия» в виде дружеского рукопожатия, кивания головой, аплодисментов, смеха и т. д. [16]. В-третьих, современные идеи Д. Тернера о роли эмоционального интеллекта в общении и управлении, укорененности эмоционального регулирования общения в биологической природе человека [17–19]. В-четвертых, методическая часть работы опирается на сетевые подходы к анализу информации [20, 21].

Методология и источники. В основу инструментария положены вопросы теста «Знание способов общения» В. Дж. Реддина, специалиста-консультанта по управлению [22]. Тест состоит из 80 вопросов, которые поделены на две равные части и сформулированы как верные и ошибочные суждения о технологиях коммуникации. Достоинством процедуры является наличие статистических данных о том, как воспринимают эти приемы и способы европейские менеджеры (эталонный вариант, $n = 648$ чел.). Настоящая процедура использовалась в преподавании курсов менеджмента, управления и других родственных дисциплин, начиная с 2000-х гг. в ряде российских университетов. Экспертные оценки позволили классифицировать оцениваемые методы общения по пяти основаниям:

1. *Иррациональные приемы и способы общения*, в основе которых лежат эмоции и чувства, ощущения и интуиция (настроения, эмоции страха и радости, напряженность, обида, гнев и т. д.) [23, 24].

2. *Конкретные формы внешнего поведения, характеризующие контекст общения* [25] (оформление пространства общения, жесты, оговорки, дистанция общения).

3. *Коммуникативные технологии обеспечения лидерства и влияния* [26], включая стиль рукопожатия, размещение за столом во время заседания, исполнение роли председательствующего на собрании, активность жестикуляции, способность убеждать и другие.

4. *Абстрактные установки и правила общения* [27], например: «общение – это простой процесс» или «лучшая новость – это отсутствие новостей».

5. *Рациональные приемы и способы общения* [28], т. е. анализ восприятия вопросов, в которых говорится о «понимании», «интересе», «начитанности», «пересказе», «полезности», словом, о тех приемах общения, где сделан акцент на познавательных процессах. Таким образом, предметом эмпирического исследования выступает выявление особенностей восприятия российскими студентами европейских технологий управленческой коммуникации.

Выборку студентов-инженеров составили 55 человек, которые прошли программы подготовки по менеджменту и деловому общению (2024 г.). Результаты опросов обсуждались со студентами (фокус-группы). В целом эти обсуждения показали адекватность полученных результатов. Несколько значимых ограничений исследования обусловлены небольшим числом выборки, а также отсутствием значимого практического опыта управления.

Результаты и обсуждение. Массив данных составил 4400 оценок, характеризующих особенности восприятия технологий управленческого общения студентами инженерного профиля подготовки, которые сведены в матрицы и таблицы, проведен их статистический, корреляционный и сетевой анализ.

Результат 1-й. *Наибольшее единство восприятия методов управленческой коммуникации ориентирует стремление обеспечивать эмоциональный комфорт общения.* Такие приемы российскими студентами и европейскими менеджерами оцениваются по максимуму как самые важные, от 50 до 53 баллов (совпадение до 96 %). Это касается 13 способов общения: 10 верных и 3 ошибочных. Наряду с этим следует отметить, что среди всех оцененных приемов общения *нет ни одного такого, который российские студенты воспринимали бы точно так же, как и европейцы* – однозначно положительно или однозначно отрицательно (табл. 1).

Таблица 1. 1-й уровень единства оценивания технологий общения
Table 1. 1st level of unity of assessment of communication technologies

Европейский эталон	Совпало с эталоном	1-й уровень (совпадение ответов от 50 баллов и выше) Номера и содержание вопросов, студенты-инженеры, РФ
+	53	80. Разные люди неодинаково выражают схожие чувства (индивидуальность)
+	52	27. Люди обычно успешнее общаются, если они в хорошем настроении
+	52	14. Улыбка — необязательно признак радости
+	52	42. Боясь показать себя в невыгодном свете, люди могут сказать, что они все поняли, тогда как на самом деле это не так
+	50	1. Юмор особенно нужен для того, чтобы понизить напряжение во время заседания
+	50	70. Люди часто общаются, не задумываясь
+	50	60. Оформление кабинета может рассказать о личности его владельца
+	50	69. Даже при абсолютном несогласии люди могут выразить согласие, лишь бы прекратить дискуссию
+	51	21. Манера, в которой произносится слово, влияет на его смысл
+	52	50. Выражение лица может изменять смысл произносимых слов
–	52	51. Тот, кто задает много вопросов, соображает хуже, чем тот, кто задает их мало
–	50	39. Люди, которые мало говорят, мало что могут предложить
–	50	57. Богатый запас слов обычно способствует общению
Всего 13 позиций		

Качественный анализ результатов опроса показывает, что 6 приемов общения отнесены к иррациональным, 3 – к конкретным приемам – индикаторам внешнего отношения к общению, по одному – к абстрактным и рациональным характеристикам. *Приемов общения, важных для достижения лидерства в коммуникации, на этом уровне единства восприятия не зафиксировано.* Модель приемов общения 1-го уровня может быть представлена следующим образом (рис. 1).

Некоторые особенности восприятия технологий общения на этом уровне проявляются в следующих характеристиках. Во-первых, это *самые важные технологии коммуникации.* Во-вторых, *высоко оцениваются эмоциональные* характеристики общения. В-третьих, *верные и ошибочные формулировки приемов общения восприняты с различной степенью единства.* В-четвертых, восприятие этих приемов общения *совпадает с мнением европейских*

Рис. 1. Модель восприятия студентами инженерного профиля подготовки методов управленческого общения (1-й уровень)

Fig. 1. Model of students of engineering profile for training methods of managerial communication (1st level)

менеджеров. В-пятых, все перечисленные приемы общения, включая «боязнь показать себя в невыгодном свете», связаны с характеристиками взаимодействия с внешней ситуацией, внешним выражением и проявлением чувств и эмоций (улыбка, мимика, юмор, манеры) или внешними обстоятельствами общения (оформление кабинета).

Результат 2-й. Следующий уровень единства в восприятии технологий общения ориентирован на рациональное лидерство. Единство восприятия этих приемов (50 позиций) оценивается от 28 до 49 баллов (табл. 2). Значительно реже здесь встречаются приемы коммуникации, которые характеризуют эмоциональные состояния, например «чувства». При этом как значимые отмечены не эмоции «комфорта» или создания «хорошего настроения», теперь более важными оцениваются негативные коннотации эмоционального фона общения: «повышение голоса» и «боязнь критики» в свой адрес, «бурное обсуждение» и «ожесточенные дискуссии» во время заседания, «выражение гнева».

Таблица 2. 2-й уровень единства оценивания технологий общения
Table 2. 2nd level of unity of assessment of communication technologies

Европейский эталон	Совпало с эталоном	2-й уровень (совпадение ответов от 28 до 49 баллов) Номера и содержание вопросов, студенты-инженеры, РФ
+	46	9. Люди обычно забывают то, что их не интересует
+	45	10. Уверенность в себе — лучший способ общения
+	43	18. Вещи отражают индивидуальность
+	41	20. Тот, кто садится во главе стола, вероятно, стремится оказывать влияние на группу

Продолжение таблицы 2
Continuation of table 2

Европейский эталон	Совпало с эталоном	2-й уровень (совпадение ответов от 28 до 49 баллов) Номера и содержание вопросов, студенты-инженеры, РФ
+	48	22. Люди говорят меньше, когда боятся, что будут раскритикованы
+	48	35. Если кто-то часто смотрит на часы во время собрания, это, вероятно, означает, что он хочет уйти
+	40	41. Можно выразить гнев так, что человек, на которого он направлен, его поймет и согласится с ним
+	46	44. Иногда важнее чувства, чем слова, которыми они выражены
+	44	49. Повышение голоса может быть признаком энтузиазма
+	41	61. Факт повторения только что сказанного является хорошим доказательством того, что сообщение было понято
+	42	64. Можно быть очень полезным, просто слушая и не говоря ни слова
+	43	67. Общение является продуктивным только тогда, когда слушатель понимает сообщение в том же смысле, в каком его понимает говорящий
+	42	74. Манера, в которой кто-либо вам пожимает руку, отражает его индивидуальность
+	47	75. Жест, даже сдержанный, может сказать больше, чем слова
+	49	78. Начитанность человека может свидетельствовать о его личности
–	47	23. Молчание – знак согласия
–	42	8. Тот, кто говорит без остановки, как правило, хочет высказать много важных мыслей
–	48	5. Недовольный никогда не заслуживает того, чтобы его выслушивали
–	41	3. Обычно лучше слушаешь, рисуя каракули
–	45	36. Если во время заседания кто-то непрерывно предлагает различные способы выполнения работы, то это только замедляет работу группы и уменьшает ее производительность
–	45	45. Умные люди должны понимать сообщение с первого раза
–	40	56. Энергичный человек редко прибегает к тому, чтобы убедить людей согласиться с ним, если они в самом деле не согласны
–	47	65. Письменное общение всегда более продуктивно, чем устное
–	42	71. Смысл сообщения обычно не изменяется при пересказе
–	46	73. Тот, кто больше всех в группе говорит, почти всегда самый продуктивный
–	46	79. Чрезмерная жестикация говорящего ухудшает качество общения
+	37	47. Оговорка, случайное использование одного слова вместо другого, <i>может обнаружить</i> настоящие чувства говорящего
+	28	2. Люди, которые предлагают назначить председательствующего, очень часто желают увидеть себя на этом месте
+	28	4. Не любят ни слушать, ни читать о том, с чем не согласны
+	33	7. Обычно, если люди вас не слушают, значит, им неинтересна тема
+	33	30. Люди, сидящие дальше всех от стола, возможно, наименее заинтересованы
+	22	53. Лучше избегать <i>слишком ожесточенных дискуссий</i> во время заседания
+	35	38. Если собеседник смотрит в сторону в то время, когда другой говорит, обычно это означает, что предмет разговора его не интересует
+	34	40. Человек, который вызывается выступить на заседании, пытается, может быть, оказать давление на аудиторию
+	29	54. Если кто-либо, слушая, качает головой, это означает, что он заинтересован
–	35	6. Общение – это простой процесс
–	38	11. Умение слушать – вполне естественное умение
–	38	17. Легче всего убедить людей, которые схватывают все на лету

Окончание таблицы 2
End of table 2

Европейский эталон	Совпало с эталоном	2-й уровень (совпадение ответов от 28 до 49 баллов) Номера и содержание вопросов, студенты-инженеры, РФ
–	38	25. Недоразумения редко возникают из-за одного неправильно понятого слова
–	33	68. Люди, незнакомые друг с другом, могут общаться так же продуктивно, как и знакомые
–	32	26. Лучшее средство выражения гнева состоит обычно в повышении тона
–	32	66. Тот, кто хранит молчание, <i>менее понятлив</i> , чем тот, кто задает вопросы
–	34	37. Лучшее средство претворить идею в жизнь – повторять ее часто, громко и уверенно
–	33	43. Эффективность общения целиком зависит от человека, который говорит
–	30	59. <i>Устное общение</i> почти всегда предпочтительнее письменного
–	30	76. Группа, внутри которой мало разногласий, более эффективна, чем группа, в которой разногласия многочисленны
–	28	46. Бурное обсуждение является обычно признаком эффективного общения
–	34	52. Обычно, если люди не понимают поручения, они сообщают об этом
–	37	63. Лучшая новость – это отсутствие новостей
–	30	72. Хорошая орфография – это главное при письменном общении
Всего 50 позиций		

По характеру приемов общения 5 из них отнесены к иррациональным приемам, 6 – к конкретным приемам внешнего отношения к общению, 6 – к абстрактным. Повышается внимание к приемам рационального общения (их 12) и лидерства в общении (их 13). В совокупности *две последние группы (рациональность и лидерство) признаются даже более значимыми, чем три предыдущие группы приемов общения*. Некоторые особенности приемов общения на этом уровне характеризуют:

– как значимую позицию общения – *уверенность в себе и лидерства в коммуникации*, зависимости от принадлежащих собеседнику «вещей» – физических (материальных) атрибутов, «манеры пожатия руки» и активной «жестикуляции», «председательства» на собрании, стремления «выступить на собрании», способность «убеждать людей», говорить, «повторяя» свои идеи «громко и уверенно», в целом – обеспечивать «эффективность общения», которое очевидно проявляется в стремлении влиять на собеседника;

– как *контроль времени общения*, когда собеседники начинают «посматривать на часы»;
– как целесообразность *рациональной составляющей общения* – «повторение сказанного» и «полезность слушания», «понимание смысла сказанного» и «продуктивность общения», «начитанность собеседника» и его «ум», целесообразность «понимания» заданий, приемы рационализации общения, которые ориентируют на выявление *интересов собеседников и важность общего «согласия» с темой*;

– как внешнее проявление *интереса к общению* («смотрит в сторону», «присаживается дальше от говорящего», когда нет интереса, или без общего интереса, когда «быстрее забывают»). Подчеркивается «внимание к каждому слову», не поняв которое возникают «недоразумения», и значимость «понимания поручений» для их успешного выполнения, достоинства «письменного общения» и «орфографии».

Модель приемов общения на этом уровне представлена на рис. 2.

Рис. 2. Модель восприятия приемов управленческого общения студентами инженерных профилей подготовки (2-й уровень)

Fig. 2. Modeling perception of managerial communication techniques engineering training profiles (2nd level)

Результат 3-й. Низший уровень единства: спорные приемы общения. Здесь уровень единства восприятия приемов общения оценивается от 0 до 27 баллов. 27 баллов – это нижний порог, где приемы общения еще воспринимаются как значимые и оцениваются большинством

студентов-респондентов таким же образом, как они понимаются европейскими менеджерами, оценивание ниже этой отметки говорит о невысокой степени согласия с оцениваемым параметром. Главная особенность приемов этого уровня – они преимущественно *не воспринимаются российскими студентами* таким же образом, как европейскими менеджерами, скорее напротив, большинство студентов оценивают их как *неадекватные*. Таких технологий 16. Характерно, что большинство приемов общения относится к приемам *утверждения лидерства* – 10, иррациональных технологий – 3, конкретных индикаторов общения – 2, абстрактных правил – 1. *Рациональных приемов общения на этом уровне не зафиксировано.*

Таблица 3. 3-й уровень единства оценивания технологий общения
Table 3. 3rd level of unity of assessment of communication technologies

Европейский эталон	Совпало с эталоном	3-й уровень (совпадения ответов от 0 до 27) Номера и содержание вопросов, студенты-инженеры, РФ
+	23	15. Тот, кто приходит первым на заседание, часто – самый заинтересованный
+	23	24. Человек, который говорит больше всех, вероятно, стремится властвовать
+	20	29. Обычно говорят меньше, когда разгневаны
+	22	34. Если человек позволяет себе уступить в споре, это может означать, что он не заинтересован в деле
+	24	55. Когда поднимают брови, это может означать призыв к тишине
+	17	58. Тот, кто приходит последним на собрание, вероятно, наименее заинтересован
+	25	62. Слово, написанное с ошибками, иногда оказывается разоблачительным
–	11	12. Чтобы продуктивно общаться, нужно в первую очередь уметь говорить убедительно
–	16	13. Если люди уязвлены, обижены, то плодотворное общение невозможно
–	21	16. Не очень полезно принуждать замкнутого человека слишком часто высказывать свои мысли в группе, даже если это мило
–	17	19. Уверенное владение темой – почти стопроцентный залог успешного общения
–	10	28. Чтобы плодотворно общаться, лучше быть экспансивным, чем замкнутым
–	12	31. Четко понятая инструкция почти всегда выполняется
–	20	32. Недостаточно просто выслушать, надо суметь потом дать совет
–	11	33. Криком ничего не добьешься
–	9	77. Любое общение важно, независимо от того, письменное оно или устное
Всего 16 позиций		

Какие иррациональные приемы общения воспринимаются российскими студентами критически и вызывают сомнение в их адекватности? Во-первых, позиция «обычно говорят меньше, когда разгневаны». Для 20 студентов это спорная ситуация, они считают, что в состоянии гнева люди общаются по-прежнему активно и содержательно. Во-вторых, для 16 респондентов ситуация, когда «люди уязвлены и обижены» не является препятствием для «плодотворного общения». В-третьих, еще 15 человек полагают, что позиция «криком ничего не добьешься» не отражает реальности российского общения, т. е. с их точки зрения криком можно добиться многого.

Спорными выглядят положения, характеризующие *лидерские позиции в общении*. В частности, это касается непунктуальности, например, позиции «тот, кто приходит на собрание последним», «опаздывает», «задерживается» и т. д. менее всего будут оценены российскими студентами как ситуации, которые характеризуют потенциально негативное отношение человека к предстоящему обсуждению (только для 16 студентов из 55 это верная позиция – опаздывать нельзя). Такими же оценками сопровождаются иные правила общения, включая

проигрыш в споре, стремление влиять на окружающих и необходимость лидировать в коммуникации. В целом российскими студентами такие индикаторы, как заинтересованность и участие в собраниях (совещаниях), будут восприниматься с минимальным пониманием и интересом. По большинству позиций, касающихся лидерства в общении, около 40 % российских студентов не согласны с позициями европейских менеджеров, в частности: со *стремлением властвовать и призывать к порядку, председательствовать на собрании, победить в споре или говорить больше всех, выразить недовольство и гнев*, – все перечисленные приемы лидерства в общении на переговорах российскими студентами отнесены к ошибочным технологиям. Что касается европейских менеджеров, то от 64 до 80 % опрошенных посчитали возможным (допустимым) их использование в зависимости от ситуации, т. е. в целом верными. Еще одна особенность заключена в том, что все приемы общения, характеризующие управленческие ситуации, – заседания, собрания, председательство, рассматриваются студентами-инженерами без особого понимания того, что именно они являются *основными инструментами коллективного принятия управленческих решений* и составляют одну из важных функций, например, главного инженера – организатора производства [29]. Наконец, для европейских менеджеров позиция о том, что «слово, написанное с ошибками, иногда оказывается разоблачительным», является важным правилом управленческого общения, для российских студентов эта позиция актуальна только для половины респондентов (25 чел.).

К неверным приемам общения и российские студенты, и европейские менеджеры отнесли те, где подчеркивается «необходимость говорить убедительно», затруднение общения с «обиженными, уязвленными людьми», «принуждение» к общению, говорится о том, что «уверенное владение темой» не является стопроцентным залогом успешности общения, о недопустимости «экспансивного» общения, о том, что «четко понятая инструкция» всегда будет выполняться, что всякое общение обязательно завершается «советами» и рекомендациями, что «криком ничего не добьешься». Перечисленные позиции не разделяют от 18 до 37 % российских студентов.

Общий тренд восприятия важности коммуникативных технологий представлен на рис. 3.

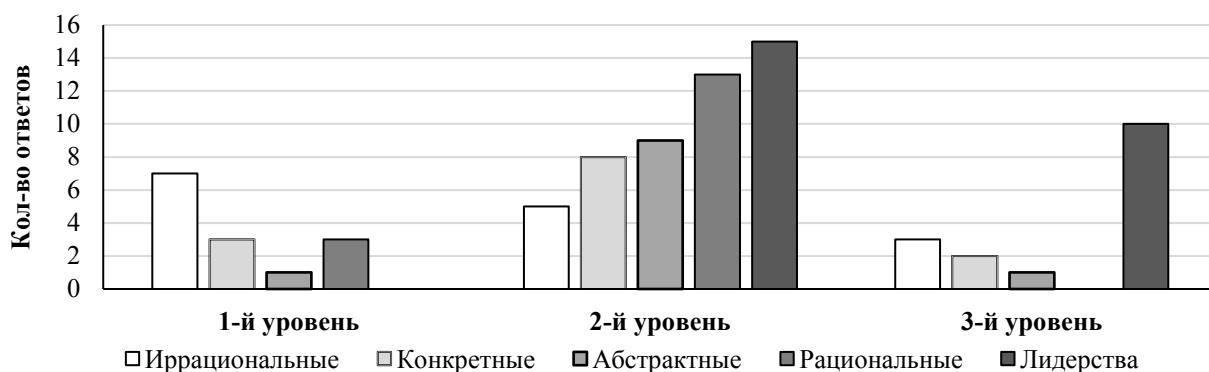

Рис. 3. Группы методов управленческого общения на трех уровнях единства восприятия студентами инженерного профиля

Fig. 3. Groups of managerial communication methods at three levels of unity of perception by engineering students

Заключение. Можно сказать, что восприятие, а, значит, в какой-то мере и понимание приемов обеспечения эффективного общения российских студентов может быть описано стратегий: *вначале обеспечение эмоционального комфорта, затем достижение единства интересов, при этом лидерство в общении не является чем-то обязательным на переговорах.*

Российские студенты воспринимают как наиболее важные те приемы общения, которые ориентированы на поддержание эмоциональной составляющей и эмпатии, нацелены на учет индивидуальных характеристик другого человека. Это для них самое важное в общении. Далее как важные оцениваются те приемы, в которых проявляется какой-либо интерес, уверенность, контроль, рациональные характеристики общения, возможно, прагматические составляющие приемов общения. Что же касается властных и лидерских технологий влияния, эти позиции нашими студентами в наименьшей степени воспринимаются как позитивные. Такие взгляды ментально отличаются от возможности заключать «сделки» (Д. Трамп) по любым политическим, военным, культурным и другим вопросам.

Другой итог пилотажного исследования позволяет говорить о достижении основной цели – формирование методики диагностики, на основе которой появляется возможность эмпирическим путем выявлять отклонения и особенности восприятия приемов и способов формирования управленческой коммуникации. Перспективы использования методики могут быть нацелены на проведение сравнительных исследований, раскрывающих понимание управленческого общения среди различных групп профессиональной подготовки студентов (управленцы, менеджеры, гуманитарии, другие), а также среди студентов из других стран, обучающихся в российских университетах. В свою очередь, такая информация позволит конкретизировать ряд направлений подготовки студентов по изучению и практическому освоению технологий управленческой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева О. И. Интерактивные среды в организации инженерной проектной деятельности // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 4. С. 141–152. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-4-141-152.
2. Сунцова Е. Н. Техническая коммуникация как необходимый компонент образовательных программ российских инженерных вузов // Вестн. ТГПУ. 2009. № 6. С. 9–13.
3. Норкова К. А. Межличностные коммуникации в менеджменте // Тарифное регулирование и экспертиза. 2019. № 4. С. 21–23.
4. Данилова Е., Пудловски З. О развитии навыков профессиональной коммуникации в инженерном образовании // Высшее образование в России. 2008. № 10. С. 50–55.
5. Исаев А. П., Плотников Л. В. Мягкие навыки для успешной карьеры выпускников инженерного профиля // Высшее образование в России. 2021. № 10. С. 63–77. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-63-77.
6. Мосеева Г. В., Скопин О. В. Коммуникация как ключевая компетенция менеджера проектов // Современные технологии управления. 2011. № 11. С. 21–25.
7. Глухов А. П. Социально-сетевая коммуникативная компетентность как элемент цифровой грамотности поколения Z // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 1 (29). С. 129–136. DOI: 10.23951/2307-6127-2020-1-129-136.
8. Чевтаева Н. Г., Никитина А. С., Вишневецкая А. В. Культура коммуникации преподавателя и студента как матрица формирования «soft skills» выпускника // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 12. С. 33–44. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44.
9. Нюдюрмагомедов А. Н., Савзиханова М. А., Абдурагимова Л. А. Развитие интерактивности личности студента в образовательном пространстве вуза // Sciences of Europe. 2021. № 68-3. С. 47–51. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-68-3-47-51.
10. Лежебоков А. А., Оноприенко А. В. Современные концепции социальной коммуникации // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 4. С. 9–12. DOI: 10.24158/spp.2017.4.1.

11. Чириков И. С. Четыре способа определения организационных границ в социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13, № 5. С. 129–145.
12. Goffman E. The presentation of self in everyday life. NY: Garden City, 1959.
13. Мид Д. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренъкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 116–120.
14. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / пер. с англ. СПб.: Питер, 2007.
15. Collins R. Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity // American j. of cultural sociology. 2020. Vol. 8, № 3. P. 477–497. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-020-00120-z>.
16. Калимуллина О. А., Гильманшин Р. А. Влияние социально-коммуникативных качеств на будущую профессиональную деятельность студентов в условиях современных вызовов // Вестн. СЮИ. 2022. № 1 (47). С. 97–104. DOI: 10.37523/SUI.2022.47.1.014.
17. Симонова О. А. Социологическое исследование эмоций в современной социологии: концептуальные вопросы // Социологический ежегодник, 2009: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 292–331.
18. Горбунова М. Ю. Управленческий потенциал эмоций в социальных отношениях. Саратов: Сарат. гос. соц.-экон. ун-т, 2010.
19. Симонова О. А. 2009.03.013. Тернер Дж., Стетс Дж. Социология эмоций. Turner J. H., Stets J. E. The Sociology of emotions. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. XVIII, 349 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2009. Сер. 11. Социология. № 3. С. 74–88.
20. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак, Р. А. Травин // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 10–25. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1.
21. Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак и др. // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 4. С. 139–160. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14008.
22. Реддин В. Дж. Тесты для менеджеров / пер. с фр. Е. М. Автандиловой. Ростов н/Д: Феникс, 1997.
23. Журавлева Ю. В. Иррациональные аспекты интернет-коммуникации и виртуальная деструкция личности // Речевые технологии. 2021. № 1-2. С. 71–86. DOI: 10.58633/2305-8129_2021_1-2_71.
24. Гуренко Е. С., Карпова Е. Г. Влияние эмоционального интеллекта и ценностных ориентаций руководителя на систему управления в бизнесе // Современные технологии управления. 2021. № 4 (96/1): 96105. URL: <https://sovman.ru/article/96105/> (дата обращения: 11.12.2024).
25. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009.
26. Печенкин П. А. Коммуникативный аспект лидерства // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2006. № 8 (63). С. 150–153.
27. Ли В. Коммуникативные ценности гармоничного общения (по данным русской и китайской фразеологии) // Научный диалог. 2017. № 12. С. 151–163. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-151-163.
28. Тянь Ф. Инновационные технологии обучения китайских студентов в российских вузах // Власть истории и история власти. 2023. Т. 9, № 3 (45). С. 100–104.
29. Кох М. Н., Шалабанов С. С., Полякова И. И. Инновационные виды деловых совещаний как средство профилактики конфликтов организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6–1. С. 221–224. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-6-1-221-224.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14,

190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Куражев Сергей Дмитриевич – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: ИТ-специалисты, студенчество, человеческий капитал.

Павлов Александр Владимирович – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Лебединцев Даниил Александрович – магистрант (2-й курс) Высшей школы инновационного бизнеса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия. Автор четырех научных публикаций. Сфера научных интересов: мобильность, социальная диагностика, сетевой подход в социологии.

Авторский вклад.

Дерюгин Павел Петрович – замысел, разработка концепции и структуры исследования, общее руководство.

Куражев Сергей Дмитриевич – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Павлов Александр Владимирович – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

Лебединцев Даниил Александрович – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.02.2025; принята после рецензирования 25.02.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.*

REFERENCES

1. Vasilieva, O.I. (2023), "Interactive environments in organization engineering project activities", *Sociology of science & technology*, vol. 14, no. 4, pp. 141–152. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-4-141-152.
2. Suntsova, E.N. (2009), "Technical communication as an important component in the curricula of Russian engineering universities", *Tomsk State pedagogical Univ. Bulletin*, no. 6, pp. 9–13.
3. Norkova, K.A. (2019), "Interpersonal communications in management", *Tarifnoe regulirovanie i ekspertiza* [Tariff regulation and examination], no. 4, pp. 21–23.
4. Danilova, E. and Pudlovsky, Z. (2008), "On the development of professional communication skills in engineering education", *Higher Education in Russia*, no. 10, pp. 50–55.
5. Isaev, A.P. and Plotnikov, L.V. (2021), "Soft skills for successful career of engineering graduates", *Higher Education in Russia*, no. 10, pp. 63–77. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-63-77.

6. Moseeva, G.V. and Skopin, O.V. (2011), "Communication as a key competence of a project manager", *Modern Management Technologies*, no. 11, pp. 21–25.

7. Glukhov, A.P. (2020), "Social and network communicative competence as an element of digital literacy of generation Z", *Pedagogical Review*, no. 1 (29), pp. 129–136. DOI: 10.23951/2307-6127-2020-1-129-136.

8. Chevtaeva, N.G., Nikitina, A.S. and Vishnevskaya, A.V. (2020), "Communication Culture as a Matrix for Graduate's "Soft Skills" Development", *Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 12, pp. 33–44. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44.

9. Nyudyurmagomedov, A.N., Savzikhanova, M.A. and Abduragimova, L.A. (2021), "Development of Interactivity of the students personality in the educational space of the university", *Sciences of Europe*, no. 68-3, pp. 47–51. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-68-3-47-51.

10. Lezhebokov, A.A. and Onoprienko, A.V. (2017), "Modern concepts of social communication", *Society: sociology, psychology, pedagogy*, no. 4, pp. 9–12. DOI: 10.24158/spp.2017.4.1.

11. Chirikov, I.S. (2012), "Four methods for defining organizational boundaries in sociology", *Economic sociology*, vol. 13, no. 5, pp. 129–145.

12. Goffman, E. (1959), *The presentation of self in everyday life*, Garden City, NY, USA.

13. Mead, D. (1994), "From gesture to symbol", *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought. Texts], in Dobren'kov, V.I. (ed.), Moscow, RUS, pp. 116–120.

14. Garfinkel, G. (2007), *Studies in ethnomethodology*, Transl., SPb., RUS.

15. Collins, R. (2020), "Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity", *American J. of cultural sociology*, vol. 8, no. 3, pp. 477–497. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-020-00120-z>.

16. Kalimullina, O.A. and Gilmanshin, R.A. (2022), "Influence of socio-communicational qualities on the future professional activity of students under conditions of modern challenges", *Bulletin of the Samara Law Institute*, no. 1 (47), pp. 97–104. DOI: 10.37523/SUI.2022.47.1.014.

17. Simonova, O.A. (2009), "Sociological research of emotions in modern sociology: conceptual issues", *Sociological Yearbook, 2009*, INION RAS, Moscow, RUS, pp. 292–331.

18. Gorbunova, M.Yu. (2010), *Upravlencheskii potentsial emotsii v sotsial'nykh otnosheniyakh* [Managerial potential of emotions in social relations], Sar. gos. econ. un-t, Saratov, RUS.

19. Simonova, O.A. (2009), "2009.03.013. Turner J.H., Stets J.E. The Sociology of emotions. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. XVIII, 349 p.", *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11. Sociology*, no. 3, pp. 74–88.

20. Deryugin, P.P., Lebedintseva, L.A., Yarmak, O.V. and Travin, R.A. (2020), "Values and human capital of the employees of the corporation: experience in network troubleshooting", *Research Result. Sociology and management*, vol. 6, no. 4, pp. 10–25. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1.

21. Deryugin, P.P., Lebedintseva, L.A., Yarmak, O.V. et al. (2020), "Sociodynamics of Human Capital in Russian Research and Educational Centers", *Sociology of Science and Technology*, vol. 11, no. 4, pp. 139–160. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14008.

22. Reddin, W.J. (1997), *Tests for the output oriented manager*, Transl. by Avtandilova, E.M., Feniks, Rostov n/D, RUS.

23. Zhuravleva, Yu.V. (2021), "Irrational aspects of Internet communication and virtual destruction of personality", *Speech Technology*, no. 1-2, pp. 71–86. DOI: 10.58633/2305-8129_2021_1-2_71.

24. Gurenko, E.S. and Karpova, E.G. (2021), "The influence of emotional intelligence and value orientations of the head on the management system in business", *Modern management technology*, no. 4 (96/1): 96105, available at: <https://sovman.ru/article/96105/> (accessed 11.12.2024).

25. Il'in, E.P. (2009), *Psikhologiya obshcheniya i mezhllichnostnykh otnoshenii* [Psychology of communication and interpersonal relations], Piter, SPb., RUS.

26. Pechenkin, P.A. (2006), "The communicative aspect of leadership", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Social Sciences and the Humanities*, no. 8 (63), pp. 150–153.

27. Li, W. (2017), "Communicative values of harmonious communication (according to Russian and Chinese phraseology)", *Nauchnyi Dialog*, no. 12, pp. 151–163. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-151-163.

28. Tian, F. (2023), "Innovative technologies for teaching Chinese students in Russian universities", *The Power of History – The History of Power*, vol. 9, no. 3 (45), pp. 100–104.

29. Kokh, M.N., Shalabanov, S.S. and Polyakova, I.I. (2022), "Innovative types of business meetings as a means of conflict prevention of the organization", *Economics and Business: Theory and Practice*, № 6–1, pp. 221–224. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-6-1-221-224.

Information about the authors.

Pavel P. Deriugin – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Sergey D. Kurazhev – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: IT specialists, students, human capital.

Alexander V. Pavlov – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Daniil A. Lebedintsev – Master's student (2nd year), Higher School of Innovative Business, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: mobility, social diagnostics, network approach in sociology.

Author's contribution.

Pavel P. Deriugin – the idea, development of the concept and structure of the study. General guidance.

Sergey D. Kurazhev – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Alexander V. Pavlov – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

Daniil A. Lebedintsev – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 03.02.2025; adopted after review 25.02.2025; published online 21.04.2025.*

Оригинальная статья
УДК 811.11
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-114-131>

Интернет-мем: происхождение, дефиниции и подходы к исследованию

Мария Сергеевна Сигаева¹, Наталия Валентиновна Степанова²✉

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹mssigaeva@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4520-6055>

²✉nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

Введение. Интернет-мем является одним из ключевых элементов современной медиакommunikации. Цель настоящей статьи заключается в проведении аналитического обзора существующих подходов к исследованию понятия интернет-мема. Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного описания интернет-мема с учетом непрерывной эволюции данного феномена.

Методология и источники. Методологической базой исследования послужили работы в области когнитивной лингвистики, философии, медиакommunikаций, рассматривающие развитие и функционирование мемов в динамике. Основным методом исследования является аналитический обзор трудов, посвященных толкованию и типологизации интернет-мемов, а также определению функций и роли интернет-мема в социокультурном пространстве и интернет-коммуникации.

Результаты и обсуждение. Анализ работ зарубежных и отечественных исследователей демонстрирует целесообразность разграничения терминов «мем» и «интернет-мем». Интернет-мем как поликодовый текст является одним из аспектов многогранного концепта «мем», однако данным терминологическим различием нередко пренебрегают. Роль интернет-мема состоит в демонстрации актуальных изменений в языке на всех его уровнях. Существует необходимость унифицирования толкования и типологизации интернет-мемов, что представляет определенную сложность по причине изменчивости и нестабильности данного явления. К наиболее продуктивным методам исследования интернет-мема относятся цифровой и визуальный анализ. В рамках лингвистических исследований актуальными фреймворками для анализа и типологизации интернет-мемов видятся дискурс-анализ и грамматика конструкций, учитывающая изменчивость и мультимодальную структуру мемов. Одним из приоритетных направлений исследований в русле лингвокогнитивного подхода является дальнейшая разработка типологий интернет-мемов с учетом области их функционирования и постоянно меняющихся трендов в образовании мемов.

Заключение. К перспективам исследования интернет-мемов можно отнести осмысление интертекстуальности и рассмотрение механизмов реутилизации старых мемов. Быстрая изменчивость вербальной и невербальной составляющей интернет-мемов, высокочастотное использование интертекстуальных отсылок и намеренно искажен-

© Сигаева М. С., Степанова Н. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ных лексических и грамматических структур делают актуальным изучение функционирования интертекста и формирования продуктивных моделей и языковых шаблонов в интернет-мемах.

Ключевые слова: медиадискурс, поликодовый текст, мем, интернет-мем, меметика

Для цитирования: Сигаева М. С., Степанова Н. В. Интернет-мем: происхождение, дефиниции и подходы к исследованию // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 114–131. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-114-131.

Original paper

Internet Meme: Origin, Definition and Research Approaches

Maria S. Sigaeva¹, Natalia V. Stepanova²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*mssigaeva@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4520-6055>*

²*nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

Introduction. The article analyzes various approaches to studying Internet memes as key elements of modern media communication. It highlights the need for a comprehensive description of memes, considering their continuous evolution.

Methodology and sources. The study is based on works in cognitive linguistics, philosophy, and media communications, focusing on the evolution and function of memes. The research employs an analytical review of literature on meme definition, typology, and roles in socio-cultural and online communication.

Results and discussion. Research in memetics and media communication emphasizes the importance of distinguishing “meme” from “Internet meme”, as the latter represents a polycode text within the broader concept of memes. Internet memes play a key role in reflecting linguistic and cultural changes but remain difficult to classify due to their variability. Effective study methods include digital, visual, and discourse analysis, along with construction grammar, to account for their multimodal nature. A significant research focus is the development of meme typologies based on their functions in political, advertising, scientific, and everyday discourse, as well as their continuously evolving formation trends.”

Conclusion. The prospects for studying Internet memes include conceptualization of intertextuality and examining the mechanisms of meme reutilization. The rapid variability of the verbal and non-verbal components of Internet memes, the high frequency use of intertextual references and intentionally distorted lexical and grammatical structures make it relevant to study the functioning of intertext and the formation of productive models and language patterns in Internet memes.

Keywords: media discourse, polycode text, meme, internet meme, memetics

For citation: Sigaeva, M.S. and Stepanova, N.V. (2025), “Internet Meme: Origin, Definition and Research Approaches”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 114–131. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-114-131 (Russia).

Введение. Современное общество характеризуется стремительным развитием коммуникационных технологий, затрагивающих все сферы человеческой деятельности. На данном этапе развития германистики и лингвистики в целом существует потребность в изучении компьютерно-опосредованного дискурса как одного из основных средств современной коммуникации, включающего в себя различные способы распространения информации, манипулиро-

вания общественным сознанием и продвижения идей. Целью настоящей статьи является обзор существующих подходов к исследованию понятия интернет-мема (ИМ). Данная цель предполагает решение следующих задач: обобщение ведущих направлений исследований ИМ, рассмотрение дефиниций, сущностных признаков и функций ИМ, разграничение понятий «мем» и «интернет-мем», определение особенностей функционирования ИМ в современном медиaprостранстве с лингвистической точки зрения, обзор типологий ИМ.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного и системного описания ИМ с учетом непрерывной эволюции данного феномена. Интернет-мему как одному из наиболее популярных средств интернет-опосредованной коммуникации посвящено множество работ отечественных и зарубежных исследователей, однако до сих пор не всегда очевидна разница между понятиями «мем» и «интернет-мем», не существует системного подхода к классификации ИМ, вызывают вопросы механизмы конструирования мемов. Изучение ИМ представляет интерес как для широкого круга специалистов – социологов, философов, культурологов, политологов, лингвистов, так и для более узкого круга исследователей, в числе которых когнитивные лингвисты, психолингвисты и социолингвисты. Интернет-мемы представляют собой форму экспрессивной коммуникации, в процессе которой в языке может происходить образование неологизмов, трансформация грамматических конструкций и изменение семантических норм. Активное отражение в мемах общественных настроений и реакций дает возможность исследовать, каким образом язык используется для выражения коллективной идентичности, сатиры, иронии и протеста. Анализ используемых лингвистических конструкций помогает лингвистам изучить стратегии аргументации, полемики и манипуляции в медиатекстах.

Интернет-мем и его разновидности уже более двух десятилетий являются неотъемлемой частью коммуникации в сети Интернет. По мнению Е. В. Трощенко, ИМ как нельзя лучше представляют современное медиaprостранство и «последние годы все больше привлекают к себе внимание специалистов по массовым коммуникациям и лингвистов с точки зрения как формальных признаков, так и особенностей функционирования, в том числе как средств формирования и изменения общественного мнения, инструментов маркетингового продвижения и идеологической обработки – политической и культурной пропаганды» [1, с. 32]. Однако определение ИМ продолжает вызывать дискуссии в междисциплинарном научном сообществе в силу своей неоднозначности и многоаспектности.

Прежде чем приступить к рассмотрению существующих определений ИМ, необходимо проследить эволюцию термина «мем». Впервые понятие «мем» было упомянуто британским эволюционным биологом Р. Докинзом в работе «Эгоистичный ген»¹. В поисках наименования «единицы передачи культурного наследия» по аналогии с «геном» был образован термин «мем», который Р. Докинз определяет как «некую единицу, способную передаваться от одного мозга другому» [2, с. 179]. По аналогии с генофондом Р. Докинз вводит понятие «мемофонд» и «мемокомплекс» для описания набора идей, верований и убеждений, господствующих в культуре в определенный момент времени и подверженных изменениям в результате социокультурной эволюции общества. «Коадаптированные мемокомплексы эволюционируют таким же образом, как коадаптированные генные комплексы. Отбор благо-

¹ «The Selfish gene» впервые опубликована на английском языке в 1976 г.

приятствует мемам, которые эксплуатируют среду себе на благо. Эта культурная среда состоит из других мемов, которые также подвергаются отбору. Поэтому мемофонд в конечном счете приобретает атрибуты эволюционно стабильного набора, проникнуть в который новым мемам оказывается трудно» [2, с. 182]. Следствием предложенного Р. Докинзом понятия «мем» считается зарождение новой отрасли знаний – меметики, которая сегодня изучается в рамках социологии, когнитивной психологии, философии и лингвистики. Название «меметика» было предложено американским физиком Д. Хофштадтером в сборнике статей «Methamagical Themas: Questing for the Essense of Mind and Pattern» [3, p. 75]. В 1988 г. понятие «мем» стало словарной дефиницией в Великобритании и США и было занесено в словарь Merriem-Webster. Мем определялся как «элемент культуры или системы поведения, передающийся от одного индивидуума к другому посредством имитации или другим негенетическим способом» [4].

С развитием компьютерных технологий и телекоммуникационной сети Интернет понятие «мем» претерпело любопытную трансформацию: с одной стороны, сфера употребления мема была значительно расширена благодаря развитию компьютерно-опосредованной коммуникации, с другой стороны, понятие «мем» для большинства людей стало тождественным понятию «интернет-мем». Согласно Л. Шифман, большая часть интернет-пользователей определяет интернет-мем как «распространение таких элементов контента, как шутки, слухи, видео или сайты от одного пользователя к другому посредством Интернета» [5, p. 362].

Методология и источники. В данной статье в ходе аналитического обзора трудов ведущих специалистов в области медиадискурса, когнитивной лингвистики и меметики определяются актуальные направления исследования ИМ в современной лингвистике. На первом этапе анализируются дефиниции ИМ, используемые в различных областях гуманитарных наук, ставится вопрос о необходимости разграничения понятий «мем» и «интернет-мем». На втором этапе проводится обзор материалов, описывающих основные методы исследования ИМ, типологии и сущностные параметры ИМ. Особое внимание уделяется интертекстуальности как основополагающей характеристике ИМ.

Методологической базой послужили работы отечественных и зарубежных исследователей в области медиакommunikаций, медиалингвистики, когнитивной лингвистики, меметики: Е. В. Трошенковой [1], Р. Докинзс [2], Л. Шифман [5], С. Блэкмор [6], Н. А. Зиновьевой [7], Б. Дэнсижер и Ванделанотте [8], С. В. Канашиной [9–11], Е. А. Глазковой [12], Ю. В. Щуриной [13], А. В. Изгаршевой [14] и др.

Вопрос о разграничении понятий «мем» и «интернет-мем» представляется актуальным для настоящего обзора в связи с необходимостью определения предмета исследования непосредственно лингвистических наук. Р. Броуди в книге «Психические вирусы. Как программируют ваше сознание» утверждает, что «понятие мема играет центральную роль в новой парадигме социокультурных наук. В рамках данной новой парадигмы мы рассматриваем культурную эволюцию с точки зрения самого мема, а не с точки зрения индивидуума или общества» [15, с. 28]. В своей книге Р. Броуди приводит психологическое определение мема по Г. Плоткину: «Мем является единицей культурной наследственности, аналогичной гену. Мем – это внутренняя репрезентация знания, их существование приводит к определенным последствиям во внешнем мире» [15, с. 30]. Сам Броуди определяет мем как «единицу информации,

которая содержится в сознании. Мем воздействует на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникло большее количество его копий» [15, с. 36]. Когнитивист Д. Дэннет в книге «*Mememes and the exploitation of imagination*» определяет мем как комплексную идею, которая формирует себя в виде чего-то определенного и запоминаемого. Мем распространяется посредством орудий – физических проявлений мема [16, р. 127]. Основатель онтопсихологии А. Менегетти считает мем элементарной единицей информации, способной повторять себя, размножаться в параллельных или ей подобных системах, устанавливающей бесконечные связи [17, с. 4]. Исследователь и популяризатор теории мемов С. Блэкмор дает следующее определение: «Мем представляет собой единицу культурной информации, воспроизводимую путем подражания» и расширяет представления Р. Докинза о мемах в книге «*The meme machine*», утверждая, что «многие аспекты человеческой природы могут быть гораздо лучше объяснены с помощью теории мемов, нежели любой другой существующей теорией» [6, р. 25]. В качестве иллюстрации функционирования мемов в обществе исследователь приводит песни, идеи, крылатые фразы, моду, орудия труда, религиозные убеждения и т. д., подчеркивая реплицируемость и воспроизводимость мемов. Отмечая факт появления термина «мем» в Оксфордском словаре в 1998 г., С. Блэкмор говорит о том, что с помощью Интернета мемы «могут распространяться намного дальше и намного быстрее, чем когда-либо до этого» [6, р. 198]. Обзор вышеупомянутых работ демонстрирует, что с момента появления термина «мем» основоположники и последователи теории меметики рассматривают данный концепт в самом широком смысле, делая его частью эволюции культуры и человеческого сознания. Таким образом, в зависимости от области науки, рассматривающей мем в качестве объекта исследования, мем может воспроизводиться как определенное поведение, идея, звук, слово.

С момента публикации работ Р. Докинза (1976), С. Блэкмор (1999) и других исследователей мема термин вышел за пределы исключительно научной сферы использования по причине развития интернет-коммуникации, социальных сетей, блогов и т. д. К. Кастано Диас в статье «*Defining and characterizing the concept of Internet Meme*» утверждает, что интернет-мем представляет собой новый тип мема, «близкий по определению к мемам Р. Докинза, но обладающий особыми характеристиками за счет способа передачи и скорости репликации» [18, р. 83]. В данном исследовании автор рассматривает эволюцию понятий «мем» и «интернет-мем», подчеркивая их преемственность, и ставит целью утвердить функциональное определение ИМ. К. Кастано Диас отмечает отсутствие единого определения термина «интернет-мем» в научном сообществе, что затрудняет и ограничивает дальнейшие исследования данного явления [18, р. 83]. В статье автор проводит анализ существующих подходов и выводит свое определение мема: «... единица информации, которая может быть изображением, шаблоном, правилом или символом. Другими словами, данная единица имеет содержание и структуру, которые реплицируются путем передачи через канал коммуникации (от одного адресата к одному, от одного к нескольким или от нескольких к нескольким). Для передачи требуется носитель (канал) и агент» [18, р. 96]. Мем, согласно автору, не является интерактивным, т. е. не требует наличия обратной связи. Далее, основываясь на данном определении, К. Кастано Диас определяет интернет-мем как «единицу информации (идея, понятие, убеждение), которая реплицируется через Интернет (электронную почту, чат, форум, социальные сети) в форме гиперссылки, видео, изображения или фразы. Он может быть точно скопирован или

изменен. Меняться может как структура ИМ, сохраняя неизменным содержание, так и наоборот. ИМ зависит как от отправителя, так и от социального контекста: адресант выступает в роли фильтра и решает, какая информация может быть передана. ИМ может быть интерактивным (подобно игре), а участники коммуникации оказываются вовлечены в его создание. ИМ может быть создан искусственно (в рамках вирусного маркетинга) или возникнуть спонтанно (как реакция на событие, произошедшее офлайн). Цель ИМ – стать хорошо узнаваемым и получить распространение [18, р. 97]. В завершение исследования К. Кастано Диас заключает, что концепт «мем» не является статическим. Несмотря на то, что определение, предложенное Р. Докинзом используется наиболее часто, понятие «мем» продолжает эволюционировать и представлять интерес для изучения в рамках теории коммуникации, гуманитарных и социальных наук. Согласно автору, понятие «интернет-мем» «идеально встраивается» в теорию мемов, демонстрируя определенные характеристики, присущие исключительно интернет-мему [18, р. 102–103].

Отечественный филолог М. Кронгауз описывает отличие ИМ от мема в статье «Мемы в интернете: опыт деконструкции»: «Хотя понятие интернет-мема и восходит к мему Докинза, но все же значительно отличается от него. Под интернет-мемом подразумевается любая, но короткая информация (слово или фраза, изображение, мелодия и т. п.), мгновенно и неожиданно ставшая модной и воспроизводящаяся в интернете, как правило, в новых контекстах или ситуациях. Таким образом, для интернет-мема главную роль играет популярность (что можно сравнить с плодовитостью по Докинзу), а также коммуникативная экспансия» [19, с. 128]. М. А. Кронгауз отмечает, что «интернет-мем популярнее своего научного источника (авторства Докинза) и часто смешивается с ним хотя бы потому, что ради простоты и экономии в этом слове отбрасывается первая часть (интернет-), и внешнее совпадение становится полным. Я буду поступать так же – писать просто мем, но в дальнейшем имеются в виду исключительно интернет-мемы» [19, с. 128]. Следует отметить, что подобное разграничение двух понятий встречается в исследованиях редко, однако играет крайне важную роль и помогает избежать терминологической путаницы. В зависимости от сферы и задач исследования предметом изучения может стать как общий концепт «мем» в том виде, в котором его рассматривал Р. Докинз и его последователи, так и непосредственно явление «интернет-мем» как элемент компьютерно-опосредованной коммуникации. В рамках лингвистического подхода интерес для исследователей представляет интернет-мем как явление, демонстрирующее динамические изменения в языке, социокультурную специфику коммуникантов, прагмалингвистические особенности использования интертекстуальности, языковой игры и юмора.

Отечественные и зарубежные лингвисты уделяют пристальное внимание функционированию интернет-мемов в интернет-дискурсе. С. В. Канашина определяет интернет-мем как «комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершённую единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке» [9, с. 85]. В статье «Что такое интернет-мем?» С. В. Канашина утверждает, что «опираясь на теорию Р. Докинза, к интернет-мемам можно отнести любую единицу культурной информации, передающуюся от человека к человеку в интернет-среде, например, шутки, видео и т. д.», отмечая, что «данный широкий подход к определению интернет-мема имеет право на существование и встречается в научной и научно-популярной литературе. Однако стереотипное, устоявшееся по-

нимание интернет-мема широкой публикой предполагает именно единицы интернет-коммуникации, сочетающие текст и картинку в квадратной рамке» [9, с. 86].

В самом узком смысле интернет-мем понимается как креолизованный текст, сопровождаемый графическим изображением и заключенный в определенную форму. В более широком понимании к интернет-мемам также относят короткие видеоролики, сопровождаемые вербальной информацией, gif-изображения, фотоколлажи и т. д. В широком смысле Е. А. Глазкова относит к мемам «короткие, получившие популярность, образцы сетевого фольклора» [12, с. 222]. По ее мнению, популярность мемов может быть достигнута с помощью двух основных способов: первый – это необычная вербальная или невербальная репрезентация идеи, привлекающая внимание либо графическим изображением, либо использованием лингвистических приемов, таких как языковая игра, намеренное искажение лексем или порядка слов; второй – отклик на актуальное событие или слова реальной персоны. Исследователь отмечает, что, в отличие от фразеологических единиц, мем всегда «имеет сохранившуюся связь с источником своего появления», которую может отследить современный носитель языка, чего нельзя сказать об этимологии фразеологизма [12, с. 224]. Данные способы могут репрезентироваться по отдельности или вместе, однако успех мема (под которым здесь понимается рост популярности, перевод на другие языки, реплицируемость) во многом зависит от правильной интерпретации, в которой большую роль играет общая осведомленность адресата о событиях, происходящих в мире. Нередки случаи, когда пользователь Интернета узнает о каком-либо знаковом событии или явлении именно из интернет-мема, а не из ленты новостей, передаваемой традиционными средствами массовой информации (телевидение, радио, газеты). Мемы, актуализирующие чрезвычайные происшествия и факты с помощью прецедентных графических изображений (киногерои, политики, актеры) и шаблонных фраз, могут быть верно истолкованы большим кругом пользователей, в отличие от мемов, в которых вербальная составляющая выражается с помощью лингвистических трансформаций, переосмыслений фразеологизмов и т. д. Верная интерпретация языковой игры или интертекстуальных отсылок может быть ограничена как кругом носителей языка, так и субкультурой или профессиональным сообществом в случае использования терминологии или жаргона. О причинах большей сложности интерпретации интертекстуальной игры пишет Д. Здункевич-Единак: «Во-первых, в случае интернет-мемов игра обращается к двум знаковым системам – вербальной и иконической. Во-вторых, распознавание интертекстуальных связей требует необходимости уловить отсылки не только к сетевым мемам, но и к текстам вне Сети» [20, р. 59].

А. М. Олешкова описывает интернет-мем как «семиотический комплекс, полимодальный феномен, характеризующийся особыми дискурсивными признаками», способный усилить социокультурную интеграцию в обществе путем включения «субъектов единомышленников в единое семиотическое пространство» [21, с. 164]. Учитывая тот факт, что коммуникационная сеть Интернет стала доступна широкому кругу пользователей не так давно, важно отметить, что еще 30 лет назад доступ к онлайн-форумам и сообществам был лишь у относительно небольшого числа людей, принадлежащим главным образом к профессиональному сообществу компьютерных специалистов. Ироничные высказывания, остроумные картинки, созданные в таких условиях, превращались в мем (в широком его понимании), транслируемый из онлайн-

среды в офлайн-среду. На сегодняшний день открытость телекоммуникационной сети способствует взаимопроникновению мыслей и идей, в результате чего интернет-мем, созданный в рамках рекламной или политической кампании, может подвергнуться трансформации и «завируситься» в новом, более актуальном контексте, понятном большему кругу людей.

Н. А. Зиновьева определяет интернет-мемы как «информационные продукты, обладающие своей спецификой: их социокультурные коды могут трансформироваться, порождать новые интерпретации события, персоны, исторического факта» [7, с. 10]. По мнению ученого, мемы как элементы культуры и как информационные продукты играют роль в разных видах культурного воспроизводства, включая «производство форм и языков социальной коммуникации». Интернет-мемы участвуют в изменении языка и создании новояза [7, с. 10]. Исследователь выделяет сегмент мемов-идиом, которые маркируют, называют те или иные явления, практики, группы людей, идеи [7, с. 15]. Л. Ш. Мигранова и Е. И. Кромина определяют интернет-мем как средство коммуникации, подчеркивая его коммуникативные возможности в онлайн-общении [22, с. 239].

В зарубежных исследованиях интерес к изучению феномена интернет-мема появился значительно раньше, чем в отечественных работах, и часто представляет собой междисциплинарный подход в рамках социологии, медиадискурса и меметики. Интересно отметить взгляд Б. Виггинса и Д. Бауэrsa на интернет-мем как на «жанр, а не средство онлайн-коммуникации». По их определению, мемы являются артефактами совместной цифровой культуры [23, р. 11]. В рамках лингвистического подхода стоит обратить внимание на определение Р. Милнера: «Интернет-мемы – это мультимодальные тексты, которые упрощают причастность к чему-либо путем переосмысления, сочетая зафиксированную идею с новым значением» [24]. Изучению мультимодальности как неотъемлемой характеристики интернет-мемов посвящены работы Б. Дэнсигера, Ч. Форсвилля, Р. Милнера и др. В результате проведенного анализа можно заключить, что понятие «мем» является основополагающим концептом, которое стало научным обоснованием понятия «интернет-мем», однако они различаются сферой применения и характером распространения. Таким образом, многие исследователи склонны отождествлять понятия «мем» и «интернет-мем», однако в ряде случаев следует разграничивать данные понятия. Оба термина связаны с передачей идей, культурных феноменов, значимых единиц информации, однако мем в общем смысле может включать в себя устные традиции и поведенческие модели и существовать вне цифровой среды. Интернет-мем входит в подкатегорию мемов, которая связана исключительно с интернет-пространством, необходимым для создания, распространения и модификации ИМ. Такие мемы представляют собой текстовые, визуальные или видеосообщения, которые стремительно распространяются в цифровой среде, т. е. обладают вирусной природой и способностью быстро трансформироваться.

Результаты и обсуждение.

Интернет-мем: направления исследований. Очевидно, что основным вектором исследования интернет-мемов в рамках лингвистического подхода является когнитивный дискурс-анализ ИМ как полимодального текста, репрезентирующего актуальные социальные, политические события и явления, рекламные стратегии и межличностные отношения в определенных социальных группах. Помимо непосредственно лингвистического анализа текста, анализ ИМ интересен с точки зрения когнитивной лингвистики, социолингвистики и психолингвистики.

И. В. Рогозина и М. Ю. Бухнер в статье «Мем-дискурс как объект лингвокогнитивного моделирования» вводят понятие «мем-дискурса» – «одной из востребованных форм интернет-коммуникации», и проводят прикладное исследование, направленное на определение роли ИМ в интернет-общении студентов. Основными выводами, к которым приходят авторы, являются: во-первых, важность ИМ как компонента социокультурного воздействия, основным результатом которого является создание позитивного социального пространства и контекст; во-вторых, наличие зависимости позитивного контекста от взаимопонимания между коммуникантами [25, с. 172]. Данные выводы подтверждают идеи о важности распознавания интертекстуальных отсылок и общего информационного поля, обнаруживаемые в работах зарубежных исследователей. Однако стоит отметить, что наличие сходных фоновых знаний, хотя и является желаемым, не всегда будет создавать помеху для ИМ по достижению задуманного воздействия на адресата.

В настоящее время исследователями предпринимаются попытки типологизация ИМ. Выбор типологизации мемов представляется важным в рамках изучения особенностей функционирования интернет-мемов. В качестве основания для классификации Ю. В. Щурина предлагает следующие критерии: 1) способ выражения мема (вербальный, невербальный или гибридный); 2) источник возникновения мема; 3) структура мема. По способу выражения исследователь выделяет следующие типы «активно функционирующих в современном интернет-пространстве мемов: 1) текстовый мем; 2) мем-изображение; 3) медиа мем; 4) гиф; 5) креолизованный мем» [13, с. 87]. Текстовые мемы выражаются посредством слова, фразы или текстового фрагмента, известность которым может придать актуальное событие, новость, персонаж фильма и т. д. Мемы-изображения Ю. В. Щурина подразделяет на три разновидности: «узнаваемое изображение, в котором главное внимание обращено на визуальную часть, “фотожаба” – результат творческой переработки изображения при помощи графического редактора, и обобщенный образ, воплощающий представления о персонаже» [13, с. 87]. К медиа-мемам автор относит комические видеосюжеты, отличительной чертой которых указывает «возможность неоднократного воспроизведения, повторного неоднократного просмотра». Гифы (gif), анимированные изображения, как правило, фиксируют эмоциональную реакцию вследствие чего часто используются в комментариях [13, с. 87]. Креолизованный мем Ю. В. Щурина относит к разновидности креолизованных текстов, основанных на сочетании вербальной и невербальной составляющих. По структуре исследователь выделяет следующие типы: 1) двусоставные мемы; 2) компаративные мемы; 3) метамемы. Согласно автору, двусоставные мемы являются наиболее распространенными в современной коммуникации и представляют собой «двухчастное высказывание, вступающее в сложные смысловые отношения с визуальным материалом» [13, с. 87]. Компаративные мемы представляют собой сопоставление нескольких изображений, объектов. Метамемы отличаются от вышеописанных типов сложностью идентификации и интерпретации, так как отсылают адресата к другим мемам и обыгрывают существующие структурные типы мемов [13, с. 89].

А. Г. Квят рассматривает мемы как инструмент политического пиара и типологизирует их на основе представления в медиапространстве: 1) речевые клише (цитаты, паремии); 2) визуальные и аудиовизуальные объекты (фотографии, рисунки, видеоролики) 3) образы реальных или вымышленных персонажей медиапространства; 4) бренды компаний или това-

ров; 5) тематические доминанты медиапространства (Олимпиада, Евровидение) [26]. Интересно отметить, что автор использует термин «мем», к которому относит первые три приведенные разновидности, говоря не только о видеороликах. Таким образом, существующие типологизации ИМ могут иметь принципиальные различия.

В диссертационном исследовании А. В. Изгаршевой, посвященном лингвистической интерпретации ИМ, подчеркивается важность взаимовлияния вербального и визуального компонентов. Автор выделяет четыре базовые модели: 1) вербально-визуальная модель с преобладающими свойствами вербального компонента – визуальный фрагмент при этом совпадает и «гармонирует» с вербальным; 2) визуально-вербальная модель, лидирующую позицию в которой занимает визуальный фрагмент, при этом либо «смягчает» вербальное воздействие, либо «ожесточает» его, либо полностью заменяет; 3) вербально-нулевая модель, в которой визуальный фрагмент не несет в себе никаких функций или полностью отсутствует; 4) визуально-нулевая модель, в которой вербальный компонент не определен и не выполняет никаких функций по заявленным категориям либо полностью отсутствует, но при этом все функции успешно выполняются визуальным фрагментом [14]. В рамках работы Е. А. Изгаршева выделяет дополнительные шаблоны ИМ: «строка поиска», «диаграмма», «Мем-картина», «Стоп-кадр», «сообщение/переписка», «Твит», «Мем-изображение», отмечая лингвистические особенности, присущие каждому шаблону [14].

Н. А. Зиновьева предлагает типологию, основанную на принципе дихотомий, «претендующую на описание любого интернет-мема и его воздействия на аудиторию».

1. Источник мема. Дихотомия истина–ложь. Здесь автор противопоставляет «истинные/самозарождающиеся мемы» (созданные пользователями Интернета и получившие популярность естественным путем) «ложным» мемам (созданным с коммерческой, рекламной целью, распространяемым искусственным образом). К данному типу мемов автор относит большую часть современных ИМ. Интересно отметить, что, согласно Н. А. Зиновьевой, использование самозародившихся мемов в маркетинговых целях, а также создание рекламных и PR-посланий в форме мемов можно назвать ложными мемами. Намеренное распространение истинных мемов с целью извлечения коммерческой выгоды получило название «форсирование».

2. Объект реальности, требующий отражения. Дихотомия персонаж–событие (идея). Данный тип мемов основывается на конкретном персонаже или событии, репрезентация которых позволяет пользователям получить интерпретацию какой-либо идеи, взглянуть на событие под другим углом.

3. Апелляция к уровню включенности в культуру. Дихотомия традиция–инновация. В одном случае данный тип мемов отсылает адресата к «некому общему прошлому или новостям»: фразам из фильмов, типичному опыту людей определенного поколения. Для понимания таких мемов необходимо разделять их опыт или иметь соответствующие культурные знания. Такие мемы заставляют пользователей вспомнить свой собственный опыт или уже укорененные стереотипы. Во втором случае мем репрезентирует актуальное событие, внезапный флешмоб, фразы из новых фильмов.

4. Смысловые доминанты. Дихотомия фон–фигура. Данный вид использует изображения представителей интернет-культуры, вызывающие определенные ассоциации, или различные фоны для придания смысла вербальной составляющей мема.

5. *Форма отображения. Дихотомия изображение–текст.* «Смысл этой дихотомии не в определении смысловых доминант, а в определении того, что именно является мемом – реплицирующимся, узнаваемым элементом культуры» [27, с. 199].

6. *Эффект воздействия. Дихотомия мысль или действие.* Последний тип мемов разделяется на «мемы-мысли», целью которых является выражение отношения к происходящему, и «мемы-действия», побуждающие адресата повторить изображенное в меме действие [27, с. 197].

Исследователь цифровых медиа и популярной культуры Л. Шифман разделяет мемы на фото и видео (по форме выражения) и на эмоциональные реакции, персонажей и фотоколлажи (по форме содержания) [5, р. 367]. В последнее десятилетие зарубежные исследователи отдельно выделяют форму ИМ, называемую *Image macros* (макрос изображения) – неподвижные графические изображения, сопровождаемые вербальной составляющей, проводя таким образом разграничение между общим понятием «интернет-мем», включающим в себя разнообразные формы выражения (фото, гиф-изображение, аудио, видео, и т. д.) и непосредственно изображением с наложенным на него текстом [28]. В отечественных работах данный тип мема соотносится с типом «мем-изображения» [13].

В результате обзора работ, освещающих типологию ИМ, можно выдвинуть предположение, что создание унифицированной типологии, с одной стороны, представляет актуальную проблему, а с другой – представляется весьма маловероятным в силу многоаспектности и быстрой изменчивости ИМ. Анализ работ отечественных исследователей демонстрирует тенденцию к учету многофакторности при выделении разных типов мемов, что менее характерно для зарубежных классификаций. Стоит отметить, что необходимость создания единой типологии может оказаться под вопросом, так как ИМ могут изучаться для решения различных задач, с использованием разных методов, в связи с чем может быть целесообразной разработка классификации для каждого конкретного анализа.

Завершая обзор типологий ИМ, следует отметить, что зарубежные исследователи подчеркивают важность создания *методологии* для осуществления визуального и дискурс-анализа ИМ. Д. Джорджи посвящает проблеме типологии и анализа ИМ главу в книге «Research on Advanced Research Methodologies for a Digital Society» [28]. По мнению исследователя, сегодня существует мало рекомендаций по эмпирическому изучению мемов. Другой проблемой в их изучении, по мнению Д. Джорджи, является быстрое устаревание информации, а также фокус на изучении «вручную отобранных» примеров («cherry-picked examples»), что затрудняет обзор всех форм ИМ, существующих в Сети [28, р. 627]. Д. Джорджи предлагает комбинированный подход к изучению ИМ, включающий в себя: 1) цифровые методы; 2) визуальные методы; 3) дискурс-анализ. В рамках предложенного подхода все ИМ делятся на восемь категорий в зависимости: 1) от темы (открытая категория, указывающая на тематическую принадлежность ИМ); 2) общего строения («однокомпонентный», «многокомпонентный»); 3) наличия или отсутствия текста; 4) текстового шаблона; 5) степени модификации (изображения или текста); 6) визуальных отсылок; 7) текстовых отсылок; 8) иронии (семантической или эхоичной) [28, р. 636].

Одним из наиболее актуальных направлений исследований в русле лингвокогнитивного подхода является дальнейшая *разработка типологий ИМ с учетом области их функционирования* (политический, рекламный, научный или повседневный дискурс) и постоянно меняю-

щихся трендов в образовании ИМ. Язык интернет-коммуникации может по праву считаться одним из самых активных видов дискурса, что делает его актуальной областью изучения для разных областей лингвистики. Б. Дэнсижер и Л. Ванделанотте в статье «Internet memes as multimodal constructions» отмечают, что наиболее подходящим фреймворком для анализа и типологизации ИМ является грамматика конструкций (Construction Grammar/C&G), так как данный фреймворк имеет потенциал для расширения с учетом рассматриваемых мультимодальных свойств мема [8, р. 566]. Грамматика конструкций – это синтаксическая теория, одним из базовых принципов которой является отрицание «четкой границы между грамматикой и словарем», а также «перенесение центра внимания на подвижность, изменчивость лексического значения отдельных единиц словаря под воздействием их непосредственного окружения» [29, с. 8]. По утверждению Д. О. Добровольского, в рамках теории C&G следует отказаться от статичного подхода к языку, согласно которому высказывания строятся из лексических единиц с фиксированным значением по определенным грамматическим правилам. В противоположность данному взгляду грамматика конструкций подчеркивает динамический характер порождения высказывания, т. е. «неэлементарные составляющие строятся из элементов, с одной стороны, чувствительных к своему окружению, а с другой – влияющих на сам способ построения синтаксических групп» [29, с. 8]. Такой подход к языку превращает в основные единицы языка не лексемы и правила, а конструкции разной сложности. Грамматика конструкций всегда изучалась в тесной связи с теорией фразеологии и синтаксисом, и на сегодняшний день существует большое количество подходов к трактовке данной теории. По мнению Д. О. Добровольского, грамматика конструкций является полезным инструментом для исследования языковых явлений, которые «плохо поддаются анализу в рамках традиционных подходов» [29, с. 8]. Таким образом, вербальная составляющая интернет-мема или макроса изображения, несомненно, становится одним из актуальных объектов изучения грамматики конструкций по причине переменчивости и зависимости от окружающих конструкций.

Б. Дэнсижер и Л. Ванделанотте утверждают, что мемы создают новые лингвистические (мультимодальные) конструкции и, таким образом, могут быть определены как *конструкции* в рамках теории грамматики конструкций [8, р. 565]. В зависимости от окружения конструкции (в ИМ окружением будут являться изображения, отдельные слова, словосочетания или высказывания) значение отдельных лексем может меняться: от первичного для понимания до малозначимого (по причине передачи основного смысла с помощью графических средств). Согласно описанию Б. Дэнсижер и Л. Ванделанотте, типичный мем (Image macros) состоит из трех элементов: фоновое изображение, верхний текст (top text или ТТ), являющийся, как правило, шаблонным и легко узнаваемым, и нижний текст (bottom text или ВТ), который часто передает заключительную фразу (punch line) мема. В качестве примера подобных ИМ Б. Дэнсижер и Л. Ванделанотте в своей статье рассматривают следующие лингвистические шаблоны: *Said no one ever, One does not simply, Good girl Gina, Scumbag Steve и The when*, в которых значение элементов напрямую зависит от их взаимосвязи [8, р. 568].

Необходимость исследования лингвистических структур и шаблонов ИМ объясняется теми же причинами, по которым следует исследовать компьютерно-опосредованный дискурс в целом. Поликодовые тексты надолго закрепились на всех уровнях интернет-дискурса. Большая часть ИМ создается в англоязычном медиaprостранстве, что, с одной стороны, мо-

жет отражать процессы реальных и гипотетических изменений в языке, с другой стороны, расширяет и без того значительное влияние английского на другие языки мира. Нельзя переоценить значение использования ИМ для направленного воздействия на участников коммуникации в сфере рекламы и политики. Помимо этого, ИМ предоставляют возможность получения практически мгновенного ответа от аудитории, что, в свою очередь, помогает выявить наиболее эффективные дискурсивные модели для их дальнейшего использования.

В эссе «“I has seen Image Macros!” Advice Animals memes as visual-verbal jokes» М. Дайнел рассматривает прагмакогнитивные механизмы, подкрепляющие юмористическую составляющую мемов, которую автор относит к категории Advice Animals (подвид макроса изображения, содержащий изображение животного и вербальную составляющую) [30, p. 661]. М. Дайнел описывает одну из основных отличительных черт, рассматриваемых ИМ, выделяющую его среди иных составляющих интернет-дискурса – употребление намеренно искаженных слов, просторечий и грамматически неверных конструкций, и отмечает, что подобная особенность может являться ключевым элементом ИМ [30, p. 661]. В эссе затрагивается проблема разграничения ИМ и так называемого вирусного контента (*viral*). Основываясь на определениях ИМ, данных Л. Шифман и другими исследователями, М. Дайнел подчеркивает, что возможность трансформироваться и модифицироваться с целью дальнейшего распространения является главной отличительной характеристикой ИМ, так как вирусный контент (фото или видео) распространяется в медиaprостранстве в неизменной форме и относительно быстро теряет актуальность.

Основой для типологизации и выбора верного метода исследования ИМ, помимо сферы функционирования, могут стать выполняемые мемом функции и базовые характеристики. Одной из ключевых особенностей ИМ является невозможность его существования вне глобальной сети Интернет. Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что ИМ является частью медиадискурса и, следовательно, обладает функциями и характеристиками, присущими данному виду дискурса. С. В. Канашина в автореферате «Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации» проводит анализ прагматических функций мема и описывает аффективную, когнитивную, манипулятивную, образовательную и развлекательную функции ИМ, отмечая, что «облигаторными функциями для интернет-мема являются аффективная и когнитивная функции, а остальные функции – опциональные» [10, с. 12].

А. В. Изгаршева выделяет гипертекстуальность, полимодальность, подвижность и диалогичность среди важнейших типичных признаков текстов в Интернете [14]. Помимо первостепенных признаков, для ИМ характерна «подвижность, гипертекстуальность, постепенно переходящая в интертекстуальность, полимодальность, монологичность/диалогичность» [14, с. 10]. По мнению А. В. Изгаршевой, ИМ относится к элементу коммуникации фольклорного типа, в связи с чем обладает особенностями, присущими народному творчеству: «Безавторство, широкая распространенность, выражаемая в функционировании различных форм фольклора (вариантов), вариативность, творчески-эстетическая основа» [14, с. 10]. С. В. Канашина также относит ИМ к медиатекстам и отмечает такие характеристики, как вирусность, реплицируемость, эмоциональность, серийность, мимикрию, минимализм формы, полимодальность, актуальность, юмористическую направленность, медийность,

фантазийный характер ИМ [10, с. 14]. В данном контексте стоит упомянуть, что, в отличие от традиционного письменного текста, являющегося законченным произведением, ИМ представляет собой текст, открытый к преобразованиям как вербальной, так и невербальной его составляющей. С развитием и изменением компьютерно-опосредованной коммуникации ИМ может приобретать дополнительные особенности и характеристики.

Одной из основополагающих характеристик ИМ, отмечаемой подавляющим большинством исследователей, является интертекстуальность. С. В. Канашина рассматривает интертекстуальную природу ИМ в статье «Интертекстуальность как текстовая категория в Интернет-мемах». По мнению автора, «в отличие от художественного дискурса, в котором интертекстуальность тесно связана с эстетикой текста, в компьютерно-опосредованном дискурсе интертекстуальность выступает функциональной категорией, обеспечивающей бытование множества интернет-текстов, переплетенных интертекстуальными связями в рамках гигантского гипертекста – интернета» [11, с. 134].

Е. А. Уварова в статье «Интертекстуальность как структурно-композиционная основа интернет-мема» [31] рассматривает основные приемы выражения интертекстуальности в ИМ, используя понятийный аппарат, разработанный В. П. Москвиным [32]. Е. А. Уварова утверждает, что интертекстуальность является базовым структурным свойством современного интернет-мема наряду с поликодовостью. По словам автора, «традиционные приемы, формирующие интертекст, модифицируются под воздействием категории комического. Приемы, способствующие интертекстуальности, раскрываются в интернет-меме посредством вспомогательных стилистических приемов, самыми яркими из которых являются контраст, метафора, фотомонтаж» [31, с. 380]. В статье также отмечается образовательный потенциал ИМ, что является интересным аспектом для дальнейшего изучения.

Важно отметить, что любой структурный компонент ИМ может содержать интертекстуальные отсылки: имя собственное, название, фото, фрагмент видео или аудио. В ходе непрерывной трансформации интернет-контента некоторые ИМ могут становиться источником возникновения новых мемов. Е. В. Троценкова в статье «Реутилизация старых мемов в контексте новых инфоповодов» рассматривает деконтекстуализацию ИМ и возможность повторного использования мемов в иных/новых контекстах, что, в свою очередь, превращает мем в прецедентный текст [1, с. 31]. В работе ставится вопрос об определении «границ мема как отдельной поликодовой сущности, бытующей в современном медиадискурсе» и утверждается необходимость изучать ИМ как открытую систему компьютерно-опосредованного дискурса, а не как отдельную единицу коммуникативного процесса [1, с. 41]. Таким образом, каждый новый ИМ, создаваемый отдельным интернет-пользователем или группой пользователей, может отсылать адресата не только к событиям или явлениям, но и к другим мемам. Помимо этого, «пользователь может использовать мем, созданный кем-то как реакцию на одно событие, в собственных комментариях по поводу совершенно иного события» [1, с. 34]. Согласно Е. В. Троценковой, основой развития мема являются «свойства принципиальной незавершенности и коллажности продукта», способствующие разнообразным трансформациям его формы и содержания, результатом которых становится «комплексная, развивающаяся во времени и самоподдерживающаяся языковая игра, вовлекающая большое количество разных пользователей, часто на различных коммуникативных площадках» [1, с. 41]. Изучение

упомянутых трансформаций, реутилизации старых ИМ, а также языковой игры, несомненно, является перспективным направлением для лингвокогнитивных исследований мемов.

Заключение. Проведенный анализ позволил установить, что первоначальное определение мема, возникшее вне какой-либо связи с компьютерно-опосредованным дискурсом, и современное понимание интернет-мема содержат единую идею передачи идеи, информации от человека к человеку путем имитации или копирования. Можно заключить, что интернет-мем как поликодовый текст является одним из аспектов многогранного концепта «мем», изучением которого занимаются такие науки, как психология, философия, социология, лингвистика и меметика. Мем и интернет-мем соотносятся как общее и частное. Анализ публикаций продемонстрировал, что разграничению понятий «мем» и «интернет-мем» уделяется мало внимания, что может послужить основой для расширения области исследования. Зарубежные ученые отмечают макрос изображения как главенствующий тип мема и подчеркивают важность разработки актуальных типологий и подходов к анализу вербальной и невербальной составляющих ИМ. Классификации ИМ, предлагаемые отечественными исследователями, в целом более детальны. Наиболее продуктивными методами изучения ИМ можно считать дискурс-анализ и грамматику конструкций. К перспективным направлениям исследования ИМ можно отнести структуру и способы образования наиболее продуктивных языковых моделей, зависимость лингвистических конструкций от невербальной составляющей, влияние преднамеренного использования грамматических и синтаксических ошибок на эффективность воздействия мема. Особо стоит выделить актуальность изучения интертекстуальности, которая является центральным смысловым компонентом ИМ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Троценкова Е. В. Реутилизация старых мемов в контексте новых инфоповодов // Язык. Коммуникация. Общество: электрон. науч. журн. 2023. № 4 (4). С. 31–42.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
3. Hofstadter D. R. *Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern*. NY: Basic Books, 1985.
4. The History of "Meme" // Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/meme-word-origins-history> (дата обращения: 12.10.2024).
5. Shifman L. Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker // *J. of Computer-Mediated Communication*. 2013. Vol. 18, iss. 3. P. 362–377. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12013>.
6. Blackmore S. *The meme machine*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.
7. Зиновьева Н. А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов: автореф. дис. ... канд. социол. наук // СПб. СПбГУ, 2016.
8. Dancygier B., Vandelandotte L. Internet memes as multimodal constructions // *Cognitive Linguistics*. 2017. Vol. 28, no. 3. P. 565–598. DOI: 10.1515/cog-2017-0074.
9. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277), вып. 36. С. 84–90.
10. Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 2016.
11. Канашина С. В. Интертекстуальность как текстовая категория в Интернет-мемах // *Известия ВГПУ*. 2019. № 7 (140). С. 133–138.
12. Глазкова Е. А. Мем как форма репрезентации реальности // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 12 нояб. 2020 г. / РУДН. Москва, 2020. С. 221–226.

13. Щурина Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестн. Черепов. гос. ун-та. 2014. № 6 (59). С. 85–89.
14. Изгаршева А. В. Лингвистическая интерпретация интернет-мема: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГОУ. М., 2021.
15. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание / пер. с англ. Л. В. Афанасьевой. М.: Поколение, 2007.
16. Dennett D. Memes and the exploitation of imagination // J. of Aesthetics and Art Criticism. 1990. Vol. 48, no. 2. P. 127–135. DOI: <https://doi.org/10.2307/430902>.
17. Менегетти А. Онтопсихология и меметика / пер. с итал. А. Менегетти. М.: НФ «Антонио Менегетти», 2016.
18. Castaño Díaz C. Defining and characterizing the concept of Internet Meme // CES Psicología. 2013. Vol. 16, no. 2. P. 82–104.
19. Кронгауз М. А. Мемы в интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. 2012. № 11. С. 127–132.
20. Zdunkiewicz-Jedynak D. Intertekstualność współczesnej komunikacji internetowej. Intertekstualne odwołania wewnątrzgatunkowe w memach // Poznańskie Spotkania Językoznawcze. 2016. Iss. 32. P. 57–73. DOI: [10.14746/psj.2016.32.5](https://doi.org/10.14746/psj.2016.32.5).
21. Олешкова А. М. Интернет-мем как способ воспроизводства культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 164–166. DOI: [10.24158/fik.2017.8.36](https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.36).
22. Мигранова Л. Ш., Кромина Е. И. Интернет-мем как особое средство коммуникации // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: материалы III междунар. науч.-практ. конф., Брянск, 5–7 нояб. 2015 г. / БГИТА. Брянск, 2015. С. 239–243.
23. Wiggins B. E., Bowers G. B. Memes as genre: a structurational analysis of the memescape // New Media & Society. 2014. Vol. 17, iss. 11. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444814535194>.
24. Milner R. Memes are Dead. Long Live Memetics // Culture Digitally. 27.10.2015. URL: <https://culturedigitally.org/2015/10/01-memes-are-dead-long-live-memetics-by-ryan-m-milner/> (дата обращения: 02.05.2024).
25. Рогозина И. В., Бухнер М. Ю. Мем-дискурс как объект лингвокогнитивного моделирования // Дискурс. 2023. Т. 9, № 3. С. 165–172. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-165-175>.
26. Квят А. Г. Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Медиаскоп. 2013. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1254> (дата обращения: 12.10.2024).
27. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // Вестн. экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 195–201.
28. Giorgi G. Methodological Directions for the Study of Memes // Research on Advanced Research Methodologies for a Digital Society / G. Punziano, A. D. Paoli (eds.). Hershey, PA: IGI Global, 2022. P. 627–663. DOI: [10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036](https://doi.org/10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036).
29. Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21. DOI: [10.31857/S0373658X0000999-7](https://doi.org/10.31857/S0373658X0000999-7).
30. Dynel M. "I has seen Image Macros!" Advice Animals memes as visual-verbal jokes // Int. J. of Communication. 2016. Vol. 10. P. 660–688.
31. Уварова Е. А. Интертекстуальность как структурно-композиционная основа интернет-мема // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Ч. 2. С. 371–382. DOI: [10.31862/2073-9613-2023-1-371-382](https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-1-371-382).
32. Москвин В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

Информация об авторах.

Сигаева Мария Сергеевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивные направления в лингвистике.

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 28.12.2024; принята после рецензирования 28.01.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.

REFERENCES

1. Troshchenkova, E.V. (2023), "Reutilization of Old Memes in the Context of Fresh Newsbreaks", *Language. Communication. Society: Digital scientific j.*, no. 4 (4), pp. 31–42.
2. Dowkinz, R. (2013), *The Selfish Gene*, Transl. by Fomina, N., AST: CORPUS, Moscow, RUS.
3. Hofstadter, D.R. (1985), *Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern*, Basic Books, NY, USA.
4. "The History of "Meme"", *Merriem-Webster Dictionary*, available at: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/meme-word-origins-history> (accessed 12.10.2024).
5. Shifman, L. (2013), "Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker", *J. of Computer-Mediated Communication*, vol. 18, iss. 3, pp. 362–377. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12013>.
6. Blackmore, S. (1999), *The meme machine*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
7. Zinovieva, N.A. (2016), "Translation of socio-cultural codes in the creation of an information product: analysis of Internet memes", Abstract of Can. Sci. (Sociology) dissertation, SPbSU, SPb., RUS.
8. Dancygier, B. and Vandelanotte, L. (2017), "Internet memes as multimodal constructions", *Cognitive Linguistics*, vol. 28, no. 3, pp. 565–568. DOI: 10.1515/cog-2017-0074.
9. Kanashina, S.V. (2017), "What is an Internet Meme?", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Humanities*, no. 28 (277), iss. 36, pp. 84–90.
10. Kanashina, S.V. (2016), "Internet meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication", Abstract of Can. Sci. (Philology) dis., MSLU, Moscow, RUS.
11. Kanashina, S.V. (2019), "Intertextuality as a text category in Internet meme", *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 7 (140), pp. 133–138.
12. Glazkova, E.A. (2020), "Meme as a Form of Representation of Reality", *Mass Media in a Multipolar World: Problems and Prospects, Proc. of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conf.*, Moscow, RUS, 12 Nov. 2020, pp. 221–226.
13. Shchurina, Yu.V. (2014), "Internet Memes: the Problem of Typology", *Cherepovets State Univ. Bulletin*, no. 6 (59), pp. 85–89.
14. Izgarsheva, A.V. (2021), "Linguistic interpretation of the Internet meme", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Moscow State Regional Univ., Moscow, RUS.
15. Brodie, R. (2007), *Virus of the Mind*, Transl. by Afanas'eva, L.V., Pokolenie, Moscow, RUS.
16. Dennett, D. (1990), "Memes and the exploitation of imagination", *J. of Aesthetics and Art Criticism*, vol. 48, no. 2, pp. 127–135. DOI: <https://doi.org/10.2307/430902>.
17. Meneghetti, A. (2016), *Onmopsicologia e Mememica*, Transl. by Meneghetti, A., Moscow, NF Antonio Meneghetti, RUS.
18. Castaño Díaz, C. (2013), "Defining and characterizing the concept of Internet Meme", *CES Psicología*, vol. 16, no. 2, pp. 82–104.
19. Krongauz, M.A. (2012), "Internet Memes: an Experience in Deconstruction", *Nauka i zhizn'* [Science and life], no. 11, pp. 127–132.
20. Zdunkiewicz-Jedynak, D. (2016), "Intertekstualność współczesnej komunikacji internetowej. Intertekstualne odwołania wewnątrzgatunkowe w memach", *Poznańskie Spotkania Językoznawcze*, iss. 32, pp. 57–73. DOI: 10.14746/psj.2016.32.5.

21. Oleshkova, A.M. (2017), "Internet Meme as a Means of Cultural Reproduction", *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 8, pp. 164–166. DOI: 10.24158/fik.2017.8.36.
22. Migranov, L.Sh. and Kromina, E.I. (2015), "Internet meme as a special means of communication", *Issues of Modern Philology and Problems of Language Teaching Methods: Proc. III Int. Scientific-Practical Conf.*, Bryansk, RUS, 5–7 Nov. 2015, pp. 239–243.
23. Wiggins, B.E. and Bowers, G.B. (2014), "Memes as genre: a structural analysis of the memescape", *New Media & Society*, vol. 17, iss. 11, pp. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444814535194>.
24. Milner, R. (2015), "Memes are Dead. Long Live Memetics", *Culture Digitally*, 27.10.2015, available at: <https://culturedigitally.org/2015/10/01-memes-are-dead-long-live-memetics-by-ryan-milner/> (accessed 02.05.2024).
25. Rogozina, I.V. and Buhner, N.Yu. (2023), "Meme Discourse as an Object of Linguocognitive Modelling", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 3, pp. 165–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-165-175.
26. Kvyat, A.G. (2013), "Media Meme as a Tool of Political PR: a Cognitive Approach", *Mediascope*, no. 1, available at: <http://www.mediascope.ru/node/1254> (accessed 12.10.2024).
27. Zinovieva, N.A. (2015), "Impact of Memes on Internet Users: Typology of Internet-memes", *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 1, pp. 195–201.
28. Giorgi, G. (2022), "Methodological Directions for the Study of Memes", *Research on Advanced Research Methodologies for a Digital Society*, Punziano, G. and Paoli, A.D. (eds.), Hershey, PA, IGI Global, pp. 627–663. DOI: 10.4018/978-1-7998-8473-6.ch036.
29. Dobrovolskij, D.O. (2016), "Construction Grammar and phraseology", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 3, pp. 7–21. DOI: 10.31857/S0373658X0000999-7.
30. Dynel, M. (2016), "'I has seen Image Macros!' Advice Animals memes as visual-verbal jokes", *Int. J. of Communication*, vol. 10, pp. 660–688.
31. Uvarova, E.A. (2023), "Intertextuality as a structural and compositional basis of the internet-meme", *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, no. 1, part 2, pp. 371–382. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-371-382.
32. Moskvina, V.P. (2011), *Intertekstual'nost': ponyatiinyi apparat. Figury, zhanry, stili* [Intertextuality: conceptual apparatus. Figures, genres, styles], 2nd ed., LIBROKOM, Moscow, RUS.

Information about the authors.

Maria S. Sigaeva – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: cognitive and discursive directions in linguistics.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 28.12.2024; adopted after review 28.01.2025; published online 21.04.2025.*

Original paper

УДК 81'42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-132-141>

Characteristics of Discourses of Helping Professions

Irina V. Shugaylo

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
vshugajlo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6613-6153>*

Introduction. The article examines the role of an agent of therapeutic influence and analyzes the features of discourses of helping professions (with their agents: psychologist, psychotherapist, doctor, teacher, shaman, lawyer) in modern therapeutic practices with clients in situations of various types of assistance. The purpose of this article is to analyze the varieties of the language of discourses of helping professions. The Russian linguist V.I. Karasik distinguishes medical discourse in the institutional discourses, and considers psychotherapeutic one as its variety. Meanwhile, at the present stage of the development of discourse analysis, it is possible to supplement some tactics and linguistic approaches to clients in the discourses of helping professions (DHP) in connection with the new paradigm of natural sciences – the complex consideration of a man as a biosocial, mass, cosmic being. Hence, therapists show the deep interest in the most ancient archaic types of discourse – magical, meditative, religious, etc.

Methodology and sources. The article is based on the main provisions of the theories of V.I. Karasik and Ten van Dijk. The methodological basis of the analysis carried out in the article were scientific works that deal with psychotherapeutic discourse (A.R. Markin, M.S. Grineva, E.V. Ermolaeva), medical one (M. Foucault, V.V. Zhura, O.A. Shesterikova, V.G. Silantieva), law discourse (M. Foucault, V.G. Ishchenko, M.S. Medvedeva, S.A. Zimina), pedagogical (E.T. Bulgakova, K.A. Vospishcheva, L.M. Osinovskaya), magical (G. Storms and F. Grandon, E.G. Ermolaeva, M.L. Cameron), meditative (M.G. Eremchenko, O.A. Dmitrieva, E.N. Melnikova).

Results and discussion. The article characterizes and highlights the specifics of various DHP, describes the features of language techniques that used in these discourses, depending on the goals of influencing the client.

Conclusion. The study shows the specifics of the DHP, primarily related to the goals and objectives in different cultures and ambiguous situations of therapeutic practice.

Keywords: discourses of helping professions, psychotherapeutic discourse, medical discourse, magical discourse, meditative discourse, lawyer discourse, speech strategies and tactics of pedagogical discourse, religious discourse

For citation: Shugaylo, I.V. (2025), "Characteristics of Discourses of Helping Professions", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 132–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-132-141.

© Shugaylo, I.V., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Специфика дискурсов помогающих профессий

Ирина Васильевна Шугайло

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
vshugajlo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6613-6153>*

Введение. Статья рассматривает роль агента терапевтического воздействия и анализирует особенности дискурсов помогающих профессий (психолога, психотерапевта, врача, педагога, шамана, адвоката) в современных практиках работы с клиентами, нуждающимися в различных видах помощи. Цель статьи заключается в анализе разновидностей языка дискурсов помогающих профессий. Российский лингвист В. И. Карасик включает медицинский дискурс как вид институционального, а психотерапевтический дискурс рассматривает как разновидность медицинского. Между тем психотерапевтический дискурс вполне можно рассматривать как отдельный вид дискурса. На современном этапе развития дискурс-анализа назрела необходимость взаимодополнения тактик и языковых подходов к клиентам в дискурсах помогающих профессий в связи с новой парадигмой естественных наук – комплексным рассмотрением человека как существа биосоциального, массового, космического. Отсюда актуализировался интерес к древнейшим архаическим типам помогающих профессий и типов дискурса – магическому, медитативному, религиозному.

Методология и источники. Статья базируется на основных положениях теорий В. И. Карасика и Тэна ван Дейка. Методологической основой проведенного автором анализа стали научные труды, посвященные дискурсу психотерапевтическому (А. Р. Маркин, М. С. Гринева, Е. В. Ермолаева), медицинскому (М. Фуко, О. А. Шестерикова, В. В. Жура, В. Г. Силантьева), адвокатскому (М. Фуко, В. Г. Ищенко, М. С. Медведева, С. А. Зимина), педагогическому (Е. Т. Булгакова, К. А. Возмищева, Л. М. Осиновская), магическому (Г. Стормс и Ф. Грендон, Е. Г. Ермолаева, М. Л. Камерон), медитативному (М. Г. Еремченко, О. А. Дмитриева, Е. Н. Мельникова).

Результаты и обсуждение. Дается характеристика и выделяется специфика различных типов дискурсов помогающих профессий, описываются особенности языковых техник, которые применяются в этих дискурсах в зависимости от целей воздействия на клиента.

Заключение. В ходе исследования показана специфика дискурсов помогающих профессий, связанная прежде всего с целями и задачами в разных культурах и неоднозначных ситуациях терапевтической практики.

Ключевые слова: дискурсы помогающих профессий, психотерапевтический дискурс, медицинский дискурс, магический дискурс, медитативный дискурс, адвокатский дискурс, речевые стратегии и тактики педагогического дискурса, религиозный дискурс

Для цитирования: Шугайло И. В. Специфика дискурсов помогающих профессий // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 132–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-132-141.

Introduction. The theory of discourses of helping professions is popular in modern linguistics and discourse-analyses. The researchers consider the texts of dialogues between agents and clients of these discourses as the main part and type of communication which scholars describe speaking about helping professions such as medicine, pedagogy, advocate, magical, etc. Certain contribution to the theory of this type of discourses were made by such scholars as M. Foucault,

N.D. Arutyunova, A.E. Kibrik, E.S. Kubryakova, Ten A. van Dijk, V.I. Karasik, V.B. Kashkin, V.Z. Demyankov, N.A. Krasavsky. According to pragmalinguistics, the DHP can be considered from the perspective of interactive activities of communication participants, the establishment of contacts between them, emotional, informational, and ideological exchange of positions.

Methodology and sources. The following varieties of the DHP can be singled out as following: magical, meditative, pedagogical, religious, advocacy, medical, and psychotherapeutic ones. They can also be called linguoactive, since speech in a dialogue plays a huge role in changing and healing the client. Along with the profession of a doctor, a teacher, a journalist, a lawyer, linguoactive speech strategies and tactics of interaction are very effective; require high-developed skills and need special rhetorical speech training courses for participants. The main strategy of these discourses is to help people by means of communication.

To highlight the peculiarities of contemporary therapeutical discourse it is important to study characteristics of every practice. The most authoritative and well-studied among the DHP is a medical one. The study of the features of medical discourse is necessary for international understanding of doctors and the exchange of the latest information and technologies between scientists and practitioners. Such researchers as V.I. Karasik, O.A. Shesterikova, T.V. Kochetkova, M.S. Petrosyan, V.L. Afanasyevsky, V.V. Zhura and others contributed to this field of research. It is vital to study this type of discourse as many professional risks could be eliminated through competent speech practice and the doctor's communicative initiative.

According to V.I. Karasik, medical discourse includes a psychotherapeutic one. They are similar due to the same purpose, tone and values, but differ in other criteria: participants, chronotope, methods of achieving goals.

Results and discussion. The general strategies of medical and psychotherapeutical discourses can be distinguished: verbal empathy (optional in medical, imperative in psychotherapeutic), partial mirroring of the patient's condition (relevant for the psychotherapeutical, while it essential in medical discourse), raising self-esteem and “locus of control” (the ability to take responsibility for oneself) – essential in both.

The contemporary situation shows the rebuild of many archaic cure practices in many cases. The medical discourse (MD) enriches itself with many psychotherapeutic practices. Regarding the tactical techniques, these are most relevant in many types of discourses but they are different in some aspects [1]. Both types of discourses are characterized by a change in the assessment of the situation, the strengthening of certain desires (in medical and psychotherapeutical), the transformation of a negative image of the situation into the neutral or positive. Researchers consider such tactics as normalization, encouragement, compliment, praise, compensation (in self-flagellation), jokes (only between colleagues in MD), exaggeration (in paradoxical therapy, not in MD), and caution to be common and characteristic of both types of discourses. The researchers consider that in the communication between the doctor and the patient is serious in the MD, but it is much freer in communication between the medical personal [2, p. 495]. The communication in psychotherapeutic discourse (PD) is serious between all groups (the communication between analysts is supervision, conference). Any researcher has not described the professional communication between colleagues yet.

The main differences of MD from PD include a high degree of suggestibility, since the doctor should inspire the patient with confidence and encourage attitudes that contribute to successful

treatment. Special importance is given to the doctor's strong verbal influence on the patient, expressed in the form of various tips, recommendations, prohibitions, orders, and prescriptions. MD includes elements of therapeutic and PD, but is broader in scope. According to V.V. Zhura, the doctor, in communicating with the patient, along with the instrumental goal, pursue a therapeutic goal, which means influencing the psycho-emotional state of the patient to stabilize or improve it. According to V. Zhura, the process of patient's adaptation to the disease, to new life circumstances acquires personal significance, receiving an emotional assessment. Such an assessment is cognitive in its nature [3, p. 14]. The process of rationalization it is possible to understand as the first stage of the therapeutical process, the process of constructive regard from fear.

The speech of the agents of the MD (doctors, nurses, orderlies, consultants, etc.) should be purposeful, appropriate, correct, that is, strategically structured, which distinguishes it from the speech of the therapist who cannot build a strategy in advance, but changes it during different sessions with the patients. The speech of physicians regulates the eliminating conflicts, while in therapy there are certain strategies that provoke conflict (transference, countertransference, paradoxical therapy) to optimize individual therapy. For example, the conceptual metaphor ARGUMENT IS A WAR in the psychotherapeutic settings help to achieve the better contact between the agents of the therapy and by transforming a metaphor, the client changes his attitude towards the life situation, sees other sides of the event symbolized by it, thereby changing his state [4, p. 160]. War as a sign of depression, aggression can show the client his separation from other people, who are alive and more active than he is.

In medical discourse, it is appropriate to use clinical terms and professional expressions in the presence of the patient; avoid situations where the patient may independently misinterpret the diagnosis [5]. Some elements of the MD can be found in fiction: for example, practitioner A. Chekhov prescribes medicine for constipation to all patients, believing that if the disease is mild, it will pass by itself, and if incurable, then there is no need to torment the patient. There is an element of irony here, which is also visible in medical anecdotes. The writer uses these Latin words to create a medical atmosphere in his fiction: *tormlumbago*, *cancer prostatae*, *catarrhus intestinalis*, *delirium tremens*, *pn. cruposa*, *impotentia*, *erysipelas*, *ductus rectum, in recto*, *infusum*, *Kalium bromatum*, *Kal. Jodatium*, etc. According to linguist V.G. Silantieva, even in Internet, the comments of different people can be helpful and effective in supporting sick people; their role is approaching to the religion in supporting the spirit [6, p. 72]. Latin as a dead language can be interpreted as a sign of other sacral world with its mystery. As an example, the opera-oratorio "Oedipus-tsar" by I. Stravinsky is written in Latin, which underlines the dramatic paradigm of human life in general.

In mystical discourse (MYSD), which V.I. Karasik also classifies as the constitutional one [7], the goals coincide with the PD, whereas the tasks of healing are following: physical illness as consequence of spiritual delusion, and healing is possible only to some extent: to understand one's mistakes through the analysis of external signs in their projection on personal destiny. The participants of the communication also have different statuses. The place of their communication is not defined: it can be specific, mediated by a book, letter, etc. The language of MYSD is very specific and the communication is based on presupposes knowledge of certain texts and the ability to interpret the texts ("signs of the cosmos") [8]. According to the researchers of the religion and philosophers, this discourse opens the perspective of fulfilling the designs only in illusions. But sometimes the

illusion plays the great and effective role in physical healing as the first step of general healing. Some authors underline the great role of Young's mystic approach in the psychotherapy [9, p. 66]. Sometimes a client supposes his disease as his special place in the world. According to this defense, he feels himself as a kind of God. The consequences may awful for others. So, it is very important to indicate such patient as a sick person which need psychoterapeutical help.

Traditional medicine, in addition to the knowledge gained because of the practice of healing by natural means, uses elements of mystical observation and suggestive practices, too. One of the varieties of mystical precedent texts is conspiracy. In the traditional medical texts, the human body and the body of nature are often compared. It is believed that the macrocosm is able to affect the microcosm (the human body) and heal it as well as the influence of magic speech and texts in this process [8]. This mechanism sometimes is used in propaganda.

In the Anglo-Saxon world, at the request of a cure, some kinds of rituals can also performed by a magician, an exorcist, a conjurer, a caster, and a sorcerer. Despite of the fact that magical rituals in many cases can be interpreted as religious ones, the servants of the church have always condemned magic, believing that it competes with real religion. If we study and compare some magical and psychological texts, we can find a lot of common tactics and strategies. Some researchers seek to separate the actions of a magician and a priest. For example, G. Storms and F. Grendon believe that a magician demonstrates his power over higher forces by ordering or demanding the fulfillment of his goals and client's wishes [10, p. 117]. While a priest, shaman, etc. acting in the sacral space of supernatural forces, appeals to the Almighty with a request, a plea, showing his subordinate position in which an act of grace is borrowed, the magician acts relying on his magical power [10, p. 47–48; 11]. In manipulative practices, the figures of high power use the high position in their speech, long monologues and directives with their partners.

The crucial importance for a successful conspiracy is the state of mind of both (as well as the magician and a client) in this ritual, a special emotional atmosphere created by the mystery and awe of the conspiracy procedure itself. The achieved condition is associated not so much with knowledge, but with the factor of chance and the ability to relax and perform certain ritual actions. Essentially, the agent uses the psychological effect of faith and acceptance of what is happening, it turns out to have a kind of hypnotic effect on the client or breaks the ordinary connections between elements of a whole. For example, the wish "*break a leg*" meaning "*be lucky!*" illustrates the same logic. The MYSD is obviously younger than religious one and includes pagan elements of faith. They both include the common concepts of the *miracle* and *sacrificed actions*.

A key concept of religious discourse (RD) is FAITH. The forms of religious communication are different sacral meetings in the temple or in the special room, communication in small groups and direct intimate communication with God while some kind of meditation. The main strategies are receiving support (*I will come into Your house; I will bow in worship towards Your holy temple, in fear of You. Conduct me, O Lord, direct me the way in Your sight*). Other goal is cleansing the soul (*Once again and many times we fall before You, and ask You, O good and loving Lord, that, having looked upon our petition*). Calling to turn to faith, strengthening faith, awareness of belonging are also significant. Among stylistic coloring of this discourse it is possible to mention emotional-evaluative and archaic-sublime vocabulary, the bookish nature of speech, archaic stylistic coloring.

The linguistic analysis of the religious (Orthodox) discourse shows that relationships of its participants are reflected in the selection and using of the linguistic units [11]. According to A. Wizzbicka, among the grammatical features of the **religious discourse** are the following:

1) the believers use special types of addresses (O God!, dear God, my Jesus, my Gosh, Seigneur, loving Lord, our Lady, Master, Heavenly King, Advocate, Spirit of Truth);

2) the frequent using of wishes (bless you, peace be upon this house, peace be upon you, an angel at a meal, an Angel on the road);

3) such verb forms as give, forgive, help, addressed to God are regarded not as an imperative mood, but as "supplicating", "desirable";

4) the use of antitheses: righteous-sinner, hell-paradise;

5) the impersonal constructions (everything is allowed to me, but not everything is useful):

6) the ancient vocative form of the noun (Vladyka) is used in this type of discourse in some languages;

7) the verbal and abstract nouns: reasoning, studying, suffering; torment, acceptance, divine providence; expectation, denial, salvation, etc.:

8) the substantive adjectives: the sick, the doomed, the dying, the dead.

American psychotherapist and writer Irvin Yalom often adopts such communicative and speech techniques of the religious discourse in his sessions and psychological novels, using questions, exclamations, which indicate the internally dialogical character of the discourse and deep emotions [12]. Highly emotional speech helps to involve the partner into communication, even to hypnotize him and help to believe in your position. The passion of the partner can help the client feel himself as the outstanding person. "Irwin Yalom uses many conceptual and simple metaphors in his texts, which is a feature of the language of psychotherapeutic discourse. A metaphor helps to make an abstract concept (fear, anxiety) "tangible" to work with. For a psychotherapist, a metaphor is an opportunity to talk about difficult traumatic experiences. One of the types of conceptual metaphors in I. Yalom's works is a dream" [12, p. 311–312] (author's translation).

In conspiracies, the number is essential as a fundamentally important element in magical rituals (especially mentioned points No 3, 7, 9), when there is a repetition of some actions. This makes magical practices related to the medical one, because the frequency of taking medications is very significant in all situations. It is also important to take into account the time of a day – sunrise, sunset, midnight, associated with magic number three (times a day). Another element of magic in the MD is usage of incomprehensible or sacral words may be foreign or Latin. Some doctors are notorious for using terms their patients do not understand. J. Lacan also would use strange terms in his lectures to attract students who liked something unusual to psychiatry.

In the psychiatry, during the messes in the temple, the incantatory hypnotizing effect of a text in an incomprehensible language is replaced by Latin used in the description of the disease and prescriptions (for slightly different purposes). So, M.L. Cameron, in his notes on magic and medicine on the material of Old English texts, mentioned the huge role of magic in Anglo-Saxon methods of treatment until eleventh century [13]. Texts on folk medicine are full of accurate observations about the medicinal properties of plants, which were often grown in Anglo-Saxons' gardens.

Pragmatic attitudes and speech strategies of meditative, magical and religious discourses are often close to the elements of the PD, being suggestive types of communication designed to

influence the client by passing his rational conscious defenses. These types of discourse also function within the framework of asymmetric status-role communication in individual and group sessions, where the agent of discourse is endowed with a high status of a strong, "knowledgeable", sacred figure with special knowledge and abilities. The purpose of this practice is, as a rule, to neutralize common phobias (obsessive phobias, fear of illness, failures, mystical negative influence of the environment), to achieve a state of harmonization.

If the canons of the magical discourse (MagD) suggest that this connection is being mediated by agents of psychotherapy (witches, magicians, shamans, healers), they are able to establish a connection between the recipient and the spiritual world even without or with minimal participation of the patient. In the meditative discourse (MedD), the producer acts as a mediator of the recipient to the spiritual world, because of this. The recipient plays a more active role in the MedD than in MagD. In MedD and pedagogical discourse (PD) the recipient is active and engaged in emotional and mental activity, actualizing a system of visual and sensory images. In Irvin Yalom's fiction works the author uses elements of MagD to attract the readers and to help the character in the therapy. The readers can see the situation of implementing the MagD: by arranging a conversation with the awful Cat, telling him about the trauma of loss, the therapist makes the Cat think about the futility of revenge and the need to live, and not wait for the next victim in his last ninth life. The dialogue leads to the fact that the Cat gradually decreases and moves away (this is how fear and anxiety go away). "Thus, a dream-hallucination, as an element of magical discourse, helps to "disenchant" the situation and keep the reader's interest through the illusion of a dream". [12, p. 313] (author's translation).

Within the framework of the RD, one can observe an increase in the status-role factor (which brings the RD closer to the PD). At the same time, the canons of the RD suggest that the mediator of communication with the spiritual world is a clergyman (a priest, a lama, an imam, etc.) endowed with clearly defined institutional powers. A clergyman is an active participant of the cure action. The agent establishes the recipient's connection with the spiritual world, or with the minimal participation of the spiritual world (by means of a text, submitted to the service: psalter, mass, litany), or with his passive participation (wedding, baptism, unction, memorial service, report, exorcism), The recipient is also assigned an active role in the RD (confession, observance of fasts and holidays).

The convergence of cultural phenomena of the meditative, magical, psychotherapeutic and religious discourses is facilitated by ritualism. Prototypical fixation of the script use in special semiotics: meditative items (mantra, candles, statues of Buddha and other higher beings, pyramids), magical items and things (charms, amulets, talismans, magical tools). Psychotherapeutic items, photos, certificates (portraits of luminaries; posters, visual aids, licenses and certificates and other attributes of office design, tools, items of clothing, books) are used in sessions. Religious items (temples, ashrams, mosques, their interior and ceremonial utensils, sacred texts and images, priesthood clothing, candles, musical instruments and singing, dance and ritual itself), – as well as special verbalisms: meditative (special texts and mantras), magical (spells, omens, etc.) are common. Religious items (prayers, hymns, psalms and other canonical texts) are also used everywhere in such kind of discourse.

The intersection point of the concepts of "magic" and "meditation" in the categorical space will be the concepts of "sacredness" and "miracle", according to I.Y. Cherepanova [14]. For the

meditative discourse, speech practice is insignificant and mostly non-verbal. The body-oriented practices here are of great importance, the connection of music with its rhythmically repeated formulas, special compositions, arrangement, and composition are also used. Specific extralinguistic factors (meditative, magical, psychotherapeutic, religious semiotics), as well as the knowledge of the discourse procedure and understanding of its essence, that is, a higher level of awareness, can contribute to the creation of a higher status-role characteristic of the agents of the discourses under consideration. A suggestive text that affects the recipient's subconscious is one of the basic attributes of a sanitizing effect in the cure process.

The pragmatic attitudes of these suggestive discourses are associated in the public communicative consciousness with the faith phenomenon in the possibility of the influence a medium on the physical and mental state of people, their social and interpersonal relationships, etc. They appeared to protect a person from the unpredictability of external adverse influences, as well as to ensure that the individual achieves the desired results to a more or less extent [15]. Meditation, psychotherapeutic and religious discourses are chronologically later successors of the MagD in this regard.

At the linguistic level, the specifics of the meditative, magical, psychotherapeutic and religious discourses are reflected in various genres: conversations, prayers, mantras, formulas of hypnotic influence from self-hypnosis of auto-training. The most successful of them are being memorized, rewritten down, and passed down from generation to generation. A person proficient in the language was considered a magician, healer, and shaman. The first philologists and the first linguists were priests at the same time.

Precedent texts (Bible, religious and philosophical treatises, manifests, instructions, text-patents, parables, psychological works), which are the basic ones for the discourses under consideration for PD, have a pronounced suggestive potential, are saturated with symbols, metaphors, appeal to archetypes/ They have a meditative structure of repetitions and implement basic strategies for correction and protection. In magical and religious discourses, a strategy of warning about possible fears is added, fixed in an ethnospecific system of warning signs, and omens. Meditative, magical, psychotherapeutic and religious discourses, as well as other therapeutic discourses, appeal to the sphere of the unconsciousness: feelings, emotions, fantasies, imagination, intuition, but the essential difference from the psychotherapeutic discourse is that the client is passive and silent there, and the agent practically directs his changes.

The effectiveness of the psychotherapeutic assistance in the activity and client's personal growth, which sometimes occurs with the partial use of meditative, magical, religious elements of discourses we see regularly. Meditative and psychotherapeutic discourse can be mixed together by a common strategy – to close constructive attitudes or translate already existing positive attitudes into its goals. In modern practice, the agents are working with the consciousness; MagD is represented by a kind of institutional discourse, implicitly represented in scientific, religious and medical communication. The MedD can be considered as a kind of personal (existential) one.

Conclusion. As we see, the most frequent types of discourses among discourses of helping professions in the situations of cure are MD, TD, MagD, MedD. The figure of advocate and teacher may be found in the figure of therapist in different projections of Father. In the situations of advocative (defense) and educational process, the role of the agents of these discourses and their speech strategies will be different, but this is the next topic.

REFERENCES

1. Shesterikova, O.A. (2014), "Transformation of medical discourse in modern European culture", Cand. Sci. (Philology) Thesis, SPbSU, SPb., RUS.
2. Shugaylo, I.V. and Vezhleva, E.K. (2024), "Images of a doctor and a patient in medical discourse integrated into fiction works", *VII Int. Scientific and Practical Conf.*, Penza, RUS, 23–24 Apr. 2024, pp. 495–498.
3. Zhura, V.V. (2008), "Discursive emotions in oral medical communication", *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific J.*, no. 10, pp. 13–23.
4. Shugaylo, I.V. (2024), "Conceptual Metaphors in Psychotherapeutic Discourse (Using the Example of the Works of Art by Irwin Yalom and Ken Kesey)", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 152–163. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-152-163.
5. Silanteva, V.G. (2019), "Messages of Sympathy in Instagram Accounts of Cancer Patients", *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect], no. 9 (53), pp. 70–79.
6. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
7. Ermolaeva, E.V. (2017), "Meditative, magical, psychotherapeutic and religious discourses in comparative coverage", *Philology. Theory & Practice*, no. 2-2 (68), pp. 124–126.
8. Shugurov, M.V. and Mozhilin, S.I. (2023) "Comprehension of religious and mystical experience within the framework of analytical psychology: refraction of the universalist paradigm", *Philosophical Thought*, no. 2, pp. 64–101. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.2.39749 2023.
9. Grendon, F. (1909), *Anglo-Saxon Charms*, Grandon Felix, NY, USA.
10. Bauman, L.C. (1990), "The hermeneutics of mystical discourse", PhD dissertation, The Univ. of Texas at Arlington, Arlington, TX, USA.
11. Wierzbicka, A. (2020), "Addressing God in European Languages: Different meanings, different cultural attitudes", *Russian J. of linguistics*, vol. 24, no. 2, pp. 259–293. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293.
12. Shugaylo, I.V. (2024), "Dreams as an element of mental health (on the example of psychological novels by Irwin Yalom)", *Russia and the world community: problems of demography, ecology and public health, VII Int. Sci. Conf.*, Penza, RUS, 15–16 July 2024, pp. 310–314.
13. Cameron, M.L. (1993), *Anglo-Saxon Medicine*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, NY, USA.
14. Cherepanova, I. (1999), *Dom koldun'i. Yazyk tvorcheskogo Bessoznatel'nogo* [The Witch's House. The Language of the Creative Unconscious], KSP+, Moscow, RUS.
15. Hill, C. and Regan, A. (1991), "The Use of Metaphors in One Case of Brief Psychotherapy", *J. of Integrative and Eclectic Psychotherapy*, no. 10, pp. 56–57.

Information about the author.

Irina V. Shugaylo – Can. Sci. (Philosophy, 1996), Docent (2008), Methodist of the International Project "Class", The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of more than 150 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, psychology, linguistics, art.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.08.2024; adopted after review 30.09.2024; published online 21.04.2025.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестерикова О. А. Трансформация медицинского дискурса в современной европейской культуре: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2014.
2. Шугайло И. В., Вежлева Э. К. Образы врача и больного в медицинском дискурсе, интегрированном в художественный текст // Государство, общество, личность: история и современность: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 23–24 апреля 2024 г. / ПГАУ. Пенза, 2024. С. 495–498.

3. Жура В. В. Дискурсивные эмоции в устной медицинской коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. 2008. № 10. С. 13–23.
4. Шугайло И. В. Понятийные метафоры в психотерапевтическом дискурсе (на примере художественных произведений Ирвина Ялома и Кена Кизи) // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 152–163. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-152-163.
5. Силантьева В. Г. Специфика выражений сочувствия в англоязычных комментариях к инстаграм-постам раковых больных // Филологический аспект. 2019. № 9 (53). С. 70–79.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Ермолаева Е. В. Медитативный, магический, психотерапевтический и религиозный дискурсы в сопоставительном освещении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68). С. 124–126.
8. Шугуров М. В., Мозжилин С. И. Осмысление религиозно-мистического опыта в рамках аналитической психологии: преломление универсалистской парадигмы // Философская мысль. 2023. № 2. С. 64–101. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.2.39749.
9. Grendon F. Anglo-Saxon Charms. NY: Grandon Felix, 1909.
10. Bauman L. C. The hermeneutics of mystical discourse: PhD dissertation / The Univ. of Texas at Arlington. Arlington, 1990.
11. Wierzbicka A. Addressing God in European Languages: Different meanings, different cultural attitudes // Russian J. of linguistics. 2020. Vol. 24, № 2. P. 259–293. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293.
12. Шугайло И. В. Проблема сновидения и психическое здоровье (на примере психологических новелл Ирвина Ялома) // Россия и мировое сообщество: проблемы демографии, экологии и здоровья населения: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15–16 июля 2024 г. / Пенза. ПГАУ, 2024. С. 310–314.
13. Cameron M. L. Anglo-Saxon Medicine. Cambridge, NY: Cambridge Univ. Press, 1993.
14. Черепанова И. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: KSP+, 1999.
15. Hill C., Regan A. The use of metaphors in one case of brief psychotherapy // J. of Integrative and eclectic Psychotherapy. 1991. N 10. P. 56–57.

Информация об авторе.

Шугайло Ирина Васильевна – кандидат философских наук (1996), доцент (2008), методист международного проекта «Класс» Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, психология, лингвистика, искусство.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.08.2024; принята после рецензирования 30.09.2024; опубликована онлайн 21.04.2025.*

Оригинальная статья

УДК 81.33

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-142-156>

Определение содержательного ядра синонимического ряда англоязычных терминов в области строительной техники

Валентин Антонович Родин

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия,
rodin.valentin2014@yandex.ru*

Введение. Статья посвящена определению содержательного ядра синонимических рядов англоязычных терминов в области строительной техники как одному из методов исследования данной терминосистемы с точки зрения ее особенностей и структуры. Актуальность работы обусловлена возрастающей потребностью в изучении терминосистемы «Строительная техника» в целях подготовки специалистов, обладающих компетенциями в области проектирования, ремонта, модернизации, а также эксплуатации строительных машин, поступающих на территорию РФ из-за границы. Основанием для исследования также послужило отсутствие когнитивных исследований, касающихся терминосистемы «Строительная техника».

Методология и источники. Методологической базой исследования послужили: опрос, корпусный, дефиниционный и сравнительный анализы. Автором применяется количественный подход для приведения статистических данных, необходимых для демонстрации некоторых результатов исследования. Настоящее исследование также опирается на концепции Д. С. Лотте в области синонимии в технической терминологии, а также И. К. Архипова в определении понятия «Содержательное ядро». В качестве источников были использованы руководства по эксплуатации для таких видов строительной техники, как гидравлический экскаватор, фронтальный погрузчик, экскаватор-погрузчик. Опрос проходил 10.07.2024 г. в компании «АТЛЕТ», в опросе участвовало 57 специалистов, обладающих необходимыми компетенциями в области строительной техники.

Результаты и обсуждение. В ходе данного исследования гипотеза: «Если содержательное ядро выбранного термина-доминанты синонимического ряда совпадает с содержательным ядром всего синонимического ряда, то этот факт может являться основанием для определения данной доминанты как таковой», не подтвердилась.

Заключение. Терминосистема «Строительная техника» является малоизученной с точки зрения когнитивного подхода на данном этапе. В связи с этим в процессе исследования могут быть выявлены различного рода трудности, замедляющие процесс поиска ответа на вопрос о характере и особенностях данной терминосистемы. Исследование стало попыткой автора выявить некоторые противоречия, возникающие в процессе исследования строительно-технической терминологии и осветить их для широкого круга профессионалов, в чью область интересов входит когнитивное терминоведение.

Ключевые слова: термин, синонимия, когнитивное терминоведение, содержательное ядро, строительная техника

Для цитирования: Родин В. А. Определение содержательного ядра синонимического ряда англоязычных терминов в области строительной техники // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 142–156. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-142-156.

© Родин В. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Definition of the Content Core of Synonymic Series of English-Language Terms in the Field of Construction Equipment

Valentin A. Rodin

*Pushkin Leningrad State University, St Petersburg, Russia,
rodin.valentin2014@yandex.ru*

Introduction. This article is devoted to the definition of the content core of synonymous series of English-language terms in the field of construction equipment as one of the methods of studying this terminology system from the point of view of its features and structure. The relevance of the work is due to the growing need to study the terminology system “Construction equipment” in order to train specialists with competencies in the field of design, repair, modernization, and operation of construction machines arriving in the territory of the Russian Federation from abroad. The basis for conducting the study was also the lack of cognitive studies related to the terminology system “Construction equipment”.

Methodology and sources. The methodological basis of the study was: a survey, corpus analysis, definitional analysis, comparative analysis. The author uses a quantitative approach to provide statistical data necessary to demonstrate some of the research results. This study is also based on the concepts of D.S. Lotte (in the field of synonymy in technical terminology), as well as I.K. Arkhipov (definition of the concept of “Content core”). The sources used were operating manuals for such types of construction equipment as Hydraulic excavator, front loader, excavator-loader. The survey was conducted on July 10, 2024, at the ATLET company (57 specialists with the necessary competencies in the field of construction equipment participated in the survey).

Results and discussion. In the course of this study, the hypothesis: “If the content core of the selected dominant term of the synonymous series coincides with the content core of the entire synonymous series, then this fact can be the basis for defining this dominant as such” was not confirmed.

Conclusion. The terminology system “Construction equipment” is poorly studied from the point of view of the cognitive approach at this stage. In this regard, various difficulties may be identified in the process of research, slowing down the process of finding an answer to the question about the nature and features of this terminology. This study is an attempt by the author to identify some contradictions that arise in the process of studying construction and technical terminology and to highlight them for a wide range of professionals whose area of interest includes cognitive terminology.

Keywords: term, synonymy, cognitive terminology, content core, construction equipment

For citation: Rodin, A.V. (2025), “Definition of the Content Core of Synonymic Series of English-Language Terms in the Field of Construction Equipment”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 142–156. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-142-156 (Russia).

Введение. Проблема определения термина как понятия издавна является дискуссионной. Разнообразие трактовок обуславливается неравным объемом содержания понятия «термин» у представителей различных дисциплин [1]. А. А. Реформатским было сформулировано наиболее полное определение термина: «Термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными, как точное выражение понятий и называние вещей» [2, с. 115]. М. В. Лейчик трактует термин как «лек-

сическую единицу определённого языка для специальных целей, обозначающую общее – конкретное или абстрактное понятие теории специальной области знаний или деятельности» [3, с. 12]. Некоторыми исследователями термин трактуется, например, как «элемент терминологии, который представляет собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальные понятия определенной области знания» [4, с. 131]. Также существует точка зрения, при которой термин – это «инвариант (слово или словосочетание), обозначающий специальный предмет или научное понятие, ограниченное дефиницией и местом в определённой терминосистеме» [5, с. 17]. Для В. Ф. Новодрановой термин является средством доступа к когнитивным базам знаний специалистов различных областей [6].

Методология и источники. Проблема синонимии в терминологии является одной из ключевых в лингвистических исследованиях [7]. Несмотря на то, что любая терминосистема в силу своей незамкнутости характеризуется развитием терминологического аппарата, появление внутри нее синонимии отдельно взятых терминов становится предметом многочисленных дискуссий ученых [8]. Как уже было показано, трактовки самого понятия «термин» существенно разнятся. Вследствие этого наличие у него синонимии в рамках той или иной терминосистемы ставится под сомнение [9].

В лингвистической науке представлено множество точек зрения относительно самого понятия «синонимия». Ю. Д. Апресян определяет синонимы как слова с одним и тем же лексическим значением, но с разным его оттенком [10]. Как далее отмечает ученый, идея о полной взаимозаменяемости синонимов как главный критерий их дифференциации представляется достаточно спорной, поскольку при таком подходе речь, скорее всего, идет о лексических дублетах, вариантах, но никак не о синонимах [10]. Вместо этого Ю. Д. Апресян обращает внимание на противоположную точку зрения, при которой не схожесть уже упомянутых семантических свойств, а степень их различия играет ведущую роль в определении синонимов [10]. Проблему синонимии в своих трудах также поднимает М. В. Никитин, утверждая, что это «одна из вечных проблем лингвистической семантики, не получающих общепринятого решения, несмотря на непрекращающиеся усилия как по теоретическому осмыслению явления, так и по практическому составлению словарей синонимов» [11, с. 450]. С точки зрения ученого, синонимия есть потребность говорящего в номинации уже обозначенного концепта, т. е. фактически определяется как коммуникативно-прагматическое речевое действие [11]. И. В. Арнольд синонимия рассматривается как одно из проявлений эквивалентности внутри языка [12]. С. В. Киселева, И. В. Кононова и Н. А. Трофимова понимают под синонимией разные слова, связанные с одним и тем же или почти одним и тем же денотативным значением, которые, как правило, принадлежат к одной и той же части речи [13]. Также С. В. Киселева выделяет синонимию в качестве конституитивного свойства языка и напрямую связывает её с обозначением ключевых для человека аспектов мироздания [14].

Исследователи синонимии в терминологии, в сущности, делятся на две группы: те, кто допускает наличие подобного явления, – С. В. Гринев, С. В. Киселева, В. М. Лейчик, В. Ф. Новодранова, Л. Н. Русинова, С. Д. Шелов, а также те, кто ставит его под сомнение, – А. Б. Бушев, В. Г. Гак, Е. Н. Толикина, А. Б. Шапиро. В качестве основного аргумента в

пользу синонимии в терминологии выступает уже упомянутый нами тезис о динамической природе любой терминосистемы. По мнению Л. Н. Русиновой, обозначение одного и того же понятия с помощью различных терминов обусловлено активным взаимодействием ученых и многочисленными спорами касательно отдельно взятых научных тем. Более того, исследователь утверждает, что синонимия в терминологии позволит избежать «сухости» научного изложения и обеспечит большую свободу для дискуссий [15]. В качестве дополнения к этому тезису выступает мысль о том, что каждый говорящий, по умолчанию действуя исключительно в рамках своей когнитивной области, способен создавать собственные, впоследствии новые, обозначения для тех или иных понятий, что является вполне естественным и неизбежным процессом [16]. Сказанное подкрепляется также тезисом Е. И. Головановой о функциональной гибкости терминосистемы, которая является доказательством высокого уровня развития науки в целом [17].

Отрицание синонимии в терминологии в большинстве случаев строится на основе тезиса о том, что то, что ошибочно воспринимается как синоним, является ничем иным, как терминологическим дублетом [18]. Отсутствие же терминологических синонимов в значительной степени облегчает составление специализированных словарей на основе формулы «одно понятие – один термин» [19]. Более того, следует помнить, что уже упомянутая очевидная субъективность в создании обозначений, порождает столь же очевидную субъективность в их интерпретации [20]. При возникновении такой ситуации вопрос о терминосистеме как четкой структуре становится весьма дискуссионным.

Результаты и обсуждение. Явление синонимии в строительной терминологии хоть и не является предметом многочисленных дискуссий ученых, однако все же нуждается в некоторых комментариях. Следует особо отметить, что в качестве основного требования к техническим терминам (к терминам строительной техники в частности) выступает их максимальная однозначность. Основным аргументом в пользу сказанного является то, что отсутствие двусмысленности при интерпретации терминов, относящихся к механизмам и силовым агрегатам строительных машин, является гарантией безопасности как для специалистов, отвечающих за сборку машины, так и для тех, чья работа заключается в непосредственной эксплуатации этой техники. Тем не менее терминосистема «Строительная техника» не стала исключением и так же, как и любая другая техническая область, включает в себя ряд так называемых терминологических синонимов, обозначающих один и тот же механизм машины или силовой агрегат. С одной стороны, это явление может быть вполне объяснимо рядом следующих факторов: отсутствие унифицированности терминологии, устаревшие наименования, использование заимствованных терминов, существование как полных, так и сокращенных форм терминов и т. д. [21]. Однако в то же время в терминосистеме «Строительная техника» происходит ряд изменений, в ходе которых менее частотно употребляемые термины, ранее являвшиеся терминологическими синонимами для более частотных (доминантных) терминов, теряют свои прежние позиции и либо исчезают из терминосистемы вовсе, либо становятся терминами, обозначающими новые механизмы, которые появляются в конструкциях новых машин. Таким образом, терминосистема как бы сама «избавляет» себя от неоправданной синонимичности. Такое явление именуется нами

«Эффектом Лотте». Д. С. Лотте в трудах, посвященных особенностям строения технической терминологии, отрицал существование терминологических синонимов как таковых. Исключения составляют ситуации, в которых второй термин является лишь краткой формой первого. По мнению ученого, «один из этих терминов со временем может сузить или расширить свою семантическую структуру или даже начать обозначать совсем другое понятие» [22, с. 10]. Именно такого рода явление наблюдается в терминосистеме «Строительная техника» в последние пять лет. Некоторые из терминологических единиц, на данный момент являющиеся самостоятельными, ранее представляли собой так называемый синоним одного из более частотных терминов и обозначали совсем иные механизмы. К примеру, термин *snubber*, на данный момент обозначающий «дроссельное отверстие амортизатора цилиндра» [23], в руководствах более раннего периода встречается в качестве синонима к термину *resistor* «резистор» [24]. В руководствах 2020–2021 гг. часто встречается терминологическая единица *dump* «отвал» [24]. Однако на данный момент более частотным термином, обозначающим то же понятие, стал *shovel* [25]. Начиная с 2023 г., термин *dump* в руководствах практически не используется.

Таким образом, частотность есть главный критерий, определяющий жизнеспособность термина в рамках технической терминосистемы в целом и строительно-технического терминополья в частности. Однако, как показывает практика, показатель частотности также имеет свойство меняться (в том числе и в меньшую сторону), провоцируя изменения в системе номинации конкретной терминосистемы. В связи с этим сложно делать выводы о большинстве терминологических единиц как о доминантных в контексте наименования тех или иных объектов и механизмов. Чтобы термин «зарекомендовал» себя как устойчивый, необходимо, чтобы в течение как минимум 5–7 лет индекс его частотности не снижался. В этих особенностях, с одной стороны, состоит ключевая проблема терминологической номинации, а с другой, отражается сам принцип «жизненного цикла» всей терминосистемы.

В связи с выросшими объемами поставок строительной техники из-за рубежа необходимость в изучении руководств по эксплуатации различного рода машин многократно возросла. Отсутствие терминологических синонимов в значительной мере облегчило бы работы специалистов и дало возможность повысить производительность труда. В качестве одной из задач настоящего исследования выступала необходимость наглядной демонстрации некоторых синонимических рядов строительно-технических терминов, а также механизма ее формирования.

Для облегчения процесса поиска и наглядности в терминосистеме «Строительная техника» было выделено пять отдельных категорий терминов: «ходовая часть», «название техники», «навесное оборудование», «опорно-поворотные устройства», «рабочее оборудование». Фактически все перечисленные ранее терминологические категории являются названиями для разделов руководств по эксплуатации различного рода строительных машин.

В рамках каждой категории было отобрано по одному термину. Выбор термина был обусловлен частотой его появления в соответствующих разделах руководств по эксплуатации. Рассмотрим табл. 1.

Таблица 1. Наиболее частотные термины каждой категории, встречающиеся в руководствах
Table 1. Most frequently used terms of each category in the manuals

Название категории	Название термина
Ходовая часть	Гусеница
Название техники	Экскаватор
Навесное оборудование	Ковш
Опорно-поворотные устройства	Балансир
Рабочее оборудование	Стрела

Прежде чем подвергнуть каждый из перечисленных терминов табл. 1 анализу с точки зрения их синонимических рядов, необходимо было осуществить процесс непосредственного их выявления. Для этого был проведен опрос специалистов компании «АТЛЕТ», которая занимается поставкой и продажей строительной техники в России и за рубежом. Всего было опрошено пятьдесят семь специалистов, чьи компетенции и уровень владения иностранным языком могли позволить ответить на поставленный вопрос: «Посмотрите на данные термины (термины из правой части табл. 1 на русском языке). Напишите как минимум три варианта их значения. На первое место поставьте тот термин, который вы считаете самым популярным и частотным». Фактически респонденты, отвечая на поставленный вопрос, самостоятельно образовывали искомые синонимические ряды. По итогам опроса был проведен анализ ответов всех пятидесяти семи респондентов. В табл. 2 отражены усредненные ответы, которые были даны специалистами.

Таблица 2. Результаты опроса специалистов компании «АТЛЕТ»
Table 2. The results of the survey of specialists of the company ATHLETE company

Термин	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Гусеница	Track	Tread	Crawler
Экскаватор	Excavator	Digger	Grab
Ковш	Bucket	Hoie	–
Балансир	Balance beam	Support	Equalizer
Стрела	Boom	Reach	–

Итак, по результатам опроса можно сделать следующие выводы:

– в каждом из синонимических рядов содержится термин, который большинство специалистов упоминало в первую очередь (такие термины выделены жирным шрифтом): *track* (гусеница), *excavator* (экскаватор), *bucket* (ковш), *balance beam* (балансир), *boom* (стрела). Тем не менее данные терминологические единицы не могут быть названы доминантами синонимического ряда до тех пор, пока не будут проанализированы с точки зрения частотности их употребления в лингвистических корпусах;

– в процессе отдаления от первого значения к периферии (т. е. от варианта 1 к варианту 3) ответы вызвали у респондентов затруднения. Некоторые из них не смогли предложить второй и даже первый синоним для определённых терминологических единиц;

– такие терминологические единицы, как «стрела» и «ковш» вызвали у респондентов наибольшие затруднения при определении вариантов их значений.

Как уже упоминалось, в задачи исследования входил поиск терминов из каждого синонимического ряда в лингвистическом корпусе СОСА, что позволило бы судить о правомер-

ности предоставления некоторым из терминов статуса доминант. Определена следующая последовательность действий:

- выявить индекс частотности употребления терминов в рамках технического дискурса вообще;
- определить индекс частотности употребления терминов в рамках строительно-технического дискурса (далее СТД);
- отобразить процент употреблений термина в рамках СТД относительно технического дискурса вообще и выявить доминанту синонимического ряда исходя из процентного показателя.

Рассмотрим методику работы на примере терминов категории «Ходовая часть». Термин *track* (гусеница), являющийся первым в списке как наиболее часто упоминаемый, имеет общий индекс частотности 2732 в рамках технического дискурса. Показатель в рамках СТД равен 250, что составляет 9 % от общего количества употреблений. Сравним с остальными терминами синонимического ряда: *crawler* (гусеница) и *tread* (гусеница). Термин *crawler* встречается в рамках технического дискурса 220 раз. В рамках СТД индекс частотности этого термина равен 15, что составляет 6 %. Что же касается термина *tread*, то его показатель частотности употребления в рамках СТД равен 2 при индексе 25 в рамках того же технического дискурса. Процентный показатель равен 8. Следовательно, имеем возможность отразить это в табл. 3.

Таблица 3. Процентные показатели терминов категории «Ходовая часть»
Table 3. Percentages of the terms of the «Chassis» category

Гусеница	Процентный показатель, %
Track	9
Crawler	6
Tread	8

Таким образом, имеем возможность расположить указанные терминологические единицы в соответствии с частотностью употребления: *track-crawler-tread*. Проводя сравнительный анализ, можно сделать вывод, что определенная нами последовательность терминов полностью совпадает с той, которая была выявлена в ходе опроса специалистов компании «АТЛЕТ». Итак, можно сделать вывод, что терминологическая единица *track* может являться доминантой синонимического ряда в категории «Ходовая часть».

Далее в табл. 4–7 представлены процентные показатели оставшихся терминологических единиц. Наблюдается также полное совпадение последовательности ответов респондентов с результатами выявления процентного показателя.

Таблица 4. Процентные показатели терминов категории «Название техники»
Table 4. Percentages of terms of the «Name of equipment» category

Экскаватор	Процентный показатель, %
Excavator	100
Grab	16
Digger	60

Таблица 5. Процентные показатели терминов категории «Навесное оборудование»
Table 5. Percentages of the terms of the «Attachments» category

Ковш	Процентный показатель, %
Bucket	86
Ное	62

Таблица 6. Процентные показатели терминов категории «Опорно-поворотные устройства»
Table 6. Percentages of the terms of the «Pivoting devices» category

Балансир	Процентный показатель, %
Balance beam	10
Support	7
Equalizer	1

Таблица 7. Процентные показатели терминов категории «Рабочее оборудование»
Table 7. Percentages of the terms of the category «Working equipment» category

Стрела	Процентный показатель, %
Boom	38
Reach	12

Исходя из приведенных таблиц, расположим терминологические единицы в соответствии с частотностью их употребления:

1. «Ходовая часть»: *track – crawler – tread* (табл. 3).
2. «Название техники»: *excavator – grab – digger* (табл. 4).
3. «Навесное оборудование»: *bucket – hoe* (табл. 5).
4. «Опорно-поворотные устройства»: *balance beam – support – equalizer* (табл. 6).
5. «Рабочее оборудование»: *boom – reach* (табл. 7).

Жирным шрифтом выделены доминанты проанализированных синонимических рядов.

Сформировав синонимические ряды некоторых терминов строительной техники и определив доминанту каждого из них, автор исследования задается вопросом: существует ли какой-либо иной критерий (кроме индекса частотности), подтверждающий правомерность определения тех или иных терминов как доминант в каком бы то ни было синонимическом ряду? Ответ на этот вопрос решено искать в контексте такого понятия, как содержательное ядро (далее СЯ). Гипотеза заключается в следующем: если СЯ выбранного термина-доминанты синонимического ряда совпадает с СЯ всего синонимического ряда, то этот факт может являться основанием для определения данной доминанты как таковой.

В настоящий момент в когнитивной лингвистике еще не существует методов определения СЯ синонимического ряда терминов. В наши задачи также входит разработка такого метода в контексте подтверждения или опровержения гипотезы. Таким образом, необходимым представляется предоставить план (методику) работы с приведенными терминами в контексте поиска СЯ синонимических рядов.

Релевантной видится следующая последовательность действий:

1. С помощью анализа англоязычных словарей общеупотребительной лексики выявить усредненные номинативно-непроизводные значения (далее ННЗ), а также усредненные вторичные значения каждого из имеющихся терминологических единиц в рамках синонимического ряда.

2. На основе полученных данных при исследовании словарей общеупотребительной лексики с помощью выделения сходных лексико-семантических компонентов, связывающих усредненное ННЗ и усредненные вторичные значения, определить СЯ каждой терминологической единицы.

3. С помощью анализа специальных технических словарей выявить усредненные номинативно-непроизводные значения (далее ННЗ), а также усредненные вторичные значения каждого из имеющихся терминологических единиц в рамках синонимического ряда.

4. На основе полученных данных при исследовании специальных технических словарей, с помощью выделения сходных лексико-семантических компонентов, связывающих усредненное ННЗ и усредненные вторичные значения, также определить СЯ каждой терминологической единицы.

5. Выявить усредненное СЯ терминологических единиц, исходя из анализа СЯ из пп. 3 и 4.

6. С помощью выявления схожих лексико-семантических компонентов, входящих в состав всех СЯ терминов определить СЯ всего синонимического ряда.

7. Сделать выводы из полученных результатов.

Продемонстрируем описанную методику работы на примере того же термина *track* (гусеница) из категории «Ходовая часть». В число общеупотребительных словарей для анализа вошли: Cambridge Dictionary, Collins Dictionary, Meriam-Webster Dictionary. В качестве исходного значения *track* в общеупотребительных словарях приводятся следующие дефиниции: «a mark or the line left on the ground or on another surface by an animal, person, or the vehicle that has moved over it, showing the direction they moved in» [26]; «a piece of ground, often oval-shaped, that is used for races involving athletes, cars, bicycles, horses, or dogs called greyhounds» [27]; «a detectable evidence on the ground that something has passed» [28]. На основе полученных данных выделим основные семантические компоненты: «marks on the ground», «showing the direction», «a detectable evidence of the vehicle». Речь, главным образом, идет о следах, оставляемых машинами на земле после перемещения. Сформируем усредненное ННЗ термина *track* на основе анализа общеупотребительных словарей: «*A mark or line left on the ground after some vehicle has passed*».

Далее обратимся к производным (вторичным) значениям, где в фокусе внимания находятся только те определения, которые имеют помету «Machinery». В качестве лексико-семантических вариантов приводятся следующие значения термина *track*: «a moving part of a machine tracks, that helps it to stay in the correct position for operating» [26]; «a part of machine that travels along and making a mark on the ground» [27]; «a wheeled vehicle from wheel to wheel and usually from the outside of the rims» [28]. На основе полученных данных выделим основные семантические компоненты: «a part of the machine», «wheeled vehicle», «a moving part». Благодаря выделенным лексико-семантическим компонентам можно сделать вывод, что в контексте строительной техники, речь идет о движущейся части машины, которая способствует ее перемещению в пространстве. В сущности, мы имеем дело с метафорическим переносом по образу действия. Гусеница экскаватора оставляет след на земле после перемещения машины. Сформируем усредненное вторичное значение термина *track* на основе анализа специальных словарей: «*A moving wheeled part of the machine that travels along when operating*». Приведем формулировку СЯ, полученного на основе связи усреднённого ННЗ и всех вторичных значений в общеупотребительных словарях для термина *track*: «***a mark***».

Далее обратимся к анализу термина *track* в технических словарях. В них имеются следующие ННЗ искомой терминологической единицы: «a wheeled device that is used to *move the construction machine*» [29], «a wheeled device that is responsible for the traction and manoeuvrability of the machine» [30]. Выделим следующие лексико-семантические компоненты, благодаря которым будет сформировано ННЗ: «a wheeled device», «construction machine». Усредненное ННЗ на основе анализа технических словарей: «*a wheeled device that is used to move the construction machine and make it manoeuvrable*».

Далее обратимся к производным (вторичным) значениям, т. е. к вариантам термина *track*: «a closed solid tape or chain that is used to move the machine» [29], «the main chained component responsible for the movement of the machine» [30]. Определим усредненное вторичное значение термина *track* на основе технических словарей: «a closed solid tape or chain that is responsible for the movement of the machine». Выделим следующие лексико-семантические компоненты: «chained component» и «to move the machine». Далее приведем формулировку СЯ, полученного на основе связи усредненного ННЗ и всех вторичных значений в технических словарях для термина *track*: ***a moving chain***. Усредненное СЯ для термина *track*: ***a moving chain making a mark***.

Анализируя процесс работы над выявлением СЯ термина *track*, можно сделать вывод, что в контексте технических словарей данная процедура была выполнена быстрее. Дело в том, что в таких словарях единица *track* априори является термином, относящимся к строительной технике, а его вторичные значения, хоть и отличаются от ННЗ незначительно, но все же существуют в рамках одной концептуальной области. В случае с общеупотребительными словарями при переходе ко вторичным значениям мы, очевидно, имеем дело с метафорой, что делает процесс поиска опорных лексико-семантических компонентов более абстрактным. Представляется, что эта закономерность будет справедлива и для остальных терминологических единиц, с которыми необходимо работать в контексте настоящего исследования. Далее представим усредненные СЯ, выявленные в ходе анализа других двух терминов из того же синонимического ряда (табл. 8).

Таблица 8. Усредненное СЯ для синонимического ряда в категории «Ходовая часть»
Table 8. The average content core of the synonymous series in the «Chassis» category

Термин	Усредненное СЯ
Track	<i>A chain making a mark</i>
Crawler	<i>A chain</i>
Tread	<i>A pattern</i>

Обратим внимание, что СЯ терминов *crawler* и *tread* не отличаются той же полнотой, которая прослеживается в доминанте синонимического ряда (табл. 8). По мере приближения к периферии СЯ становится более абстрактным и имеет меньшую связь непосредственно со строительной-технической сферой. К примеру, понятие «*pattern*» едва ли можно напрямую связать с той концептуальной областью, в рамках которой ведется исследование. Подобное явление можно объяснить тем, что, как уже было сказано, единица *track*, в отличие от остальных, является преимущественно термином строительной техники (это подтверждают исследования индекса частотности), а лексико-семантические компоненты, благодаря которым происходит сдвиг значения и, как следствие, переход из одной концептуальной области в другую, позволяют раскрыть содержание понятия *track* в наиболее полном объеме. Следует отметить, что схожая картина наблюдается в рамках остальных синонимических рядов. Рассмотрим табл. 9–12.

Таблица 9. Усредненное СЯ для синонимического ряда в категории «Название техники»
Table 9. The average content core of the synonymous series in the «Name of equipment» category

Термин	Усредненное СЯ
Excavator	<i>A machine for digging</i>
Grab	<i>A moveable capture</i>
Digger	<i>A machine</i>

Таблица 10. Усредненное СЯ для синонимического ряда в категории «Навесное оборудование»
Table 10. The average content core of the synonymous series in the «Attachments» category

Термин	Усредненное СЯ
Bucket	<i>An attached container</i>
Ное	<i>A container</i>

Таблица 11. Усредненное СЯ для синонимического ряда в категории «Опорно-поворотные устройства»
Table 11. The average content core of the synonymous series in the «Pivoting devices» category

Термин	Усредненное СЯ
Balance beam	<i>A device for fixity</i>
Support	<i>A device</i>
Equalizer	<i>An equipment</i>

Таблица 12. Усредненное СЯ для синонимического ряда в категории «Рабочее оборудование»
Table 12. The average content core of the synonymous series in the «Working equipment» category

Термин	Усредненное СЯ
Boom	<i>A connecting pole</i>
Reach	<i>A pole</i>

Как уже было показано, СЯ терминологических единиц, являющихся доминантой синонимического ряда, отличаются большей полнотой и близостью к концептуальной области «строительная техника» (табл. 9–12).

В заключение релевантным видится поиск общего СЯ каждого синонимического ряда в отдельности и последующее сравнение его с СЯ доминант. Для этого примем сформулированные СЯ каждого из терминов за лексико-семантические компоненты, благодаря которым в голове формируется образ того или иного предмета или механизма. Под СЯ синонимического ряда автором понимается общий компонент, состоящий из минимального количества лексем и связывающий все СЯ терминов, находящихся в синонимическом ряду. Причина, по которой процесс формулирования СЯ синонимического ряда идет в сторону «сужения объема понятия» заключается в том, что приоритетной задачей является поиск компонента, связывающего как более частотные, так и менее частотные для конкретной понятийной области термины. Следует отметить, однако, что в процессе выявления СЯ отдельно взятого термина приоритетной являлась задача «расширения объема понятия», поскольку необходимым представлялось раскрыть содержание каждого термина в наиболее полном объеме, независимо от его частотности в рамках понятийной области.

Рассмотрим табл. 13.

Таблица 13. Сравнительный анализ СЯ
Table 13. Comparative analysis of the content core

Синонимический ряд	СЯ синонимического ряда	СЯ доминанты
Ходовая часть	A chain	A chain making a mark
Название техники	A machine	A machine for digging
Навесное оборудование	A container	An attached container
Опорно-поворотные устройства	A device	A device for fixity
Рабочее оборудование	A pole	A connecting pole

Заключение. Итак, в связи с анализом данных, приведенных в табл. 13, следует отметить важную особенность, связанную со сформулированными СЯ синонимических рядов. Попытка сужения объема понятия приводит к полному совпадению СЯ синонимических рядов с СЯ терминов, не являющихся доминантами (т. е. априори менее частотными терминами). Следовательно, можно сделать вывод, что выдвинутая гипотеза не подтвердилась.

Вполне вероятно также возникновение следующего вопроса: если СЯ синонимического ряда совпадает с СЯ термина, который не является доминантой, то не логично ли было предположить, что именно этот термин (а не изначально заявленный) будет являться доминантой синонимического ряда? Однако здесь мы приходим к одному из главнейших постулатов научно-технической терминологии, о котором говорилось ранее. Данный постулат касается ведущей роли частотности употребления технических терминов в контексте определения их «жизнеспособности» в технической терминосистеме в целом. Этот факт невозможно игнорировать в том числе в контексте работы с терминами строительной техники.

Таким образом, данное исследование представляет собой попытку автора обнаружить определенные противоречия, возникающие при анализе строительно-технической терминологии, и представить их в доступной форме для широкой аудитории профессионалов, занимающихся вопросами когнитивного терминоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М.: Либроком, 2012.
2. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1967. С. 103–125.
3. Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
4. Авербух К. Я. Общая теория термина. 2-е изд. М.: Изд-во МГОУ, 2006.
5. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
6. Новодранова В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр. М.; Рязань: Пресса, 2003. С. 150–155.
7. Киселева С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб.: Астерион, 2009.
8. Таранова Е. Н., Бубырева Ж. А., Таранов А. О. Проблема синонимии в специальной терминологии // Вестн. ТГПУ. 2016. № 2. С. 55–60.
9. Гринев С. В. Терминоведение на пороге третьего тысячелетия // Научно-техническая терминология. М.: ВНИИКИ, 2000. Вып. 1. С. 31–34.
10. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
11. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
12. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959.
13. Киселева С. В., Кононова И. В., Трофимова Н. А. Лексикология английского языка: учебник. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022.
14. Киселева С. В. К вопросу о синонимии // Актуальные проблемы лингвистики и гуманитарных наук: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-метод. конф., Москва, 23 марта 2012 г. / РУДН. М., 2012. С. 46–60.
15. Русинова Л. Н. О некоторых вопросах упорядочения и стандартизации терминологии (терминологическая синонимия) // Термины в языке и речи. Горький: Изд-во ГГУ, 1985. С. 25–31.

16. Speech communication in terms of cognition / S. A. Pesina, S. V. Kiseleva, S. V. Rudakova et al. // Revista De Investigaciones Universidad Del Quindío. 2022. No. 34 (S3). P. 82–89. DOI: 10.33975/riuq.vol34nS3.1000.
17. Голованова Е. И. Когнитивное варьирование в сфере профессиональной номинации // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22. С. 631–633.
18. Толикина Е. И. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1971. С. 57–67.
19. Бушев А. Б. Лингводидактические проблемы терминологии в военном переводе // Терминология и перевод в XXI веке: материалы Междунар. науч. конф., Омск, 26–28 июня 2002 г. / ОмГТУ. Омск, 2002. С. 30–35.
20. Functioning of Metaphor through the Prism of Invariant Theory of Polysemy / S. A. Pesina, S. A. Vinogradova, S. V. Kiseleva et al. // Applied Linguistics Research J. 2021. Vol. 5, no. 4. P. 247–252. DOI: 10.14744/alrj.2021.34356.
21. Ворона И. И. К вопросу терминологической синонимии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21): в 2 ч. Ч. II. С. 50–54.
22. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
23. СТ195 СТ230 СТ260 Operating Manual. Руководство по эксплуатации: 2023. URL: <https://carter-russia.ru/katalog/srednie-ekskavatory/carter-ct195-2/?ysclid=m7jgt445us265226449> (дата обращения: 12.10.2024).
24. СТ135 СТ160 Operating Manual. Руководство по эксплуатации: 2020. URL: <https://carter-russia.ru/katalog/srednie-ekskavatory/carter-ct195-2/?ysclid=m7jgt445us265226449> (дата обращения: 12.10.2024).
25. СТ108 СТ10 Operating Manual. Руководство по эксплуатации: 2023. URL: <https://carter-russia.ru/katalog/srednie-ekskavatory/carter-ct195-2/?ysclid=m7jgt445us265226449> (дата обращения: 12.10.2024).
26. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bucket> (дата обращения: 12.10.2024).
27. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 12.10.2024).
28. Merriam Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 12.10.2024).
29. Construction Machinery Glossary. URL: <http://www.theconstructionmachinery.com/glossary.html> (дата обращения: 12.10.2024).
30. Construction Equipment and its Management. URL: <https://readersend.com/product/construction-equipment-and-its-management/> (дата обращения: 12.10.2024).

Информация об авторе.

Родин Валентин Антонович – аспирант кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Петербургское шоссе, д. 10, Пушкин, Санкт-Петербург, 196605, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: семантика, терминология, когнитивная лингвистика, лексикология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 09.12.2024; принята после рецензирования 13.01.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.*

REFERENCES

1. Superanskaya, A.V., Podolskaya, N.V. and Vasilyeva, N.V. (2012), *General Terminology: Theoretical problems*, 6th ed., Librokom, Moscow, RUS.
2. Reformatsky, A.A. (1967), "Term as a member of lexical system", *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics], Nauka, Moscow, USSR, pp. 103–125.

3. Leichik, V.M. (2009), *Terminovedenie. Predmet, metody, struktura* [Terminology. Subject, methods, structure], 4th ed., LIBROKOM, Moscow, RUS.
4. Averboukh, K. (2006), *General Theory of the Term*, 2nd ed., Izd-vo MGOU, Moscow, RUS.
5. Komarova, Z.I. (1991), *Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie* [Semantic structure of a special word and its lexicographic description], Sverdlovsk, RUS.
6. Novodranova, V.F. (2003), "Problems of term formation in the cognitive-communicative", *Leksikologiya. Terminovedenie. Stilistika* [Lexicology. Terminology. Stylistics], Pressa, Moscow, Ryazan', RUS, pp. 150–155.
7. Kiseleva, S.V. (2009), *Sushchnost' mnogoznachnogo slova v angliiskom yazyke* [The essence of a polysemantic word in English], Asterion, SPb., RUS.
8. Taranova, E.N., Bubyreva, Zh.A. and Taranov, A.O. (2016), "Problem of Synonymy in Professional Terminology", *TSPU Bulletin*, no. 2, pp. 55–60.
9. Grinev, S.V. (2000), "Terminology on the threshold of the third millennium", *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya* [Scientific and technical terminology], iss. 1, VNIKI, Moscow, RUS, pp. 31–34.
10. Apresyan, Yu.D. (1974), *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language], Nauka, Moscow, USSR.
11. Nikitin, M.V. (2007), *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [Course of linguistic semantics], Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, SPb., RUS.
12. Arnol'd, I.V. (1959), *Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka* [Lexicology of the modern English language], 3rd ed., Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, Moscow, USSR.
13. Kiseleva, S.V., Kononova, I.V. and Trofimova, N.A. (2022), *Leksikologiya angliiskogo yazyka: uchebnik* [Lexicology of the English language], Publishing house UNECON, SPb., RUS.
14. Kiseleva, S.V. (2012), "On the issue of synonymy", *Actual problems of linguistics and humanities, Materials of the Int. Scientific Methodological Conf.*, Moscow, RUS, 23 March 2012, pp. 46–60.
15. Rusinova, L.N. (1985), "On some issues of streamlining and standardization of terminology (terminological synonymy)", *Terminy v yazyke i rechi* [Terms in language and speech], Izd-vo GGU, Gor'kii, USSR, pp. 25–31.
16. Pesina, S.A., Kiseleva, S.V., Rudakova, S.V., Vinogradova, S.A. and Trofimova, N.A. (2022), "Speech communication in terms of cognition", *Revista De Investigaciones Universidad Del Quindío*, no. 34 (S3), pp. 82–89. DOI: 10.33975/riuq.vol34nS3.1000.
17. Golovanova, E.I. (2015), "Cognitive variation in the sphere of professional nomination", *Cognitive studies of language*, iss. 22, pp. 631–633.
18. Tolikina, E.I. (1971), "Some Linguistic Problems of Term Study", *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoi terminologii* [Linguistic Problems of Scientific and Technical Terminology], Nauka, Moscow, RUS, pp. 57–67.
19. Bushev, A.B. (2002), "Lingvo-didactic problems of terminology in military translation", *Terminology and translation in the 21st century, Materials of the Int. Scientific Conf.*, Omsk, RUS, 26–28 June 2002, pp. 30–35.
20. Pesina, S.A., Vinogradova, S.A., Kiseleva, S.V. et al. (2021), "Functioning of Metaphor through the Prism of Invariant Theory of Polysemy", *Applied Linguistics Research J.*, vol. 5, no. 4, pp. 247–252. DOI: 10.14744/alrj.2021.34356.
21. Vorona, I.I. (2013), "On question of terminological synonymy", *Philology. Theory & Practice*, no. 3 (21), in 2 parts, part II, pp. 50–54.
22. Lotte, D.S. (1961), *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoi terminologii: voprosy teorii i metodiki* [Basics of constructing scientific and technical terminology: issues of theory and methodology], Izd-vo AN SSSR, Moscow, USSR.
23. *CT195 CT230 CT260 Operating Manual* (2020), available at: <https://carter-russia.ru/katalog/srednie-ekskavatory/carter-ct195-2/?ysclid=m7jgt445us265226449> (accessed 12.10.2024).
24. *CT135 CT160 Operating Manual* (2020), available at: <https://carter-russia.ru/katalog/srednie-ekskavatory/carter-ct195-2/?ysclid=m7jgt445us265226449> (accessed 12.10.2024).

25. *CT108 CT10 Operating Manual* (2023), available at: <https://carter-russia.ru/katalog/srednie-ekskavatory/carter-ct195-2/?ysclid=m7jgt445us265226449> (accessed 12.10.2024).

26. *Cambridge Dictionary*, available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bucket> (accessed 10.12.2024).

27. *Merriam Webster dictionary*, available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed 10.12.2024).

28. *Collins Dictionary*, available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed 10.12.2024).

29. *Construction Machinery Glossary*, available at: <http://www.theconstructionmachinery.com/glossary.html> (accessed 10.12.2024).

30. *Construction Equipment and its Management*, available at: <https://readersend.com/product/construction-equipment-and-its-management/> (accessed 10.12.2024).

Information about the author.

Valentin A. Rodin – Postgraduate at the Department of Romano-Germanic Philology and Lingvodidactics, Pushkin Leningrad State University, 10 Petersburgskoye hig, Pushkin, 196605 St Petersburg, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: semantics, terminology, cognitive linguistics, lexicology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.12.2024; adopted after review 13.01.2025; published online 21.04.2025.

Оригинальная статья

УДК 811.11-112

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-157-169>

Типы атрибутивных конструкций в среднеанглийской поэзии

Евгения Александровна Нильсен¹✉, Игнатий Кириллович Машко²

^{1, 2}*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

¹✉*nilsen.e@unecon.ru, [https:// 0000-0002-4424-0706](https://0000-0002-4424-0706)*

²*mashkoignatius@gmail.com*

Введение. Исследование фокусируется на атрибутивных конструкциях, функционирующих в среднеанглийских поэтических текстах. Анализируются выявленные атрибутивные конструкции с применением морфологического подхода. Основная цель заключается в выявлении типов атрибутивных конструкций, характерных для поэтических текстов среднеанглийского периода и описание их специфики.

Методология и источники. Исследование выполнено на материале оригинального текста новеллы Джеффри Чосера «The Canterbury Tales» («Кентерберийские рассказы») и текста его современной адаптации, представленного на сайте Гарвардского университета. Общий объем исследуемого фрагмента оригинального текста составляет 6 105 слов. Аtribuтивные конструкции отбирались в соответствии с классификацией, предложенной В. Л. Каушанской. Итоговый корпус атрибутивных конструкций был получен с использованием метода сплошной выборки и составил 396 уникальных атрибутивных конструкций. На втором этапе исследования был выполнен количественный анализ выявленных атрибутивных конструкций для определения их процентного соотношения в выбранном для анализа фрагменте текста.

Результаты и обсуждение. Наиболее часто встречающимся типом атрибутивной конструкции является модель, в которой роль атрибута выполняет имя прилагательное (37 %). Наименее частыми являются типы атрибутивных конструкций, в которых атрибут выражен: 1) именем существительным в именительном падеже (≈ 1 %); 2) именем числительным (≈ 1 %). Подавляющее большинство выявленных конструкций относятся к препозитивному типу (70 %).

Заключение. Анализ атрибутивных конструкций на материале поэтических текстов среднеанглийского периода показывает, что атрибут мог быть выражен 1) именем прилагательным; 2) притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже; 3) с помощью конструкций с предложной группой. Что касается положения атрибута относительно ядра конструкции помимо характерных и для современного английского языка препозитивного и постпозитивного типов в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера был выявлен ряд «исключений», в которых конвенциональный тип расположения атрибута относительно ядра меняется на противоположный, что отражает специфику среднеанглийского языка, который переживал период бурного развития и кардинальных изменений строя языка на пути к становлению литературной нормы. Дальнейшие исследования эволюции типов и специфики атрибутивных конструкций на материале среднеанглийской и ранненовоанглийской поэзии представляются крайне перспективным.

© Нильсен Е. А., Машко И. К., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: атрибутивные конструкции, атрибут, среднеанглийский текст, Дж. Чосер, диахрония, поэзия, типология

Для цитирования: Нильсен Е. А., Машко И. К. Типы атрибутивных конструкций в среднеанглийской поэзии // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 157–169. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-157-169.

Original paper

Types of Attributive Constructions in Middle English Poetry

*Evgeniia A. Nilsen*¹✉, *Ignatij K. Mashko*²

^{1, 2}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

¹✉*nilsen.e@unecon.ru, [https:// 0000-0002-4424-0706](https://0000-0002-4424-0706)*

²*mashkoignatius@gmail.com*

Introduction. The research focuses on attributive constructions functioning in Middle English poetic texts. The analysis of the identified attributive structures using a morphological approach is carried out. The main aim is to identify the types of attributive constructions characteristic of poetic texts of the Middle English period and describe their peculiarities.

Methodology and sources. The research is carried out on the material of the original text of Geoffrey Chaucer's 'The Canterbury Tales' and the text of its modern adaptation, presented on the website of Harvard University. The total volume of the investigated fragment of the original text is 6105 words. Attributive constructions were selected in accordance with the classification proposed by V.L. Kaushanskaya. The final corpus of attributive constructions was obtained using the method of continuous sampling and totalled 396 unique attributive constructions. At the second stage of the study, quantitative analysis of the identified attributive constructions was carried out in order to determine their percentage ratio in the text fragment selected for analysis.

Results and discussion. The most frequent type of attributive construction is the model in which the role of the attribute is performed by the adjective (37 %). The least frequent are the types of attributive constructions in which the attribute is expressed by: 1) a noun in the nominative case (≈ 1 %); 2) a numeral (≈ 1 %). The vast majority of the identified constructions belong to the prepositional type (70 %).

Conclusion. The analysis of attributive constructions based on the material of poetic texts of the Middle English period shows that the attribute could be expressed: 1) by an adjective; 2) by a possessive pronoun or noun in the genitive case; 3) using constructions with a prepositional group. As for the position of the attribute relative to the core of the construction, in addition to the prepositive and postpositive types characteristic of Modern English, a number of "exceptions" were identified in G. Chaucer's "Canterbury Tales" in which the conventional type of the attribute relative to the core is reversed, which reflects the specifics of the Middle English language, which was experiencing a period of rapid development and cardinal changes in the structure of language on the way to the formation of the literary norm. Further studies on the evolution of types and peculiarities of attributive constructions based on the material of Middle English and Early Modern English poetry seem extremely promising.

Keywords: attributive constructions, attribute, middle English text, G. Chaucer, diachrony, poetry, typology

For citation: Nilsen, E.A. and Mashko, I.K. (2025), "Types of Attributive Constructions in Middle English Poetry", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 157–169. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-157-169 (Russia).

Введение. Развитие английского языка представляет собой сложный и многогранный процесс, охватывающий более полутора тысяч лет, на протяжении которых язык претерпевал значительные изменения под влиянием завоеваний и взаимодействия с другими культурами. Очень важную роль в становлении и формировании литературной нормы английского языка сыграли процессы, происходившие в языке в среднеанглийский период, начало которого принято связывать с Нормандским завоеванием 1066 г. В этот период английский язык развивался под влиянием французского языка, являвшегося языком аристократии. Однако церковная литература и многие государственные документы составлялись на латинском языке, в то время как на английском языке разговаривали низшие слои общества. Таким образом, для среднеанглийского периода было характерно отсутствие литературной нормы, а также использование большого количества диалектов (лондонский, йоркширский, ланкаширский и др.) не только в устной, но и в письменной речи.

Наиболее весомую лепту в развитие английского языка и становление литературной нормы в среднеанглийский период внес Джефри Чосер, ярчайший поэт той эпохи, которого по праву называют «отцом английской литературы». Поэтому изучение именно его текстов как с точки зрения лексики, так и с точки зрения грамматики можно считать наиболее значимым и показательным в диахронических и синхронических исследованиях на материале текстов среднеанглийского периода. В частности, представляет большой интерес анализ атрибутивных конструкций, используемых Дж. Чосером в его самом известном произведении – сборнике из 22 стихотворных и прозаических новелл «Кентерберийские рассказы» («The Canterbury Tales»). Для написания своего знаменитого произведения поэт использовал лондонский диалект среднеанглийского языка, что поспособствовало распространению этого диалекта, который впоследствии лег в основу литературной нормы английского языка. Благодаря Чосеру и его произведению в английской поэзии появились новые формы, например, рифмованный куплет и слоговый метр, что оказало большое влияние на творчество других английских поэтов.

Атрибутивные конструкции играют значимую роль в создании ярких, запоминающихся образов и символов в поэтическом тексте, а также способствуют созданию уникальной структуры произведения. Однако атрибутивные конструкции в литературных текстах среднеанглийского периода, особенно в среднеанглийской поэзии, по-прежнему остаются малоизученными. Поэтому в этой статье внимание уделяется именно этому типу конструкций, эксплицирующих качества, признаки, свойства предметов и явлений, и занимающих особое место в языковой системе. Основной задачей исследования является определение типов атрибутивных конструкций, используемых в поэтических текстах среднеанглийского периода, а именно в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера. В исследовании применены методы морфологического анализа, методы сплошной выборки и количественного анализа.

Необходимо отметить, что понятие «атрибут» может рассматриваться в качестве онтологической или языковой категории, и несмотря на то, что у них есть определенное сходство, они не являются тождественными. Атрибутивные конструкции в английском языке являются одним из самых частых типов словосочетаний. Для них характерно большое разнообразие смысловых связей между членами конструкции.

Несмотря на множество работ, посвященных теоретическим основам изучения атрибутивных конструкций на материале не только английского, но и других языков (Е. М. Вольф, О. Н. Шалифова, Л. С. Коренцвит, Я. В. Проскура и др.), до сих пор нет единого мнения

относительно дефиниции этого понятия, определения свойств таких конструкций, их особенностей и т. д., что приводит не только к понятийному, но и терминологическому разнообразию – разные ученые предлагают различные термины для обозначения конструкций такого типа.

Существует точка зрения, в рамках которой атрибутивные конструкции рассматриваются как тип словосочетаний. Например, В. Д. Аракин использует понятие «свободное атрибутивное сочетание», т. е. «двухчлен (реже трехчлен), у которого оба компонента – стержневой и зависимый – соединены с помощью синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи» [1, с. 133]. Подобный подход подразумевает выявление различных типов связей между главным и зависимым компонентами, однако не учитывает тот факт, что атрибутивные конструкции могут состоять из трех и более компонентов. При рассмотрении атрибутивной конструкции как словосочетания Е. Б. Кириллова использует понятие «атрибутивная группа», под которой понимается «цепочка определений, состоящая из нескольких элементов, например существительных в общем падеже и прилагательных, иногда из целого фразеологического единства или даже предложения, образованных соположением» [2, с. 26].

В рамках морфологического подхода атрибутивные конструкции изучаются с точки зрения морфологического статуса компонентов. Такой подход предполагает рассмотрение их соотносительности с определенными грамматическими классами (частями речи) с выделением морфологических категориальных признаков, характерных для каждого из этих классов. В морфологическом подходе при описании атрибутивных конструкций особое место занимает определение положения слов относительно друг друга. По мнению О. С. Казаковцевой, расположение компонентов «зависит от морфологического выражения определяющего слова (а для прилагательных и местоимений выявляется также зависимость локализации от лексико-грамматического разряда)» [3, с. 11].

Существует еще один подход, в рамках которого атрибутивные конструкции рассматриваются с точки зрения понятийных категорий. В лингвистическом словаре В. Н. Ярцевой зафиксировано, что такого рода конструкции представляют собой «смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемым в естественном языке разнообразными средствами» [4, с. 557].

Атрибутивные конструкции можно также исследовать, используя функционально-семантический подход, при котором в конструкции выявляется полевая структура, соответственно выделяются ядро и периферия. Однако, как отмечает Д. А. Синкевич, «понятие “ядра” понятийной категории атрибутивности не соответствует понятию “ядра” атрибутивной конструкции в рамках теории словосочетания» [5, с. 241]. Согласно теории словосочетания ядром является структурный элемент конструкции, но если рассматривать ядро словосочетания как понятийную категорию, то «в качестве грамматикализованного ядра понятийной категории выступает соответствующая ей грамматическая категория» [4, с. 557]. Соответственно в качестве ядра понятийной категории атрибутивности выступит способ выражения этой категории с помощью грамматических категорий имени прилагательного, поскольку их использование представляется наиболее продуктивным для образования атрибутивных конструкций. В качестве периферии будут функционировать грамматические категории других частей речи, которые могут выступать в роли определения (числительные, герундий, существительное и т. д.).

Атрибутивные конструкции также изучаются в рамках когнитивного подхода, который предлагает рассматривать их как единицы сложной номинации с учетом «порядка расположения компонентов, типа связи и силы смыслового примыкания всех структурных элементов, характера семантических отношений и возможности вербального воплощения в конкретном языке значимых качеств и свойств того предмета или фрагмента действительности, о котором идет речь в определенный промежуток времени в отдельно взятом акте коммуникации» [6, с. 83]. Одним из ключевых понятий в рамках такого подхода является «атрибутивный фрейм», который, по мнению Я. В. Проскуры, представляет собой «диалектическое единство языковой и когнитивной сторон» [7, с. 8]. Следовательно, сущность атрибутивного фрейма представляет собой взаимодействие концептов, в котором ядерный концепт является репрезентирующим и определяемым элементом атрибутивной конструкции.

Таким образом, при анализе подходов к изучению атрибутивных конструкций было выявлено, что каждый из них ориентирован на описание тех или иных особенностей этих конструкций с опорой на когнитивные, морфологические, понятийные или функционально-семантические аспекты их изучения. Однако наиболее актуальным для данного исследования является использование морфологического подхода, сосредоточенного на определении морфологического статуса компонентов и расположения их в составе атрибутивной конструкции.

Разработка типологий атрибутивных конструкций неразрывно связана с морфологическим подходом к их изучению. Например, при рассмотрении атрибутивных конструкций как словосочетаний их делят на безъядерные и ядерные. И. П. Иванова пишет, что к ядерным словосочетаниям относятся словосочетания или группы слов, «образующих грамматически организованную структуру, в которой один элемент господствует над другим» [8, с. 134]. Такой «господствующий» элемент представляет собой ядро словосочетания. А безъядерные словосочетания, которые И. П. Иванова также называет взаимозависимыми, представляют собой «словосочетания или группу слов, разнообразных по структуре, связанных отношениями взаимозависимости: сочинения или подчинения» [8, с. 134].

В ходе изучения атрибутивных конструкций как понятийных категорий главным критерием для создания их типологии является «категория атрибутивности» [5, с. 241]. Основная функция этой категории заключается в выражении различных видов отношений. К атрибутивным понятийным категориям Д. А. Синкевич со ссылкой на лингвистический энциклопедический словарь относит: квалитативность (значение качества), квантитативность (значение количества), компаративность (градуальность), поссессивность (значение обладания) [5, с. 241].

Когнитивный подход к типологизации атрибутивных конструкций предполагает, что они «обладают способностью трансформации, образуя все возможные типы номинализации» [7, с. 8]. В основе такой классификации лежит типология атрибутов, в рамках которой Я. В. Проскура выделила шесть групп атрибутов: субстантивные (атрибут может быть существительным, выступающим в роли подлежащего, дополнения, обстоятельства, а также атрибутом принадлежности и предикатива), адъективные (прилагательное выступает в роли предиката, предикативного определения), партиципальные (причастие I и II), инфинитивные, финитные. Шестая группа представляет собой конструкции, не являющиеся результатом номинации: к ним могут относиться согласованные местоимения, атрибуты-наречия и атрибуты-приложения [7, с. 8].

В рамках морфологической типологии атрибутивные конструкции делятся на несколько групп в зависимости от того, к какой части речи относится атрибут. Согласно определению В. Л. Каушанской, атрибут является «второстепенным членом предложения, в роли которого может выступать существительное, местоимение или другая часть речи» [9, с. 301]. Атрибут может стоять в пре- или постпозиции по отношению к стержневому элементу в конструкции. В. Л. Каушанская отмечает, что в качестве атрибута могут функционировать следующие части речи:

- прилагательные (наиболее распространенный тип атрибута);
- местоимения (притяжательные, определительные, указательные, вопросительные, относительные);
- числительные (количественные, порядковые);
- существительные;
- конструкции с предложной группой;
- наречие (может выступать как в пре-, так и в постпозиции);
- причастие первого и второго типа;
- предложные сочетания или конструкция с предлогом и герундием (prepositional phrase or a prepositional construction with a gerund);
- инфинитив, инфинитивная фраза (infinitive phrase), инфинитивная конструкция (infinitive construction) [9, с. 301–305].

Таким образом, атрибутивные конструкции представляют собой комплексные и многогранные структуры, которые можно рассматривать с разных позиций, фокусируясь на различных аспектах их изучения. Это исследование проводится в рамках морфологического подхода с использованием классификации, разработанной В. Л. Каушанской, так как она является наиболее полной и соответствует целям и задачам данного исследования.

Результаты и обсуждение. Анализ отрывка из поэтического произведения Дж. Чосера «Кентерберийские рассказы» объемом в 6 105 слов с использованием метода сплошной выборки выявил 396 атрибутивных конструкций. По способу выражения атрибута они были распределены на следующие группы: атрибут выражен именем прилагательным – 144 конструкции; атрибут выражен любым местоимением, кроме притяжательного – 16; атрибут выражен существительным в именительном падеже – 5; атрибут выражен с помощью конструкций с предложной группой – 64; атрибут выражен притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже – 116; атрибут выражен причастием или причастным оборотом – 13; атрибут выражен конструкцией с глаголом в инфинитивной форме – 12; атрибут выражен именем числительным – 6; атрибут выражен придаточным предложением – 20; иные способы выражения атрибутивного элемента – 11. Процентное соотношение выявленных атрибутивных конструкций представлено на рис. 1.

Из рисунка следует, что наиболее распространённым типом атрибутивной конструкции в рассматриваемом произведении является сочетание имени существительного и имени прилагательного по формулам $N_1 + Adj_1$ или $Adj_1 + N_1$ соответственно; другими словами, атрибут в конструкциях данного типа выражен именем прилагательным. Такие атрибутивные конструкции составляют 37 % от общего числа анализируемых конструкций, выявленных в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера (табл. 1).

Рис. 1. Процентное соотношение атрибутивных конструкций в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера
Fig. 1. Percentage ratio of attributive constructions in “The Canterbury Tales» by G. Chaucer

Таблица 1. Примеры атрибутивных конструкций $N_1 + Adj_1/Adj_1 + N_1$ из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера [10]
Table 1. Examples of attributive constructions $N_1 + Adj_1/Adj_1 + N_1$ from The Canterbury Tales by G. Chaucer [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
And smale foweles maken melodye,	And small fowls make melody,
To ferne halwes , kowthe in sondry londes	To distant shrines , known in various lands
A knyght ther was, and that a worthy man ,	A knight there was, and that a worthy man ,
He was a verray, parfit gentil knyght .	He was a truly perfect, noble knight .
But greet harm was it, as it thoughte me,	But it was a great harm , as it seemed to me.

Вторым наиболее распространенным типом атрибутивной конструкции (29 % от общего числа конструкций) является тип, в котором в роли атрибута выступают притяжательные местоимения ($Pro_{poss.} + N_1$) или существительные в родительном падеже ($N_1_{gen.} + N_2$) (табл. 2).

Таблица 2. Примеры атрибутивных конструкций $Pro_{poss.} + N_1 / N_1_{gen.} + N_2$ из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера [10]
Table 2. Examples of attributive constructions $Pro_{poss.} + N_1 / N_1_{gen.} + N_2$ from «The Canterbury Tales» by G. Chaucer [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
But if a mannes soule were in his purs;	Unless a man's soul were in his purse;
She leet no morsel from hir lippes falle,	She let no morsel fall from her lips ;
For his science and for his heigh renoun,	For his knowledge and for his excellent reputation;
Ful worthy was he in his lordes werre ,	He was very worthy in his lord's war ,
And specially from every shires ende ;	And specially from every shire's end

Третьим наиболее распространенным типом атрибутивной конструкции (16 % от общего числа конструкций) является атрибутивная конструкция с субстантивным атрибутом, объединенная предложной группой ($N_1 + pr + N_2$) (табл. 3).

Таблица 3. Примеры атрибутивных конструкций $N_1 + pr + N_2$
из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера [10]
Table 3. Examples of attributive constructions $N_1 + pr + N_2$
from «The Canterbury Tales» by G. Chaucer [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
It snowed in his hous of mete and drynke ; Of alle deyntees that men koude thynke,	That in his house it snowed with food and drink ; Of all the dainties that men could imagine,
A Cristopher on his brest of silver sheene.	A Christopher-medal of bright silver on his breast.
And yet he hadde a thombe of gold , pardee.	And yet he had a thumb of gold , indeed.
For Frenssh of Parys was to hire unknowe.	For French of Paris was to her unknown.
He hadde a croys of latoun ful of stones ,	He had a cross of latten covered with stones .

Менее частотными являются атрибутивные конструкции с определительным придаточным (5 % от общего числа конструкций) (табл. 4).

Таблица 4. Примеры атрибутивных конструкций $N_1 + pr + N_2$
из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера [10]
Table 4. Examples of attributive constructions $N_1 + pr + N_2$
from «The Canterbury Tales» by G. Chaucer [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
His eyen stepe, and rolynge in his heed , That stemed as a forneys of a leed ;	His eyes were prominent, and rolling in his head , Which gleamed like a furnace under a cauldron ;
Of double worstede was his semycope , That rounded as a belle out of the presse.	Of wide cloth was his short cloak , Which was round as a bell fresh from the clothespress. ;
Of maistres hadde he mo than thries ten, That weren of lawe expert and curious, Of which ther were a duszeyne in that hous Worthy to been stywardes of rente and lond Of any lord that is in Engeland,	He had more than three times ten masters , Who were expert and skillful in law, Of whom there were a dozen in that house Worthy to be stewards of rent and land Of any lord that is in England,
This Reve sat upon a ful good stot That was al pomely grey and highte Scot.	This Reeve sat upon a very good horse That was all dapple gray and was called Scot

Следующим по частотности является тип атрибутивной конструкции, в котором атрибут выражен любым разрядом местоимения, кроме притяжательного (4 % от общего числа конструкций) (табл. 5).

Таблица 5. Примеры атрибутивных конструкций из «Кентерберийских рассказов»
Дж. Чосера с атрибутом, выраженным местоимением [10]
Table 5. Examples of attributive constructions from «The Canterbury Tales»
by G. Chaucer with an attribute expressed by a pronoun [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
That he had lerned out of som decree --	That he had learned out of some text of ecclesiastical law --
At nyght was come into that hostelrye	At night had come into that hostelry
Of which ther were a duszeyne in that hous	Of whom there were a dozen in that house
As I seyde erst, and doon yow som confort	As I said before, and provide you some pleasure
And where they engendred, and of what humour .	And where they were engendered, and by what bodily fluid .

Следующим по частотности (3 % от общего числа конструкций) является тип атрибутивной конструкции, в котором атрибут выражен причастием или причастным оборотом (табл. 6).

Таблица 6. Примеры атрибутивных конструкций из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера с атрибутом, выраженным причастием или причастным оборотом [10]
Table 6. Examples of attributive constructions from «The Canterbury Tales» by G. Chaucer with an attribute expressed by a participle or a participial turn [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
And on that oother syde a gay daggere Harneised wel and sharp as point of spere;	And on that other side an elegant dagger Well ornamented and sharp as the point of a spear;
With lokkes crulle as they were leyd in presse.	With locks curled as if they had been laid in a curler.
A bettre envyned man was nowher noon.	Nowhere was there any man better stocked with wine.
With rosted flessch , or milk and wastel-breed.	With roasted meat , or milk and fine white bread.

Тип атрибутивной конструкции, при котором в роли атрибута выступает конструкция с глаголом в инфинитивной форме, также составляет 3 % от общего числа выявленных атрибутивных конструкций (табл. 7).

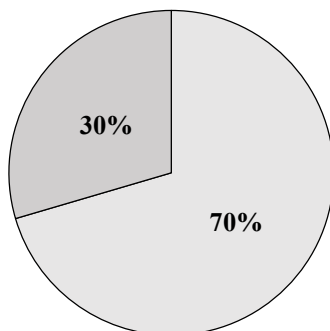
Таблица 7. Примеры атрибутивных конструкций из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера с атрибутом, выраженным конструкцией с глаголом в инфинитивной форме [10]
Table 7. Examples of attributive constructions from «The Canterbury Tales» by G. Chaucer with an attribute expressed by a construction with a verb in infinitive form [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
He was an esy man to yeve penaunce,	He was a lenient man in giving penance,
And made forward erly for to ryse,	And made agreement to rise early,
A good felawe to have his concubyn	A good fellow to have his concubine
And pynnes , for to yeven faire wyves.	And pins , to give to fair wives.

Атрибутивные конструкции, в которых атрибут выражен либо именем существительным в именительном падеже, либо именем числительным составляют крайне малую долю от общего числа выявленных атрибутивных конструкций, тем не менее они продолжают представлять значительный интерес для дальнейших исследований эволюции способов выражения атрибутов в английской поэзии в диахронии. Более детальный анализ динамики изменения частоты и специфики употребления того или иного типа атрибутивной конструкции возможен при сопоставительном анализе результатов исследований поэтических текстов, принадлежащих к разным периодам развития английского языка.

В ходе анализа корпуса выявленных атрибутивных конструкций с точки зрения положения атрибута относительно ядра атрибутивной конструкции были получены следующие данные: 279 атрибутивных конструкций относятся к разряду препозитивных; 117 атрибутивных конструкций относятся к разряду постпозитивных. Процентное соотношение выявленных атрибутивных конструкций по признаку позиции атрибута относительно ядра конструкции представлено на рис. 2, из которого следует, что в выполненном количественном сравнении постпозитивных и препозитивных атрибутивных конструкций в анализируемом фрагменте поэтического произведения среднеанглийского периода в значительной степени преобладают конструкции с атрибутом в препозиции. При этом надо учитывать, что большая часть препозитивных атрибутивных конструкций (87,8 % от общего числа) приходится на два типа конструкций, в которых атрибут выражен: 1) именем прилагательным; 2) притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже. Подобное распределение вполне ожидаемо, учитывая тот факт, что большую часть подобных конструкций составляют словосочетания Adj₁ + N₁, которые в настоящее время являются одним из наиболее распространенных типов ат-

рибутивной конструкции. В частности, примером такой конструкции служит следующий контекст из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера: «And certeinly he hadde a **murye note** (среднеанглийский текст)»/«And certainly he had a **merry voice**» (современный английский текст) [10].

□ препозитивные атрибутивные конструкции □ постпозитивные атрибутивные конструкции

Рис. 2. Процентное соотношение выявленных атрибутивных конструкций по признаку позиции атрибута относительно ядра конструкции
Fig. 2. Percentage ratio of identified attributive constructs based on attribute position relative to the core of the construct

Однако среди атрибутивных конструкций, в которых атрибут выражен именем прилагательным, в анализируемом фрагменте был обнаружен ряд «исключений», в которых атрибут располагался в постпозиции относительно ядра конструкции и создавал эффект инверсии. При этом надо отметить, что современная адаптация, представленная на сайте Гарвардского университета, зачастую переносит атрибут в препозицию, что более характерно для английского языка на его современном этапе развития. Количество подобных «исключений» составляет порядка 11–12 % от общего числа атрибутивных конструкций, в которых атрибут выражен именем прилагательным (табл. 8).

Таблица 8. Примеры атрибутивных конструкций из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера с атрибутом, выраженным прилагательным – «исключения» [10]
Table 8. Examples of attributive constructions from ‘The Canterbury Tales’ by G. Chaucer with an attribute expressed by an adjective – ‘exceptions’ [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
Short was his gowne, with sleves longe and wyde .	His gown was short, with long and wide sleeves .
Than robes riche , or fithеле, or gay sautrie.	Than rich robes , or a fiddle, or an elegant psaltery.
But it were any persone obstinate ,	Unless it were an obstinate person ,
Or feyne thyng, or fynde wordes newe .	Or make up things, or find new words .
A large man he was with even stepe --	He was a large man with prominent eyes --

Среди постпозитивных конструкций также выделяются две группы: первая, в которой атрибут выражен с помощью конструкций с предложной группой, и вторая, в которой атрибут выражен придаточным предложением. На эти два типа атрибутивных конструкций из общего числа конструкций с атрибутом в постпозиции приходится 67,5 %. Также стоит выделить атрибутивные конструкции, в которых атрибут выражен с помощью конструкций с предложной группой, в основном с помощью предлога *of*. Порядка 92 % из них относятся к категории постпозитивных конструкций, однако среди них есть «исключения», в которых преобладающий тип расположения атрибута относительно ядра меняется на противоположный. Такие «исключения» представлены в табл. 9.

Таблица 9. Примеры атрибутивных конструкций из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, являющиеся «исключениями» [10]

Table 9. Examples of attributive constructions from G. Chaucer's "Canterbury Tales" that are 'exceptions' [10]

Среднеанглийский текст	Современный английский текст
Of wodecraft wel koude he al the usage .	He well knew all the practice of woodcraft .
Of his array telle I no lenger tale .	I tell no longer tale of his clothing
The cause yknowe, and of his harm the roote .	The cause known, and the source of his harm ,
Now is nat that of God a ful fair grace	Now is not that a very fair grace of God
And of oure tales juge and reportour ,	And judge and score keeper of our tales ,

Как и в случае с «исключениями», в которых атрибут был выражен именем прилагательным, современная адаптация переносит атрибут в постпозицию и тем самым изменяет тип атрибутивной конструкции на противоположный.

Заключение. Таким образом, в результате анализа встречающихся в среднеанглийском поэтическом тексте атрибутивных конструкций была выявлена и описана их специфика как с точки зрения способов выражения атрибута, так и его положения относительно ядра конструкции. Как показывает материал исследования, наиболее частотными способами выражения атрибута в поэзии Дж. Чосера являются три типа атрибутивных конструкций, в которых: 1) атрибут выражен именем прилагательным; 2) атрибут выражен притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже; 3) атрибут выражен с помощью конструкций с предложной группой. Суммарно они составляют 82 % от общего числа выявленных конструкций, при этом почти половина (37 %) от этого числа относится к конструкциям первого типа, в которых атрибут выражен именем прилагательным. Подавляющее большинство выявленных конструкций относится к препозитивному типу (70 %). Кроме того, исследование выявило ряд «исключений», в которых преобладающий тип расположения атрибута относительно ядра меняется на противоположный. Такие исключения подтверждают нестабильный и динамичный характер английского языка исследуемого периода.

В заключение отметим, что, несмотря на то, что в среднеанглийский период еще не сложилась литературная норма английского языка, специфика среднеанглийских атрибутивных конструкций имеет много общего с современной структурой таких конструкций как в плане способов выражения атрибута, так и его положения относительно ядра конструкции. В то же время существуют определенные особенности среднеанглийских атрибутивных конструкций, встречающихся в поэзии Дж. Чосера, обусловленные не только «переходной» эпохой становления литературной нормы английского языка, но и присущими поэтическому жанру особенностями и ограничениями, во многом связанными с его формальной структурой.

Дальнейший анализ эволюции форм атрибутивных конструкций в поэтических текстах среднеанглийского и ранненовоанглийского периодов представляется крайне перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. 3-е изд. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005.

2. Кириллова Е. Б. Атрибутивные конструкции как один из наиболее распространенных типов свободных словосочетаний в современном английском языке. Основные приемы их перевода на русский язык // Основные проблемы гуманитарных наук: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 11 октября 2017 г. Вып. 4 / ИЦРОН. Волгоград, 2014. С. 26–29.

3. Казаковцева О. С. Расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских памятниках XI–XIII веков (на материале текстов эпистолярного жанра и древнерусского красноречия): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ПетрГУ. Петрозаводск, 2020.
4. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
5. Синкевич Д. А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 239–248.
6. Ткаченко А. В. Атрибутивное словосочетание в традиционном и когнитивном аспектах изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 4. С. 80–86. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.17.
7. Проскура Я. В. Атрибутивные конструкции в немецком языке: когнитивный и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / КузГПА. Новокузнецк, 2006.
8. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник. М.: Высш. шк., 1981.
9. Грамматика английского языка / В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер, О. Н. Кожевникова и др. М.: Айрис Пресс, 2008.
10. Harvard's Geoffrey Chaucer Website // Harvard Univ. URL: <https://chaucer.fas.harvard.edu/pages/general-prologue-0> (дата обращения: 19.08.2024).

Информация об авторах.

Евгения Александровна Нильсен – доктор филологических наук (2015), профессор (2016), заведующий кафедрой английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 225 научных публикаций. Сфера научных интересов: семантика, диахроническая лингвоконцептология, когнитивная лингвистика, лексикология, история английского языка.

Игнатий Кириллович Машко – аспирант кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: семантика, диахроническая лингвоконцептология, когнитивная лингвистика, лексикология, история английского языка.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.12.2024; принята после рецензирования 28.01.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.*

REFERENCES

1. Arakin, V.D. (2005), *Sravnitel'naya tipologiya angliiskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian languages], 3rd ed., Fizmatlit, Moscow, RUS.
2. Kirillova, E.B. (2017), "Attributive constructions as one of the most widespread types of free word combinations in modern English. The main methods of their translation into Russian", *The main problems of the humanities, Collection of Scientific Papers on the Results of the int. Scientific-Practical Conf.*, Volgograd, RUS, pp. 26–29.
3. Kazakovtseva, O.S. (2020), "The location of the components of the attributive phrase in the Old Russian monuments of the XI-XIII centuries (on the material of the texts of the epistolary genre and the Old Russian eloquent)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, PetrSU, Petrozavodsk, RUS.
4. Yartseva, V.N. (1990), *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary], Sov. entsiklopediya, Moscow, USSR.
5. Sinkevich, D.A. (2010), "Attributive constructions in modern linguistics: problems of definition and analysis", *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki* [Actual issues of modern science], no. 12, pp. 239–248.

6. Tkachenko, A.V. (2020), "Attributive word combinations from the viewpoints of traditional and cognitive approaches (by the material of the English language)", *Philology. Theory & Practice*, vol. 13, no. 4, pp. 80–86. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.17

7. Proskura, Yu.V. (2006), "Attributive constructions in the German language: cognitive and functional aspects", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, KuzSPA, Novokuznetsk, RUS.

8. Ivanova, I.P., Burlakova, V.V. and Pocheptsov, G.G. (1981), *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliiskogo yazyka* [Theoretical Grammar of Modern English], Vyssh. shkola, Moscow, USSR.

9. Kaushanskaya, V.L., Kovner, R.L., Kozhevnikova, O.N. et al. (2008), *A Grammar of the English Language*, Airis Press, Moscow, RUS.

10. "Harvard's Geoffrey Chaucer Website", *Harvard Univ.*, available at: <https://chaucer.fas.harvard.edu/pages/general-prologue-0> (accessed 19.08.2024).

Information about the authors.

Evgeniia A. Nilsen – Dr. Sci. (Philology, 2015), Professor (2016), Head of the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 225 scientific publications. Area of expertise: semantics, diachronic linguoconceptology, cognitive linguistics, lexicology, history of the English language.

Ignatij K. Mashko – Postgraduate at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: semantics, cognitive linguistics, lexicology, diachronic analyses of poetic texts.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.12.2024; adopted after review 28.01.2025; published online 21.04.2025.

Original paper
УДК 81'373.611
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-170-181>

Citespace-Based Bibliometric Analysis of Englishes: Insights and Trends

Pengfei Liu

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
18854809713@163.com*

Introduction. The paper examines English in its diverse roles as a national language, a medium for international and intercultural exchange, a practical communication tool for non-native speakers, and a subject of various research programs associated with its functional varieties. The research aims to provide a structured overview of studies on English varieties and their roles within the fields of World Englishes (WE), Global English (GE), English as a Lingua Franca (ELF), and English as an International Language (EIL). The objective of this paper is to summarize achievements in the study of English variation and offer insights for future research.

Methodology and sources. Empirically, the study draws on data from 2008 to 2024 extracted from the Web of Science Core Collection, analyzed using Citespace to visualize trends and patterns within the field.

Results and discussion. The findings reveal that research on WE, GE, ELF, and EIL has been characterized by interdisciplinary and multi-institutional collaboration. The recognition of the polycentric nature of modern English has elevated the status of its varieties, whose phonetic characteristics and pragmatic applications are increasingly integrated into education.

Conclusion. The research has revealed a steady rise in the scholarly interest in the problem of language variation, particularly as exemplified by the English language. This resulted in positive shifts in the World Englishes positioning and reception both in the theoretical and applied fields. However, unresolved issues and research gaps remain, as identified in the study.

Keywords: bibliometric analysis, world Englishes (WE), global English (GE), English as a Lingua Franca (ELF), English as an international language (EIL), CiteSpace

For citation: Liu, P. (2025), "Citespace-Based Bibliometric Analysis of Englishes: Insights and Trends", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 170–181. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-170-181.

Оригинальная статья

Библиометрический анализ вариантов английского языка с использованием CiteSpace: положение дел и перспективы исследований

Лю Пэнфэй

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
18854809713@163.com*

Введение. В фокусе внимания в настоящей статье находится английский язык в его различных функциях: как национальный язык, как средство международного и межкультурного обмена, как инструмент практической коммуникации носителей других

© Liu, P., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

языков, а также как источник разнообразных исследовательских программ, связанных с этими функциональными разновидностями языка. Цель исследования заключается в создании структурированного обзора исследований отмеченных функциональных разновидностей английского языка в рамках таких исследовательских направлений, как контактная вариантология (World Englishes, WE), глобальный английский (Global English, GE), английский как лингва франка (English as a Lingua Franca, ELF) и английский как международный язык (English as an International Language, EIL).

Методология и источники. Эмпирическая база исследования основана на данных за период 2008–2024 гг., полученных из основной коллекции Web of Science, которые были проанализированы с использованием программы Citespace для визуализации тенденций и паттернов в изучаемой области.

Результаты и обсуждение. Результаты показывают, что исследования в области WE, GE, ELF и EIL характеризуются междисциплинарным и межинституциональным сотрудничеством. Признание полицентрического характера современного английского языка привело к повышению статуса его вариантов, чьи фонетические характеристики и прагматические функции постепенно интегрируются в образовательные программы.

Заключение. Проведенное исследование показало стабильный рост исследовательского интереса к проблеме вариативности английского языка, результатом которого стали положительные сдвиги в рецепции и позиционировании национальных вариантов как в теоретическом, так и прикладном поле. Тем не менее остаются нерешенные проблемы и «слепые зоны», также выявленные в ходе исследования.

Ключевые слова: библиометрический анализ, мировые варианты английского языка (WE), глобальный английский (GE), английский как лингва-франка (ELF), английский как международный язык (EIL), CiteSpace

Для цитирования: Лю П. Библиометрический анализ вариантов английского языка с использованием CiteSpace: положение дел и перспективы исследований // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 170–181. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-170-181.

Introduction. David Crystal famously noted, “[t]here is no such thing as English, only Englishes” [1, p. 45]. But what do these Englishes reveal about identity, power and globalization? There is a growing body of literature exploring English varieties from diverse perspectives to answer the aforementioned question, forming three essential branches, English as a Lingua Franca (ELF), English as an International Language (EIL) and World Englishes (WE). While ELF focuses on English as a practical communication tool for non-native speakers, EIL emphasizes its global and intercultural function. WE, on the other hand, celebrates the linguistic and cultural diversity of localized English varieties. Together, these frameworks offer a comprehensive understanding of the complex role of English in the world today. However, a thorough and updated literature review is lacking now. Therefore, this paper aims to supplement an inclusive and structured view on the Englishes studies.

With over 1.5 billion speakers globally, English is not a single language but a kaleidoscope of local varieties. As a result of circumstances including the reverberations of colonial expansion and socioeconomic requirements to some English-speaking countries while trading with their partners, the function of English is multifaceted, serving as a lingua franca, facilitating communication among speakers of different native languages, which ensures mutual intelligibility in multicultural settings. It is also a tool for academic and technological progress, and a medium for cultural exchange. The notion of British English and American English being the only standard Englishes is losing ground, which is symptomatic of the increasing importance for the speakers of

keeping their identity, whichever language, native or non-native, they might be utilizing. The use of English by non-native speakers has garnered heightened attention, and a growing body of research has been conducted in this domain as the population of non-native speakers consistently exceeds that of native English speakers.

The resultant variability of linguistic norms leads to a potential quandary, as English in its national varieties used by individuals of different linguistic backgrounds ceases to be understandable to the speakers of other varieties [2–4], meaning that English here ceases to be the world’s longed for global lingua franca and international language.

Thus, a comprehensive literature review on WE, ELF, and EIL can enhance our overall understanding of the functionality of English and, consequently, facilitate social, economic, and political interactions and exchanges.

This study aims to provide a structured view to English varieties research and answer the following questions: 1) what have we achieved in this field up to now? 2) how can we conduct relevant research in the future?

Methodology and sources. Our understanding of Englishes is largely based on studies that investigate the similarities and differences between endo- and exonormative varieties, aiming at identifying the lexical and pragmatic characteristics of regional Englishes. The majority of the existing literature reviews narrow their focus onto a specific research element, such as the study methodology or the present state of research on a particular English variety, lacking a thorough discussion of various research directions, the current status of the field, and significant discoveries. To address this gap, the present study adopts a more thorough quantitative approach, utilizing software that allows for the exploration and analysis of scientific research fields through network visualization.

CiteSpace is an invaluable tool for conducting literature analysis, identifying research trends, and uncovering interdisciplinary connections [5]. It offers an alternative method for staying updated on scientific literature, continuously tracking the evolving knowledge domain, and significantly reducing biases by encompassing publications from a wide range of perspectives, schools of thought, and disciplines. Its design is inspired by Thomas Kuhn’s concept of scientific revolutions [6, p. 16]. Through visualization and network analysis, CiteSpace enables researchers to extract valuable insights from large sets of literature data. Whether employed for frontier research, bibliometrics, or interdisciplinary studies, CiteSpace provides robust support [5, 7, 8]. In a recent article, Tan et al. [9] conducted an up-to-date and comprehensive bibliometric analysis of English for Specific Purposes (ESP) from 2011 to 2023, demonstrating the tool’s ability to provide a scientific overview.

For this study, 3094 bibliometric records for papers published from 2008 to 2024, withdrawn from the Web of Science core collection, were analyzed using CiteSpace. The initial step involved identifying key themes from the WOS collection, including “World Englishes”, “Global Englishes”, “English varieties”, “English as a Lingua Franca”, and “English as an International Language”. The selection was restricted by the parameters of language (English), and the document type (article). After filtering out irrelevant literature, all relevant records were processed using CiteSpace analysis, including author co-citation, country network analysis, timezone view, keyword cluster and burst detection, cited references, and document co-citation analysis. Through these visual and network analysis, the paper aims to identify prominent journals, key researchers, research trends, and significant achievements in the field.

Results and discussion. In this section, the results of annual comparisons of the selection of articles, key research themes, contributing countries, and authors are presented and discussed. This analysis examines literature from 2008 to the present, obtaining a total of 3094 articles. As illustrated in Fig. 1, there is a steady upward trend in attention to the Englishes research. This study will review the available research across the three domains specified above.

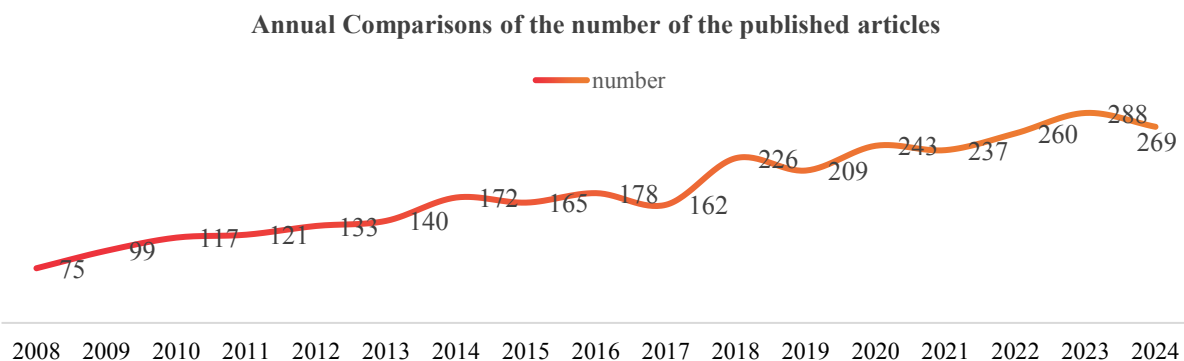

Fig. 1. Comparisons of the number of publications per year from 2008 to present

Key journals and key researchers. The first set of analysis investigates the authors, institutions and countries that contributed the most to the World Englishes, global English, ELF, and EIL paradigm in the past decades.

The result, as shown in Fig. 2, indicates that the United States, the United Kingdom, China, and Germany are the top four contributing countries with 799, 382, 338, and 269 articles respectively, out of the 310 entities that have submitted pertinent papers.

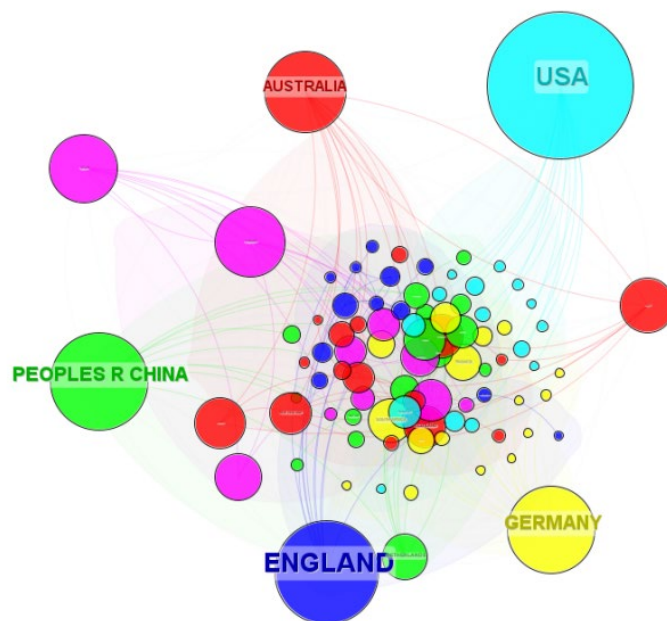

Fig. 2. Co-country network of WE, GE, ELF and EIL research

On the institutions level, the University of London, University of California System, Nanyang Technological University, and Hong Kong Polytechnic University are the most active contributors, as is set out in Fig. 3.

Fig. 3. Key institutions to articles on WE, GE, ELF and EIL topic

Passing onto the individual level, we have identified the authors who have expedited the WE, GE, ELF and EIL research (see Table 1, Fig. 4).

What stands out in the presented data is the trend of multi-national and multi-institutional collaboration, which is consistent with the Englishes exploration: out of 6 entities, highlighted in Table 1, half are presented by international research teams. This also illustrates the feature of English varieties study, which is the necessity of examining the origins and evolution of a certain English variety from a multitude of perspectives in order to get more thorough and impartial findings.

Table 1. Major authors of WE, GE, ELF and EIL research

Count	Authors
12	Hamid, M Obaidul
11	Szmrecsanyi, Benedikt
9	Kang, Okim; Bernaisch, Tobias; Collins, Peter; Saito, Kazuya;
8	Sung, Chit Cheung Matthew
7	Bolton, Kingsley; Lee, Ju Seong; Stell, Cerald; Boonsuk, Yusop
6	Baker, Will; Lee, Seongyong; Tagliamonte, Sali A; Rose, Heath; Hundt, Marianne; Deuber, Dagmar; Ahn, So-Yeon; Kobayashi, Yoko.

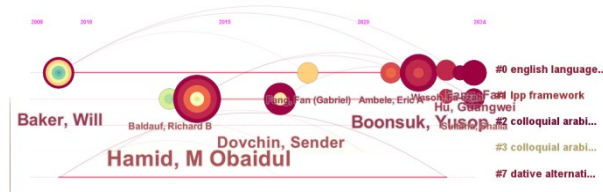

Fig. 4. Transitions of key authors in WE, GE, ELF and EIL research

Further analysis of data shows that M.O. Hamid studies the Englishes of Bangladesh, Vietnam, Arabic, Saudi Arabic, and Asia and his research is focused on the policy and pedagogy of those English varieties [10, 11]. His research frequently investigates the utilization of English across various cultural contexts, emphasizing the global proliferation of English and its effects on indigenous languages and communities. Another major contributor, B. Szmrecsanyi, emphasizes in his research the comparative exploration of multiple English varieties through dialect typology and corpus research methodologies, particularly at the morphosyntactic or grammatical level [12, 13]. W. Baker is among the pioneering authors to have initiated the study in the domain of cultural communication, who substantially actively participated in the study of World Englishes, English as a Lingua Franca, and English teaching. More importantly, his work explores how socioeconomic issues, such as class, ethnicity, and education determine how English is used, spoken, and taught around the world.

Key Developments. This section of the study analyzes the compiled database for keywords, using Citespace to examine the essential developmental insights in the WE, GE, ELF and EIL research. Fig. 5 and 6, as well as Table 2 illustrate that contemporary study in this domain has concentrated on three areas: education, interdisciplinary studies, and language identity, with sociology, psychology, anthropology, and corpora integrated within interdisciplinary studies.

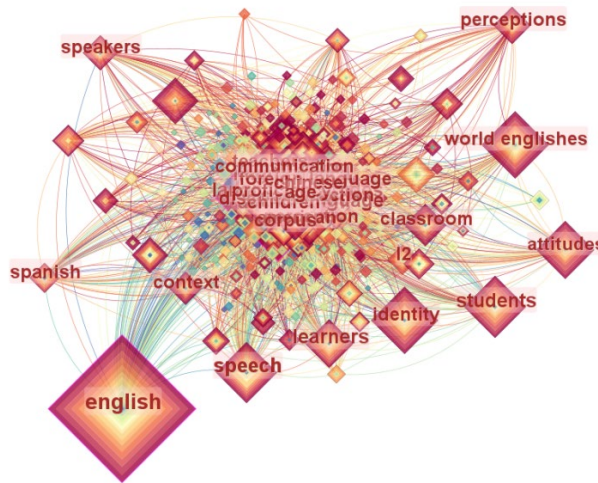

Fig. 5. Keywords clusters of WE, GE, ELF and EIL research

Table 2. Major themes of WE, GE, ELF and EIL research

Key Categories	Major Themes
Education	Acquisition; Students; Proficiency; L2 Motivation
Interdisciplinary Studies	Sociology; Psychology; Anthropology; Corpus Linguistics
Language Identity	Attitudes; Variety; Policy; 2nd Language

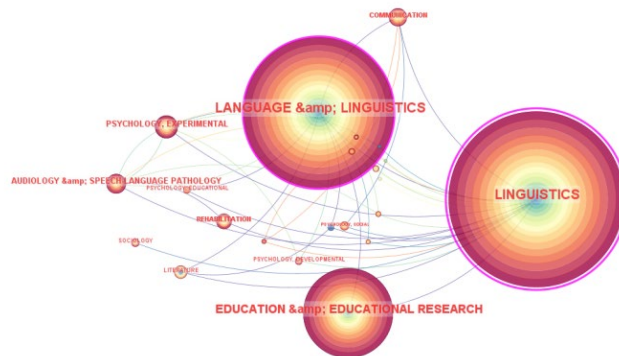

Fig. 6. Category of WE, GE, ELF and EIL research

More research has been conducted on the opinions of non-native English speakers regarding standard English and other varieties of the language [14]. Piller and Cho [15], as the most cited article, explored how the economic ideology – neoliberalism – serves as a covert language policy mechanism pushing the global spread of English. Some surveys indicate that English teachers gradually depart from considering American and British English as the teaching standards. They advocate explicit instruction on the distinguishing features of English varieties, such as Malaysian English and Chinese English [16]. Yet, this trend is not universal. Thus the Evan and Imai [17]’s survey of Japanese English revealed that US English continues to be perceived as the ‘standard’ variety in Japanese English teaching.

Regarding “identity” or “variety”, it has been estimated that up to 66.28 percent of English speakers worldwide are non-native speakers [18], which makes the notion of a single or even dual worldwide standard problematic. This is what Young and Walsh [19] observe in respect to “standard English”, suggesting that it is better to aim at real than at standard. In Ambele and Boonsuk’s [20] research, the findings revealed that most of the participants congruently agreed that the prime target of ELT is to prepare language learners for communication that involves interlocutors, and not to force them to adopt native-like English competence.

Following the identity research, many studies have concentrated on the characterization of different varieties of the English language. Bello et. al [3] investigated intelligibility of English vowels produced by Nigerian and Malaysian speakers and the findings showed that Malaysian English lacks vowel contrast between /e-æ/, /i-i:/, and /ʌ-ɜ:/ and the authors indicate that a brief training session can augment individuals' understanding of diverse language varieties and promote comprehensibility. The Evan and Imai [17]’s research, focused on Japanese English, demonstrates that international relations profoundly impact this language variety.

Among other trends, Salazar [21] outlines the ongoing initiatives of the Oxford English Dictionary in respect to English varieties and highlights how scholars have utilized the OED in subsequent studies to substantiate their own research findings.

The status of many English varieties has been elevated, and numerous studies no longer categorize them as non-standard English. However, this has also spawned new issues. Young and Walsh [19] investigated teachers’ beliefs on which model(s) were likely to predominate in their teaching contexts in the future and results showed that teachers may work without any clear idea of “which English” was the target. From another perspective, educators might incorporate the attributes of each English variety into their instructional material to facilitate students’ comprehension of the actual significance of WE. Recognizing the distinctiveness of different varieties is crucial for our future endeavors in language acquisition and instruction and our English instruction could prioritize communicative proficiency.

Among other teaching implications, Lee [16] highlights the role of examining methods, which are to augment students' WE cognition as well as boost their receptiveness to diverse English varieties, while also addressing the role of educators in this endeavor. Nonetheless, the findings are not sufficiently instructive about the current state of English language education.

Research Trends. This section aims at investigating the research trends and milestone findings, which may have important implications for the future development of the Englishes paradigm. As evinces from Fig. 7, the discussion surrounding the following four themes, “English as a medium of instruction”, “English language teaching”, “global Englishes” and “languages”, has become more prominent subsequent to 2020. The present condition of the English language instruction and acquisition as a second or third language, along with the associated challenges, has been a central focus of research in English Medium Instruction (EMI). Richards and Pun [22]’s “A Typology of English-Medium Instruction”, as the most cited source, identified 51 features across 10 curriculum categories and highlighted different dimensions of EMI that are involved in describing, planning, or evaluating EMI. Surveys also investigate the present condition of EMI instruction and learning through example-based inquiry to enhance language teaching and learning, such as Aizawa and Rose [23]’s High School to University Transitional Challenges in

English Medium Instruction in Japan, Yuksel et.al [24]’s A Longitudinal Study at An English Medium Instruction University in Turkey: the Interplay between English Language Improvement and Academic Success.

Current research on global Englishes primarily examines the identification and attributes of multiple English varieties, integrating this with English Language Teaching to enhance learners' understanding of global Englishes and to shift priority from Native English. Rose et. al. [25] set a future research agenda in which explicit research into teacher education, including the exploration of changes in teacher beliefs and practices of Global Englishes, and curriculum change were suggested. And Boonsuk [26] found that students appreciated the value of “Thai English”, as they no longer viewed it as a communicative barrier. Curry and Lillis [27] proposed to turn the predominant focus on English and the English Only ideology and emphasized the multilingual realities of academic knowledge production globally.

Other obstacles persist, including the training of educators and formulation of empirically effective curriculum based on these findings, although studies have delineated the identities of English varieties and examined their implications for pedagogy. More research on this topic needs to be undertaken concerning these challenges.

This study additionally found that, as Fig. 7 illustrates, there has been a steady decline in grammar research in recent years, with an increase in studies that concentrate on the utterance or usage features. Meaning in corpus linguistics is frequently obtained by examining language usage patterns in big text collections, or corpora. The influence of the grammatical dimension is no longer decisive. The study of intelligence has also revealed the similar pattern.

Top 25 Keywords with the Strongest Citation Bursts

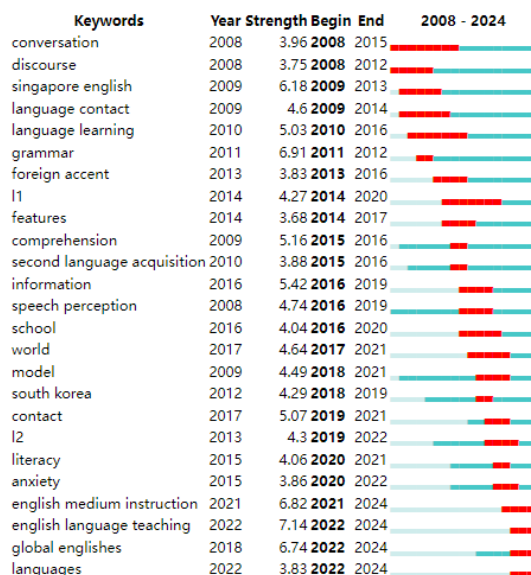

Fig. 7. Keywords bursts of WE, GE, ELF and EIL research from 2008 to 2024

The evaluation of key developments and research trends reveals that, despite significant advancements in current research and the gradual application of findings from other sectors of English language field to the study of English varieties, many questions remain unanswered. First, for instance, there is still no practical and efficient way to direct instruction even though American

and British English is no longer considered the standard English and the status of English varieties has been acknowledged. Second, more work has been done to examine the phonetic elements, which is highly beneficial for increasing intelligibility. However, it is still unclear how to use and represent these findings in the classroom. The findings reported here suggest that more research on the aforementioned should be conducted to encourage dialogue.

Conclusion. This study set out to figure out what have been researched in WE, GE, ELF and EIL up to now and what needs to be investigated further. The results have shown that research connected to Englishes across the world has grown in recent years, characterized by enhanced collaboration among scholars and institutions, as well as a shift towards multidisciplinary studies. Contemporary research has established the position of each English variety, contended that standard English should not be sought, and acknowledged the significance of comprehensive examination of each English variety for effective communication. The research on the characteristics of different varieties of English extends beyond their historical origins to explore phonetic features and pragmatic dimensions. These findings have been utilized in education, prompting English educators and learners across various countries to cultivate an understanding of global Englishes. Nonetheless, additional challenges remain in place, including the determination of a standard of English for instructional purposes, the enhancement of the teaching curriculum, and the immature and unsystematic study on various English varieties. These were also the focal points and trends in research from 2020.

Being aware of the limitation, consisting in addressing only data from the WOS, we still hope the present study can offer a framework for the exploration of WE, GE, ELF and EIL, while future research may broaden the study database to encompass CNKI and similar resources.

REFERENCES

1. Crystal, D. (2003), *English as a global language*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, NY, USA.
2. Mohr, S. (2007), "Plural nouns in Tswana English", *World Englishes*, vol. 36, iss. 4, pp. 705–725. DOI: 10.1111/weng.12246.
3. Bello, H., Yap, N.T., Chan, M.Y. and Nimehchisalem, V. (2020), "Intelligibility of English Vowels Produced by Nigerian and Malaysian Speakers", *Research in Applied Linguistics*, vol. 11, iss. 2, pp. 81–94. DOI: 10.22055/RALS.2020.15948.
4. Daria, S.Y., Choi, I. and Lee, Y. (2019), "Modal Usage of Advanced Korean EFL Learn-ers, Young Korean EFL Learners, and Native English Speakers: A Corpora Comparison Study", *Language and Linguistics*, no. 85, pp. 23–54. DOI: 10.20865/20198502.
5. Zhou, J. and Lin, J. (2023), "A Visualized CiteSpace Analysis on Eye-Tracking in Language Studies Abroad", *Int. J. of Education and Humanities*, vol. 3, no. 3, pp. 327–331. DOI: <https://doi.org/10.54097/ijeh.v11i3.14923>.
6. Chen, C. (2016), *Citespace: A Practical Guide for Mapping Scientific Literature*, Nova Publishers, NY, USA.
7. He, C. and Wei, X. (2019), "Study of Corpus' Influences in EAP Research (2009-2018): A Bibliometric Analysis in CiteSpace", *English Language Teaching*, vol. 12, no. 12, pp. 59–66. DOI: 10.5539/elt.v12n12p59.
8. Jia, S., Harji, M. B. and Lu, Z. (2023), "Comparative Study on Task-Based Teaching and Learning: A Scientometric Analysis in CiteSpace", *Environment-Behaviour Proceedings J.*, vol. 8, no. 25, pp. 47–54. DOI: 10.21834/e-bpj.v8i25.4832.
9. Tan, S.N., Harji, M.B. and Zhang, S.X. (2023), "Research Status, Hotspots and Trends of Business English Writing in China: A Bibliometric Analysis Via CiteSpace", *Environment-Behaviour Proceedings J.*, vol. 8, no. 26, pp. 113–119. DOI: 10.21834/e-bpj.v8i26.5122.

10. Hamid, M.O. (2015), "The Linguistic Market for English in Bangladesh", *Current Issues in Language Planning*, vol. 17, iss. 1, pp. 36–55. DOI: 10.1080/14664208.2016.1105909.
11. Hamid, M.O. and Kirkpatrick, A. (2016), "Foreign Language Policies in Asia and Australia in the Asia Century", *Language Problems and Language Planning*, vol. 40, iss. 1, pp. 26–46. DOI: 10.1075/lplp.40.1.02ham.
12. Szmrecsanyi, B. (2009), "Typological Parameters of Intralingual Variability: Grammatical Analyticity versus Syntheticity in Varieties of English", *Language Variation and Change*, vol. 21, iss. 3, pp. 319–353. DOI: 10.1017/S0954394509990123.
13. Szmrecsanyi, B., Grafmiller, J., Heller, B. and Röthlisberger, M. (2016), "Around the World in Three Alternations: Modeling Syntactic Variation in Varieties of English", *English World-Wide*, vol. 37, no. 2, pp. 109–137. DOI: 10.13140/RG.2.1.1886.0248.
14. Christou, E., Thomas, N. and McKinley, J. (2022), "Chinese Pre-service English Teachers' Beliefs about English as an International Language (EIL)", *J. of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 45, iss. 10, pp. 4166–4181. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434632.2022.2148681>.
15. Piller, I. and Cho, J. (2013), "Neoliberalism as Language Policy", *Language in Society*, vol. 42, iss. 1, pp. 23–44. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404512000887>.
16. Lee, J.S. (2019), "Teacher as Change Agent: Attitude Change toward Varieties of English through Teaching English as an International Language", *Asian Englishes*, vol. 21, no. 1, pp. 87–102. DOI: 10.1080/13488678.2018.1434396.
17. Evans, B.E. and Imai, T. (2011), "If we say English, that means America": Japanese Students' Perceptions of Varieties of English", *Language Awareness*, vol. 20, iss. 4, pp. 315–326. DOI: 10.1080/09658416.2011.592590.
18. Isbell, D.R. and Crowther, D. (2023), "Revisiting US Undergraduate Perceptions of Non-native English Varieties: from Millennials to Generation Z", *Applied Linguistics*, vol. 44, iss. 2, pp. 287–311. DOI: 10.1093/applin/amac048.
19. Young, T. and Walsh, S. (2010), "Which English? Whose English? An Investigation of "non-native" Teachers' Beliefs about Target Varieties", *Language, Culture and Curriculum*, vol. 23, iss. 2, pp. 123–137. DOI: 10.1080/07908311003797627.
20. Ambele, E.A. and Boonsuk, Y. (2020), "Voices of Learners in Thai ELT Classrooms: a Wake up Call towards Teaching English as a Lingua Franca", *Asian Englishes*, vol. 23, iss. 2, pp. 201–217. DOI: 10.1080/13488678.2020.1759248.
21. Salazar, D. (2021), "Documenting World Englishes in the Oxford English Dictionary: Past Perspectives, Present Developments, and Future Directions", *Research Developments in World Englishes*, Bloomsbury Publishing, London, UK, pp. 271–294. DOI: 10.5040/9781350167087.CH-013.
22. Richards, J.C. and Pun, J. (2023), "A Typology of English-medium Instruction", *RELC J.*, vol. 54, iss. 1, pp. 216–240. DOI: 10.1177/0033688220968584.
23. Aizawa, I. and Rose, H. (2020), "High School to University Transitional Challenges in English Medium Instruction in Japan", *System*, vol. 95: 102390. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.system.2020.102390>.
24. Yuksel, D., Soruç, A., Altay, M. and Curle, S. (2023), "A Longitudinal Study at an English Medium Instruction University in Turkey: the Interplay between English Language Improvement and Academic Success", *Applied Linguistics Review*, vol. 14, iss. 3, pp. 533–552. DOI: 10.1515/applirev-2020-0097.
25. Rose, H., McKinley, J. and Galloway, N. (2021), "Global Englishes and Language Teaching: A Review of Pedagogical Research", *Language Teaching*, vol. 54, iss. 2, pp. 157–189. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444820000518>.
26. Boonsuk, Y., Ambele, E.A. and McKinley, J. (2021), "Developing Awareness of Global Englishes: Moving away from "native standards" for Thai University ELT", *System*, vol. 99: 102522. DOI: 10.1016/j.system.2021.102511.
27. Curry, M.J. and Lillis, T. (2022), "Multilingualism in Academic Writing for Publication: Putting English in its Place", *Language Teaching*, vol. 57, iss. 1, pp. 87–100. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444822000040>.

Information about the author.

Pengfei Liu – Postgraduate at the Translation Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: intercultural communication, corpus linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.01.2025; adopted after review 11.02.2025; published online 21.04.2025.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crystal D. English as a global language. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003.
2. Mohr S. Plural nouns in Tswana English // World Englishes. 2007. Vol. 36, iss. 4. P. 705–725. DOI: 10.1111/weng.12246.
3. Intelligibility of English Vowels Produced by Nigerian and Malaysian Speakers / H. Bello, N. T. Yap, M. Y. Chan, V. Nimehchisalem // Research in Applied Linguistics. 2020. Vol. 11, iss. 2. P. 81–94.
4. Daria S. Y., Choi I., Lee Y. Modal Usage of Advanced Korean EFL Learners, Young Korean EFL Learners, and Native English Speakers: A Corpora Comparison Study // Language and Linguistics. 2019. № 85. P. 23–54. DOI: 10.20865/20198502.
5. Zhou J., Lin J. A Visualized CiteSpace Analysis on Eye-Tracking in Language Studies Abroad // Int. J. of Education and Humanities. 2023. Vol. 11, no. 3. P. 327–331. DOI: <https://doi.org/10.54097/ijeh.v11i3.14923>.
6. Chen C. Citespace: A Practical Guide for Mapping Scientific Literature. NY: Nova Publishers, 2016.
7. He C., Wei X. Study of Corpus' Influences in EAP Research (2009-2018): A Bibliometric Analysis in CiteSpace // English Language Teaching. 2019. Vol. 12, no. 12. P. 59–66. DOI: 10.5539/elt.v12n12p59.
8. Jia S., Harji M. B., Lu Z. Comparative Study on Task-Based Teaching and Learning: A Scientometric Analysis in Citespace // Environment-Behaviour Proceedings J. 2023. Vol. 8, no. 25. P. 47–54. DOI: 10.21834/e-bpj.v8i25.4832.
9. Tan S. N., Harji M. B., Zhang S. X. Research Status, Hotspots and Trends of Business English Writing in China: A Bibliometric Analysis Via Citespace // Environment-Behaviour Proceedings J. 2023. Vol. 8, no. 26. P. 113–119. DOI: 10.21834/e-bpj.v8i26.5122.
10. Hamid M. O. The Linguistic Market for English in Bangladesh // Current Issues in Language Planning. 2015. Vol. 17, iss. 1. P. 36–55. DOI: 10.1080/14664208.2016.1105909.
11. Hamid M. O., Kirkpatrick A. Foreign Language Policies in Asia and Australia in the Asia Century // Language Problems and Language Planning. 2016. Vol. 40, iss. 1. P. 26–46. DOI: 10.1075/lplp.40.1.02ham.
12. Szmrecsanyi B. Typological Parameters of Intralingual Variability: Grammatical Analyticity versus Syntheticity in Varieties of English // Language Variation and Change. 2009. Vol. 21, iss. 3. P. 319–353. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0954394509990123>.
13. Around the World in Three Alternations Modeling Syntactic Variation in Varieties of English / B. Szmrecsanyi, J. Grafmiller, B. Heller, M. Röthlisberger // English World-Wide. 2016. Vol. 37, no. 2. P. 109–137. DOI: 10.13140/RG.2.1.1886.0248.
14. Christou E., Thomas N., McKinley J. Chinese Pre-service English Teachers' Beliefs about English as an International Language (EIL) // J. of Multilingual and Multicultural Development. 2022. Vol. 45, iss. 10. P. 4166–4181. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434632.2022.2148681>.
15. Piller I., Cho J. Neoliberalism as Language Policy // Language in Society. 2013. Vol. 42, iss. 1. P. 23–44. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404512000887>.
16. Lee J. S. Teacher as Change Agent: Attitude Change toward Varieties of English through Teaching English as an International Language // Asian Englishes. 2019. Vol. 21, no. 1. P. 87–102. DOI: 10.1080/13488678.2018.1434396.
17. Evans B. E., Imai T. "If we say English, that means America": Japanese Students' Perceptions of Varieties of English // Language Awareness. 2011. Vol. 20, iss. 4. P. 315–326. DOI: 10.1080/09658416.2011.592590.

18. Isbell D. R., Crowther D. Revisiting US Undergraduate Perceptions of Non-native English Varieties: from Millennials to Generation Z // *Applied Linguistics*. 2023. Vol. 44, iss. 2. P. 287–311. DOI: 10.1093/applin/amac048.

19. Young T., Walsh S. Which English? Whose English? An Investigation of “non-native” Teachers’ Beliefs about Target Varieties // *Language, Culture and Curriculum*. 2010. Vol. 23, no. 2. P. 123–137. DOI: 10.1080/07908311003797627.

20. Ambele E. A., Boonsuk Y. Voices of Learners in Thai ELT Classrooms: a Wake up Call towards Teaching English as a Lingua Franca // *Asian Englishes*. 2020. Vol. 23, iss. 2. P. 201–217. DOI: 10.1080/13488678.2020.1759248.

21. Salazar D. Documenting World Englishes in the Oxford English Dictionary: Past Perspectives, Present Developments, and Future Directions // *Research Developments in World Englishes*. London: Bloomsbury Publishing, 2021. P. 271–294. DOI: 10.5040/9781350167087.CH-013.

22. Richards J. C., Pun J. A Typology of English-medium Instruction // *RELC Journal*. 2023. Vol. 54, iss. 1. P. 216–240. DOI: 10.1177/0033688220968584.

23. Aizawa I., Rose H. High School to University Transitional Challenges in English Medium Instruction in Japan // *System*. 2020. Vol. 95: 102390. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.system.2020.102390>.

24. A Longitudinal Study at an English Medium Instruction University in Turkey: the Interplay between English Language Improvement and Academic Success / D. Yuksel, A. Soruç, M. Altay, S. Curle // *Applied Linguistics Review*. 2023. Vol. 14, iss. 3. P. 533–552. DOI: 10.1515/applirev-2020-0097.

25. Rose H., McKinley J., Galloway N. Global Englishes and Language Teaching: A Review of Pedagogical Research // *Language Teaching*. 2021. Vol. 54, iss. 2. P. 157–189. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444820000518>.

26. Boonsuk Y., Ambele E. A., McKinley J. Developing Awareness of Global Englishes: Moving away from ‘native standards’ for Thai University ELT // *System*. 2021. Vol. 99: 102522. DOI: 10.1016/j.system.2021.102511.

27. Curry M. J., Lillis T. Multilingualism in Academic Writing for Publication: Putting English in its Place // *Language Teaching*. 2022. Vol. 57, iss. 1. P. 87–100. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444822000040>.

Информация об авторе.

Лю Пэнфэй – аспирант кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор трех научных публикаций. Область научных интересов: межкультурная коммуникация, корпусная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.01.2025; принята после рецензирования 11.02.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *a*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включить идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 17.04.25. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,18. Печ. л. 23,25. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 35.
Цена свободная.

Signed to print 17.04.25. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 24,18. Conventional printed sheets 23,25. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 35.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56